

1
ЭРА.Т-76.1.3181

ГОССТРОЙ ЭССР

P-3291

СОЮЗ АРХИТЕКТОРОВ ЭССР

РЕСПУБЛИКАНСКОЕ РЕСТАВРАЦИОННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

МЕТОДИКА РЕСТАВРАЦИИ И КОНСЕРВАЦИИ
АРХИТЕКТУРНЫХ ПАМЯТНИКОВ

Доклады семинара-совещания
с 6 по 10 июня 1977 г. в
Таллине

Таллин, 1977 г.

СОДЕРЖАНИЕ

- 1. О некоторых проблемах методики охраны памятников архитектуры в ЭССР Ф. Томпа
- 2. О целях и назначениях систематического изучения архитектуры мыз Х. Юпрус
- 3. Первые результаты инвентаризации архитектуры мыз Ю. Майсте
- 4. Об абсолютной датировке памятников Сааре-Ляянской (островов и западной части Эстонии) архитектуры дендрохронологическим методом К. Алуве
- 5. О регенерации старой части города Тарту Р. Киви
- 6. О работах в руинах монастыря Пирита В. Раам
- 7. Об истории архитектуры замка города Курессааре К. Алуве

В 1967 году у меня была возможность на всесоюзном семинаре реставраторов в Таллине рассказать о методике исследования и регенерации застройки старого Таллина. В то время реставраторы Советского Союза стояли перед новой и тяжелой задачей изучения исторических городских центров и выборе^М направления их дальнейшего развития.

В области сохранения и реконструкции исторических городов в СССР проделана большая работа. И если и не все в этой деятельности протекает в полном единогласии (например, проблемы туризма и транспорта), то все же можно сказать, что информация по истории зодчества, полученная по историческим городам, образует большой вклад в фонд истории архитектуры исторических городов.

Еще раньше, чем плоды работы в области исторических городов успели созреть, перед органами охраны памятников вновь встали новые задачи: архитектурное наследие на селе (деревни, имения и т.п.), промышленная архитектура (мельницы, фабрики итд.). На последних международных форумах среди ряда вопросов у работников охраны памятников наибольшее звучание получают сельские ансамбли¹⁾, причем центр тяжести с архитектуры и с охраны архитектуры сместился на наследие прошлого как этическое и социальное явление. Дело в том, что семидесятые годы в Европе обнаружили, что все расширяющаяся индустриализация угрожает деревне так же как и городу. Приговорены к гибели вода, климат, почва, фауна и весь культурный ландшафт, содержащий все перечисленные компоненты, а также и сельские поселки. Таким образом в круг зрения попало все созданное человеком, все то, что питает разум и дух. Наряду с экологией природы возникло понятие культурной экологии, т.е. ^{того} что окружает человека, в том числе и структура прошлого и памятники. Нет необходимости в длительной агитации значения роли архитектурного наследия в этом. Наследие зодчества оправдывает самое себя.

¹⁾ H. Gebhard. Denkmalschutz auf dem Lande. Eine Zukunft für unsere Vergangenheit. München 1975, S. 100

Сельская архитектура является широкой и в то же время многоликой темой. Её роль в качестве жизни получила высокую оценку, а значение сельской архитектуры для современного человека становится все более понятной.

Таким образом поднят вопрос не только о музееальной сохранности наследия зодчества (например - Эстонский республиканский парк-музей или хутор Михкли на Сааремаа), но и об архитектурном наследии как активном факторе в современной среде.

В Эстонской ССР экологические вопросы сельского ландшафта рассматривались уже в ряде районов. В них включались и поселки и сельская архитектура. И наша тема, рассматриваемая здесь - архитектура имений (миз), которая в сельском ландшафте образует и в условиях социалистического аграрно-промышленного производства скелет центров хозяйств. Именно поэтому проблема архитектуры миз стала в Эстонской ССР особенно актуальной.

Ансамбль имения как объект исследования

Ансамбли миз являются одним из наиболее многочисленных видов архитектурных памятников в Эстонской ССР. Однако именно в этой части у нас отсутствует систематическая информация. Свою роль в этом сыграли враждебные отношения между коренным населением и владельцами миз - представителями чужого народа. Архитектура имений в ходе истории неоднократно уничтожалась и создавалась вновь в совершенно новом виде; можно сказать, что она создавалась неоднократно. Здесь идет речь не об этапах перестройки, а об этапах новой закладки, которые в основном покрываются с историческо-политической периодизацией Эстонии. Революционные взрывы настоящего столетия (1905, 1917 гг.) и обе мировые войны обусловили ряд разрушений в части архитектуры, и в то же время являлись причиной радикальных изменений в административной структуре всей республики и в положении имений как архитектурных целых. К двадцатим годам текущего века из миз образовались новые поселения. Ансамбли миз были расселены между несколь-

ними владельцами. Новые хозяева — поселенцы — не нуждались более в бывших домах с десятками комнат, а также и в многочисленных подсобных строениях. Часть из них была разобрана, часть же постепенно разваливалась. Часть миз, перешедших во владение школ, больниц и других учреждений, сохранились относительно неплохо. Некоторые из них включены в список взятых под охрану памятников. В списке взятых под охрану памятников архитектуры насчитывается 64 миз. Зная количество миз, число их разновидностей и многообразие и архитектурно-историческую ценность типов зданий, мы не можем считать это число достаточным. Объекты, взятые под охрану не отражают правильно действительного положения. В списке не имеется всех разновидностей и типов архитектуры миз; многие из них до настоящего времени вовсе неизвестны. Особенно я хотела бы это подчеркнуть с точки зрения ансамблевости миз, где композиционные, а в то же время и (особенно в части пристроек) архитектурные вопросы главного здания, более представительных хозяйственных строений, ряда строений сельскохозяйственного назначения, строений для размещения скота, а также и промышленные здания остаются почти что не рассмотренными с точки зрения истории архитектуры, а также и в системе охраны памятников.

Само по себе вызывает удивление то, что столь старое поселение как миза²⁾ до сих пор рассматривалась в истории искусств главным образом как только явление классицизма. 18/19 века не являются ни новейшим и ни старейшим этапом в дляншемся столетия пути развития архитектуры миз. При ретроспективном рассмотрении архитектуры поместий мы можем обнаружить еще целый ряд реминисценций, относящихся к дням средневековых вассальных или же епископских или монастырских миз. Свидетельства рассмотренных выше этапов заложения сохраняются из трех этапов (например Кальви в Кохтла-Ярвеском районе): руины вассального замка, следы строительной деятельности конца 18 века и новостройка 20 века. В парках многих миз имеются развалины (Вяйна, Кальба и многие другие), которые, повидимому, сохранились как мотивы руин

2) P. Johansen, Die Estlandliste des Liber Censur Daniae, Kopenhagen - Reval, 1933, s. 271 ff.

P. Ariste, Mõis ja mõis. Emakeele Seltsi aastaraamat II, 1965, lk. 105 jj.

в архитектуре парков; это было характерно в период увлечения прошлым; в качестве атрибутов романтических настроений даже искусственные руины были излюбленными элементами парковой архитектуры. Но в то же время среди наших мнз мы можем найти ряд поздних великолепных ансамблей конца 19 или начала 20 века, для рассмотрения которых мы имеем уже достаточную временную дистанцию, чтобы включить их в фонд памятников архитектуры.

Наиболее значительная часть архитектуры мнз Эстонской ССР действительно отражает творческие установки и достижения зодчества, искусства и парковой архитектуры 18 и 19 века. Хозяйство мнз периода капитализма была основой для импульсивного развития архитектуры мнз в эти столетия.

Однако даже с точки зрения видов и типов архитектуры мнз 18/19 века наши представления в целом еще непоследовательны и детально не исследованы. Мы не имеем свободного представления о республике, а также и территориальных (по-уездно) или временных группах. Историки архитектуры имеют здесь еще широкое поле деятельности.

Вопросы возникновения мнз, рост или же уменьшение их числа и изменение мнз как архитектурного комплекса: этапы, виды, типы - все это требует дальнейшего исследования, но лишь в рамках систематического подхода.

Начав систематическую исследовательскую работу, мы убедились в том, что исходные данные для этого были недостаточными. Не имелось данных даже о максимальном числе и распространении поместий, без чего систематическое исследование не может даже рассматриваться. Для создания ^{математической} модели мнз как поселения была набросана провизорная карта их распространения. Для сбора информации на местах была составлена экспериментальная анкета (см). Анкеты вместе с исследователями, рассматривающими положение, охрану и проблематику систематического исследования ³⁾ входят в первый этап работы.

3) N. Üprus. Eksperimentaalanketid "T" ja "I" Eesti NSV mõisarahitektuuris inventariseerimiseks. Tallinn 1976, VRV P-266

4) N. Üprus. Ettepanekud Eesti NSV mõisarahitektuuri süstemaatiseks uurimistööks. Tallinn, 1975, VRV P-2525.

1) N. Üprus. Programm ja üldprintsiibid mõisarahitektuuri inventariseerimiseks. VRV P-2669.

4) J. Maiste. Harju rajooni mõisate arv ja levik (eksperimentaalrajoon) Tallinn 1976, VRV P. 2676.

Работа второго этапа заключалась в пересмотре и дополнении показывающей число и распространение провизорной модели многочисленными научными исходными данными, а также опирая с экспериментальной анкетой. Об этом этапе детально доложит на настоящем семинаре исполнитель этой работы Юхан Майсте.

Сбор систематической информации
путем инвентаризации.

Цель и принципы.

Под сбором систематической информации прежде всего подразумевается инвентаризация архитектуры миз по всей республике. Целью инвентаризации архитектуры миз является осмотр на местах всех миз, как сохранившихся, так и исчезнувших в своей застройке, чтобы таким образом фиксировать ансамбли миз Эстонской ССР на одну определенное время (Лето 1976/77) и собрать информацию о числе, сохранности, состоянии ансамбля и отдельных строений, характере использования и ценности этого вида памятников архитектуры.

Инвентаризация архитектуры миз была квалифицирована как актуальная и безотлагательная срочная работа, результаты которой должны сказаться в аграрнопромышленной жизни нашей социалистической деревни, в которой в настоящее время происходят крупные изменения застройки центров хозяйств. Сознательное вмешательство охраны памятников без сомнения позволит избежать потерь в наследии прошлого. Средствами охраны памятников можно осуществить восстановление авторитета архитектуры миз как архитектурного наследия с целью дальнейшей регламентации судьбы этого вида зодчества. Была поставлена цель: полученная в ходе инвентаризации архитектуры помещений информация должна служить интересам человека и помогать реализации общих направлений в части регуляции окружающей среды.

В ходе инвентаризации миза рассматривается как архитектурно-исторический ансамбль. В то же время целью является не только показ наличия интересной или ценной с точки зрения истории архитектуры застройки а также его стили или характера, но и определения качества мизы как определенной формы поселения прошлого, имеющей ансамблевые свойства (ситуация, природные

факторы, композиция центрального комплекса, состав застройки и т.д.). Отдельное здание имения, отрезанное от своего органического окружения и изолированное от него, является все же лишь экспонатом. Оно становится стерильным, теряет визуальную обобщенность, которая отличает одно здание мизы от другого. В международных кругах охраны памятников настроение дворца или здания мизы и окружающего их парка рассматривается как "возможность культурного отдыха", где возможна организация совершенно иного досуга, чем в современных зонах отдыха с их "развлекательным шумом". Поднятая в первом этапе нашей работы идея создания убежище-образного места отдыха ("рефугиум") в ансамблях миз⁴⁾, расположенных в местах с красивой природой уже получила широкий отклик. Идея была даже развита до предложения организации возможностей отдыха носящих название "оздоровителей".⁵⁾ Повсюду в мире единодушно сходятся в мнении, что исторические художественные ансамбли воздействуют на современное окружение значительно больше, чем отдельные здания.

Инвентаризация ансамблей миз проводится по-районно. Это обусловлено тем, что внедрение результатов инвентаризации в практике легче всего осуществить на основе существующего административного деления, т.е. района, сельсовета, районного сельскохозяйственного предприятия или учреждения республиканского значения.

С точки зрения научного исследования ансамбля мизы как наследия прошлого необходимо вести учет и на основании историческо-топографического и историческо-административного деления, как это делают все исторические дисциплины в Эстонской ССР в интересах традиционного и плывного продолжения исследовательской работы.

Архитектура миз является многообещающей темой для наших исследователей архитектуры. Но более глубокое изучение её неизбежно отодвигается во второй этап. Инвентаризация

4) H. Üprus. Mineviku tulevikust. Sirp ja Vasar Nr. Nr. 3,4, 1977
 5) T. Velliste. Tervistu ja (luule) helem. Sirp ja Vasar Nr. 11, 1977.

может служить одной из основ этого следующего этапа. Поэтому информация о сохранности и архитектурно-исторической характеристике должна быть используемой в качестве базы для исследования. Это должно быть обеспечено кругом вопросов анкеты и компетентностью ответов на них. Основным требованием является здесь корректность терминологии и краткое описание строения, по возможности в духе получивших международное распространение справочников.

Мы неоднократно подчеркивали, что одной из задач инвентаризации является определение будущего архитектуры помещений. К архитектуре зданий следует подходить как к капиталу, используемому неверно или же в недостаточной степени. В ходе инвентаризации необходимо было бы найти идею или направление для дальнейшего использования. Подведение конечных итогов, обработка данных инвентаризации и составление соответствующих предложений займут некоторое время, так как архитектурно-исторические ценности и факторы охраны окружающей среды необходимо согласовать с республиканскими и региональными интересами. Однако решение определенных вопросов должно быть незамедлительным и проводиться в ходе текущей работы. Среди них можно назвать: улучшение технического состояния зданий, предотвращение опасности разрушения, корректировка неподходящей функции, ликвидация пассивного или неправильного отношения на месте. О всех этих наблюдениях следует быстро информировать соответствующие инстанции. Явления подобного рода требуют быстрого организационного и ведомственного вмешательства. Особенно существенна функция. Корректировка функции, нахождение новой, более подходящей функции для исторической архитектуры является важным вопросом. Следует учитывать архитектуру, но в то же время и многие требования времени. Не имеет значения, какой бы ни была историческая архитектура или же каково время её создания. Новая функция, даваемая зданию, должна удовлетворять требованиям региона или республики. В то же время новая функция не смеет находиться в противоречии с установками и требованиями охраны памятников.

Анкета

Инвентаризация архитектуры миз проводится с помощью анкет. Анкета была составлена на основании характерной типичной мизы (для получения типичной мизы были взяты данные около 50 хорошо или средне сохранившихся ансамблей миз).

Круг основных архитектурно-исторических вопросов анкеты охватывает наличие ансамбля или отдельного здания, композицию, возраст, стиль и сохранность. Наряду с этим в анкету включены вопросы о состоянии и использовании, а также о топографическом и административном расположении, владельце и тп.

Анкета в основном опирается на данные, поступающие в результате визуального наблюдения и опросов на месте. Для опроса наступает критическое время, так как еще живы люди, которые были прислугами в имении и которые помнят о функциях помещений и зданий времени, когда ^{мизы} еще были мизами. При сборе данных в ходе опроса необходима фиксация точных данных об источнике информации.

Учитывая происходящий в настоящее время интенсивный процесс преобразования сельских поселений и критическое состояние архитектуры миз представлялось целесообразным составление двух вариантов анкеты. Одна - более совершенная анкета "Т" (от слова "тяжелый" - "полная") (приложение I), которая кроме общих сведений и фиксации современного состояния рассматривает архитектуру более детально, регистрируя по возможности особые архитектурно-исторические черты и наблюдения в области охраны памятников. Другая анкета, получившая номер " " (приложение 2, от слова "люкцентуд" - и, сокращенная") дает общие сведения в том же объеме, как и анкета "Т", но ограничивается в части отдельных зданий оформленным в виде таблицы перечислением вместе с данными о возрасте, стиле, сохранности, техническом состоянии и использовании. Учитывалась возможность того, чтобы инвентаризирующий на месте селектировал объект, относя его к ценным или менее значительным памятникам, выбирая для заполнения соответственно анкету "Т" или " ". Использование одной лишь анкеты " " потребовало бы повторных опросов в части

истории архитектуры. Для более быстрого получения результатов инвентаризации остановились на использовании анкеты "L", дополнив её лишь тремя пунктами из анкеты "Г": 1) возраст, время перестройки или время сноса — как в тексте так и на рисунке ситуационного плана ансамбля; 2) данные о владельцах мизы (имена, места захоронения итд.); 3) данные о сохранившейся мебели. Таким образом получился третий вариант анкеты, образовавшийся в ходе инвентаризации. Хотя этот вариант не заменяет анкету с максимальным вопросником в части архитектурно-исторических деталей, можно надеяться, что с данными этой анкеты можно заложить один из фондов исследования истории архитектуры.

Методика инвентаризации, предусмотренная ^{на} первом этапе систематического исследования архитектуры помещений, выросла из конкретной ситуации в архитектуре миз Эстонской ССР на сегодняшний день. Из ситуации, какой она, на наш взгляд, существует в проблематике архитектуры миз, как наследия прошлого в взаимосвязи с охраной окружающей среды.

Составляя методику и типовую программу исследования архитектуры помещений, у нас сложилось убеждение, что было бы лишнее еще раз продумать предписания охраны архитектуры. В вечном диалектическом движении жизни старые правила и устаревшее отношение не должны препятствовать новым прогрессивным проявлениям жизни. Это в первую очередь заключается в дополнении охранных списков и в расширении задач на основании систематической информации. При увеличении охранных списков нельзя более продолжать действовать без селекционирования и категоризации объектов. Расход человеческой энергии, времени и материальных средств должен и в области охраны памятников быть научно и жизненно обоснованным на основании шкалы ценностей. Больше чем прежде следует выявить роль памятников архитектуры в современном обществе и определить, каким же, собственно, фактором они служат. Вышеуказанным уважение примером может служить охрана природы в Эстонской ССР, где уже успели дойти до выработки стандартов. 6)

6) H. Sauks. Standardid looduse kaitseks. Miks ja kuidas. Eesti Loodus Nr. 12, 1975.

Ü. Sults. Keskkonnastandardid - kvaliteediviisaastaku üllesanne looduskaitseks. Eesti Loodus Nr. 2, 1977.

Решение любой из проблем (в том числе и значения памятников зодчества, а также и их охраны) не может быть ^{игрой} случайных сведений и субъективных мнений, нравится ли это нам или не нравится.

Подготовленные эксперименты исследования архитектуры поместий убедили в неоспоримости приоритета ансамблей. Без исторического или же жизненного контекста мы можем охранять памятники архитектуры как объект истории искусства, но не как наследие прошлого, не как социальное явление. Архитектура именованная не является совокупностью зданий, а размещенным густо по всей земле архитектурным целым, учитывающим окружающую природу и выросшей с учетом своей внутренней задачи (сельское хозяйство), целым, которое в значительной мере воздействовало и формировало архитектуру ландшафта. Архитектура именованная является капиталом, который можно и нужно использовать в интересах окружения. Гарантирование сохранности ансамблей поместий путем ревитализации, реконструкции, регенерации или под другим каким-либо названием (в зависимости от того, в какой степени сохранности ансамбль находится) не является проблемой лишь охраны памятников. Вопрос требует совместной работы многих систем и отраслей науки.

Экспериментальная анкета "Г" для
инвентаризации архитектуры мизз Эстонской ССР.

I. Общие сведения.

1. Наименование миззы (эстонское, немецкое)
2. Вид миззы (главная мизза, вспомогательная мизза)
3. Место нахождения
 - район
 - бывший уезд
 - бывшая приход
4. Адрес
5. Расстояние до ближайшего шоссе . . . км
6. Расстояние до ближайшего города или крупного поселка . . . км
7. Находится ли архитектура миззы под государственной охраной как памятник архитектуры?
 - в республиканском охранном списке Эстонской ССР № . . .
 - в местном охранном списке № . . .
8. Находится ли парк или некоторые виды деревьев под охраной природы?
9. Владелец или владельцы
10. Пользователь или пользователи
11. Использование определяет:
 - а) доминирующая функция
 - б) перечислить другие главные функции

II. Аллеи:

1. Сколько аллей и из каких направлений направляются к миззе?
2. Какова длина аллей?
3. Какие виды деревьев образуют аллеи?
4. Состояние аллей?
5. Имеется ли (имелись ли) у аллей, ведущих к миззе:
 - а) бывшие службы миззы (рита, ветряная мельница итп.)?
 - б) новопостроенные здания или поселки?

III. Ансамбль мизы I)

А. Главное здание и комплекс подсобных строений, связанных с главным зданием в ансамбль.

1. Краткая характеристика заложения ансамбля 2):

2. Общая характеристика озеленения:

3. Сохранность ансамбля 3)

4. Какие ограды или заборы имеются?

а) местонахождение:

б) материал:

5. Имеются ли ворота, воротные строения, порталы ворот и прочие отмечающие въезд элементы?

6. Построены ли в пределах ансамбля или же в его непосредственном окружении новые здания?

а) где?

б) с какой целью?

в) когда?

г) как они подходят к данному ансамблю?

7. Какова общая культура использования ансамбля?

1) Все ответы давать по возможности с точки зрения ансамбля как целого, не вдаваясь в рассмотрение отдельных строений. Данные последних даются на следующих страницах.

2) Определить форму заложения (круг, квадрат, подкова итн.); отметить положение главного здания в заложении. Определение положения дать при помощи СЗОВ, включая отметку парка и отдельных садов.

3) Максимально отметить, сохранился ли целиком или частично. Если не сохранился полностью, то отметить, когда разобран и по каким сведениям.

В. Хозяйственные здания, которые образуют отдельно рассматриваемые архитектурные комплексы.

Хлебы

1. Общее заложение
2. Архитектура (материал и т.п.)
3. Сохранность
4. Данные о разрушенных зданиях и частях здания
5. Ограды
6. Ворота
- 7.

16

4

Перечисление отдельных зданий ¹⁾

№	Первоначальная функция здания	Возраст	Стиль	Архитектор ²⁾	Материал	Этажность	Освеженность	Сохранность ³⁾		
								X	V	II
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1.	Главное здание									
2.	Дом управляющего									
3.	Дом службы									
4.	Амбара									
5.	Конюшни без загона коней									
6.	Каретная									
7.	Погреб (в виде отдельного строения)									
8.	Теплицы									

1) Номера зданий в списке отвечает номерам

2) В случае, если архитектор неизвестен, оставить графу пустой

3) В случае руин отметить "руины".

У. Внешние здания в ансамбле

Главное здание

1. Общая характеристика здания

- а) общая МАССА
 простой прямоугольник
 с выступающими крыльями
 полукруглые выступы и пр.

- б) цоколь
 из чистого камня
 квадраты
 высокий
 низкий
- в) другие крыши
 вальцовая
 полувальцовая
 двускатная
- г) башни: форма
 материал
 форма кивера
- д) эркеры
- е) террасы
- ж) балконы
- з) веранды

2. Наружная архитектура:

- а) фасад
членение
отделка
цвет
- б) элементы и детали фасада
Особые формы окон
Главный вход:
Портик:
Портал:
Дверь:
Ципли, фронтоны:

- Колонны:
- Полуколонны:
- Пилястры:
- Декоративные вазы:
- Горбы:
- Декор:

3. Интерьер

- а) План
Планировка и экспликация помещений I)
- б) Описание вестибюля и парадной лестницы
Композиция лестницы
Перила:
Бамострады:
- в) Имеется ли, и в каком помещении
купольный потолок
потолок с зеркальным сводом
кассетированный потолок
цилиндрический свод
крестовый свод
- г) художественные элементы и детали:
стены из художественного мрамора
штуковый декор на стенах
штуковый декор на потолке
паркет - деревянный
паркет - каменный
роспись потолка
роспись стен
декоративные планки на стенах
панели
пилястры
стенные шкафы
зеркала

I) По возможности указать, имеется ли дело с симметричной композицией, имеется ли анфилада комнат; показать число и место промежуточных коридоров, расположение главного входа и системы разветвления помещений от входа.

кованные детали

печи

камины

д) подвалы

Общая характеристика

потолки

полы

разное

Остальные здания, имеющие архитектурно-историческое значение, описать согласно форме, предусмотренной для главного здания: общие массы, наружная архитектура, внутренняя архитектура, детали итд.

VI. Парк

1. Общее состояние парка (хорошее, среднее, плохое).
2. Читается ли старая планировка?
3. Имеются ли в парке аллеи особого вида (напр. сводеобразные или выраженные в виде стен) или же особые группы деревьев?
4. Какие водоемы входят в композицию парка (озера, река, ручей, пруд, источник)?
5. Имеют ли водоемы острова?
мосты?
6. Какие малые архитектурные формы или места их нахождения в парке сохранились (павильоны итп.)
7. Имеются ли в парке памятники (храмы, обелиски, урны, скульптуры), памятные места итп.? Их следы? Сохранились ли воспоминания о памятниках, имевшихся в парках итп.?
8. Сохранились ли оранжереи? Руины или места, где они сохранились, отметить на ситуационном плане.
9. Какова ограда парка? Забор? Живая изгородь? Материал?
10. Ворота?

VII. Места захоронения¹⁾, капеллы итп.

1) Даты закладки мест захоронения, капеллы итп. отметить на месте соответствующего памятника.

- 1. Имеются ли на территории мизы места захоронений?
- 2. Сохранилось ли места захоронения? (хорошо, средне, плохо).
- 3. В какой форме?¹⁾
 - Капелла?
 - Кресты?
 - Памятники?
- 4. Если место захоронения семьи расположено на приходском кладбище, то указать, на каком кладбище?

УІІІ. Разное²⁾

ІХ. Литература

Источники

Иконографический материал

Х. Предание и легенды.

-
- 1) Все тексты на фасаде и в интерьере капеллы (на памятниках, щитах, эпитафиях, итн.) необходимо скопировать.
 - 2) Под разным следует отметить: 1) данные об инвентаре мизы, в т.ч. и мебели, если она сохранилась - в здании поместья или где-либо в ином месте; 2) данные о владельцах мизы;
 - 3) сведения о периодах реставрации, перестроек итн.

Экспериментальная анкета "Л" для
инвентаризации архитектуры мнз Эстонской ССР

Общие сведения

Наименование мнз		Местоположение		Историко-топографическое расположение		Владелец, исполнитель	Памятник архитект.		Примеч.
Эст. яз.	Нем. яз.	район	с/с	уезд	приход		Респ. список	Местный список	

Примечания:

Основные элементы ансамбля мнз и их сохранность

Перечисление	Краткая характеристика	Использование	
		хорошее	удовлетв. плохое

Главное здание и его ближайшее окружение

Аллеи

Ворота, ограждения

Парк

Сады

Хозяйств. двор

Скотный двор

Промышленные здания

Разное

Перечисление отдельных строений¹⁾ и их
сохранность²⁾

№ Наимено- вание	Материал	Этаж- ность	Дати- ровка	Технич. сост.		Используйов.		При- меч.
				хор.уд.	пл.	хор.уд.	пл.	
1. Главное здание								
2. Дом управляющего								
3. Дильной дом службн								
4. Амбар								
5. Конюшня								
6. Каретная								
7. Хлев								
8. Оранжерея								
9. Водочная фабрика								
10. Молочная кухня								
11. Кузница								
12. Водяная мельница								
13. Ветряная мельница								
14. Рига								
15. Разное								

1) Номера списка соответствуют номерации на ситуационной
схеме

2) В случае руин отметить "руины"

Краткое описание¹⁾

ансамбля, строений, парка, архитектурных малых форм итп. (в т.ч. и инвентарь и мебель поместья)²⁾

ЛитератураИсточникиИконографический материалУстные предания и легенды

- ^{исполнитель}
1) ~~Отдельно~~ отметить и базу строительства, перестройки, разборки итп. Если сведения получены на месте, то обязательно отметить имя, возраст и адрес источника.
- 2) Для зданий с наиболее ценной архитектурой в описании рекомендуется дать представление об экстерьере (материал, отделка, форма, крыши, лестницы, окна, главный вход итп.), об интерьере (основные черты планового решения, лестничные клетки; отметить наиболее значительные строительные и художественные элементы и детали: потолки, полы, печи, каминны, штукатурный декор, роспись итп.).

Первые результаты инвентаризации архитек-
туры мыз.

Первый этап систематического изучения архитектуры мыз состоит в архитектурно-исторической инвентаризации имений на территории Эстонской ССР. В соответствии с заказом СМ ЭССР выполняет инвентаризацию РРУ, где, кроме этого, были составлены и методические, инструктивные и фиксирующее число и топографию мыз основы.¹⁾

В связи с тем, что в настоящее время архитектура поместий используется неверно и в связи с её техническим состоянием, задачей первого этапа изучения архитектуры мыз было выяснение вопросов, связанных с охраной памятников. Инвентаризация мыз должна дать представление о наличии, художественной ценности и характере современного использования расположенных на территории Эстонской ССР ансамблей мыз с сохранившейся застройкой. Эта информация могла стать основной для принятия конкретных решений в области охраны памятников.

Первой операцией, предшествовавшей инвентаризации, было определение числа и распределения поместий. Для этого было неизбежным семантическое и историческое определение понятия "мыза".

Семантически слово "мыза" несет в себе два разнородных понятия:

I. Крупное землевладение (землевладение феодальной эпохи вместе с проживающими на ней связанными с землей или личной зависимостью людьми).

1) H.Üprus. Möisaansamblitest Eesti NSV-s. Tallinn. 1976. VRV P-2686

H.Üprus. Programm ja üldprintsibid möisaarhitektuuri inventariseerimiseks. Tallinn, 1976. VRV P-2669

H.Üprus. Instruksioonid möisaansamblite inventariseerimiseks. Tallinn, 1976. VRV P-2868

J.Maiste, L.Külm. ENSV territooriumil asuvate möisate nimestik. Tallinn, 1976. VRV P-2873-2884.

2. Поселение "мыза", в более узком понимании главного здания мызы. В круг интересов истории искусства мызы входит в первую очередь как поселение.

Поселение мызы с её современной застройкой является сравнительно поздним явлением 18-19 веков.

Если в средние века и до 17 столетия мыза является главным образом центром сбора вырабатываемых крестьянами продуктов, то в 18-19 веках, в связи с быстро развивающимися капиталистическими отношениями поселение мызы становится комплексом, ориентированным на агро-промышленное производство. Более ранняя застройка и ансамблевая ситуация 17 века и первой половины 18 столетия сохраняется лишь в исключительных случаях.

Учитывая такой ход процесса сложения архитектуры поместий, можно принять 18 век временной границей при проведении инвентаризации архитектуры мыз. Входящая в состав ансамблей мыз более ранняя застройка (средневековая или же 17 столетия) хотя и фиксируется при инвентаризации, но все же главное внимание как при оценке инвентаризации так и при визуальных наблюдениях направлено на сложившиеся окончательно в 18-19 веках ансамбли поместий. Систематическая регистрация более ранней застройки намечено провести ретроспективным методом во втором, более углубленном этапе исследовательских работ.

Таким образом в качестве объектов инвентаризации учитываются все поселения мыз 18-20 веков, невзирая на их юридический статус (рыцарская, рыцарства, городская, государственная) как и на степень экономической взаимозависимости (побочные "hollage", вспомогательные "beigut" или же полумызы "Landstelle").

Исключение составляют церковные и несельскохозяйственные мызы. Отличающийся состав церковной мызы, особенно же их расположение в непосредственном соседстве с церковью, создает предпосылки для организации охраны церковных мыз, а также и для разрешения проблем, связанных с их исследованием вместе с их доминантами, т.е. - церковью.

В то же время в настоящее время отсутствуют данные об ансамблях поместий, подлежащих государственной охране. Предполагается, что для имения этого рода имеется хотя бы мини-

мальная архитектурно-историческая информация, в связи с чем такой подход является вполне обоснованным.

Мало освещенным до настоящего времени в истории архитектуры вопросом встает при фиксации данных инвентаризации проблема вспомогательных, побочных и полумыз.

Из-за того, что эти затерянные среди полей поселения расположены вдали от крупных центров и были труднее доступны для исследователей, у местного же населения нет подготовки для оценки таких непервостепенных ансамблей застроек. Уже сейчас мы стоим перед тем фактом, что из многих когда-то активно воздействовавших на окружающий ландшафт центров сохранились лишь некоторые лучшие (Раннамыйза в Хаапсалуском районе, Арукюла Харьюского района) иногда же в народной памяти от мызного поселения своего времени сохранилась информация лишь в топонимике (Кяревере Раплаского района, Мынту Кингисепского района).

Архитектурно-историческая информация побочных, ~~выгонных~~ ^{вспомогательных} и полумыз дает систематическую картину о составе и степени сохранности застройки этих мыз. Последующий научный анализ материала позволит определить типические черты каждого из видов мызного поселения, разрешить вопросы датировки застройки итд. С некоторой точностью мы можем уже и на настоящем уровне обработки материала выделить ансамбли застройки с большей степенью застройки и наиболее типичные среди них, защита и строительно-археологическое исследование которых может быть как историко-документальный материал представлять интерес рядом с более представительными ансамблями главных поместий. Так во многих главных зданиях подсобных мыз продолжается строительная традиция 17 века трубы с кожухом и вестибюля. Многие из побочных мыз заслуживают внимание как примеры хорошей связи застройки с окружающей природой. Подсобные мызы, нередко расположенные в непосредственной близости от рек или озер, ландшафтно хорошо продуманы и могли бы быть использованы в сегодняшней архитектуре села при нахождении подходящей новой функции как оживляющий компонент окружения.

Первой операцией при подсчете мыз, расположенных на территории Эстонской ССР, было определение числа и распространения имений в соответствии с историко-административным распределением, т.е. по уездам и приходам. При составлении поименного свода мыз за основу принимались рукописные и опубликованные справочные материалы 18-19 веков, содержащие сведения о числе и распространении мыз, а также топографические карты. При подсчете главных мыз равноценным материалом принимались во внимание составленные преподавателями Тартуского Государственного Университета С.Вахтре и Х.Лиги статистические таблицы подсчета главных мыз, основанные на демографических подсчетах ~~1796-1858~~ гг. (ревизские сказки и так).¹⁾

При выборе круга источников для подсчета поместий мы и сходили из временной дистанции источников и их статистической эффективности. Для выявления последней был проведен эксперимент с одним из уездов Эстонии (Харьюмаа), с целью создания на основании максимального материала для основы наиболее экономическое научное основание для последующего выбора справочного и биографического материала.

Выяснилось, что для республиканской инвентаризации наиболее целесообразно использовать следующие топографические основания:

1. L.A.Mellin. Atlas von Liegland oder von der beyden Gouvernementen und Herzogtümer Lieg- und Ehistland und der Provinzbesel. Riga und Leipzig.
2. J.H. Schmidt. Karte von Ehistland 1871.
3. C.G.Rücker. General-Karte der Russischen Ostsee-Provinzen Liv-Ehist- und Kurland. Reval 1883.

1) S.Vahtre. Eestima talurahvashingeloenduste andmed. (1782-1858)
Tallinn 1973.

H.Ligi. Talurahva arv ja paiknemine Eestimaal XVIII sajandil. Uurimusi Läänemeremaade ajaloost I. TRÜ toimetised, vihik 316. Tartu 1973, lk. 231-300.

H.Ligi. Talurahva arv ja paiknemine Lõuna-Eestis aastatel 1711-1816. Uurimusi Läänemeremaade ajaloost II. TRÜ toimetised, vihik 371. Tartu 1976, lk. 33-100.

Для определения уездного и приходского членения мы использовали материалы начала XX века в виде адресных книг Рюккера 1909 и 1913 гг. На основе тех же материалов составлены и зафиксированные в списках мыз ступени экономической зависимости имений между собой. Мызы делятся по экономической зависимости в следующие две категории:

- 1) главные мызы
- 2) подсобные, побочные и полумызы (под общим названием - вспомогательные мызы).

Составленные в виде таблиц уездные списки были переработаны в районные с целью осуществления возможности инвентаризации мыз на основании современного административного членения. При этом мы сохранили в районных списках историческое приходское деление, а также алфавитные списки мыз по их немецким названиям.

На этом этапе работы значительно больше чем ожидалось времени занял поиск эстонских соответствий немецким названиям мыз. В дополнение к опубликованному справочному материалу была привлечена помощь занимающихся топонимами историков и языковедов и картотека топонимов Института языка и литературы. Несмотря на использование многочисленных источников для всех немецких названий так и не удалось найти эстонских соответствий. В некоторых случаях это возможно лишь в ходе контроля на месте.

В связи с тем, что нормирование всех эстонских названий мест осуществлено еще не полностью и, кроме того, все утвержденные уже названия тоже еще не сосредоточены в каком-либо одном издании, то в связи с этим многие фиксированные на местах наименования мыз продолжают существовать лишь в местном наречии. Для нормирования подобных названий мы были вынуждены вновь обращаться к специалистам.¹⁾

По списку мыз в Эстонской ССР инвентаризации подлежит 2267 мыз.

На основании списка мыз была составлена общереспубликанская карта распространения мыз (см. схему I). На этой карте отмечены лишь мызы, отмеченные на исторических топографических картах, без учета дополнительно зафиксированных в адресной книге Рихтера.

1) V.Palli. Eesti kohanimede normimine. Keel ja kirjandus 1976 Nr.Nr. 8,9.

К предварительным работам по инвентаризации, кроме составления учетных списков имений, следует отнести и экспериментирование анкет, составленных в РРУ для инвентаризации. Для проверки пригодности составленных анкет за весну-зиму 1976 года в Харьюском районе была проведена экспериментальная инвентаризация 20 ансамблей мыз.¹⁾ В ходе этого этапа инвентаризации выяснилось, что собранная на основе анкет архитектурно-историческая информация дает всесторонний обзор архитектурно-исторической характеристики ансамбля мызы, его состава, современного технического состояния и современного использования. На основании поступившего материала мы могли организовать исследование мыз в таком охвате круга вопросов, который в конечном итоге позволил бы разрешить одну из главных задач всего мероприятия по инвентаризации поместий, т.е. определить комплексный характер использования на основании научно обоснованной ценностной оценки ансамблей имений.

Непосредственно перед началом инвентаризационных работ со стороны инспекции охраны памятников архитектуры Госстроя ЭССР была проведена редакция составленных в РРУ анкет по инвентаризации мыз. На основании имевшихся ранее анкет была составлена новая анкета объемом в шесть страниц. Эта анкета в значительной мере отличается от прежних, т.е. более точных по форме анкет, будучи более подходящей для сбора первичной информации, чем содержащая больше строительной информации прежняя.

Сбор предварительной информации о топографическом распределении и о наличии представляющих интерес с точки зрения истории искусства ансамблей имений были определяющим мотивом при проведении инвентаризации 1976 года. Нужно отметить, что среди отмеченных в списке топографических пунктов имеется ряд ансамблей мыз с совершенно исчезнувшей застройкой, регистрация которых в 1976 году имеет с точки зрения инвентаризации лишь негативный результат. Наряду с этим мы можем отметить и ряд противоположных результатов. Ансамбли поместий в Кильтси (Хаапсалуский район), в Лехола, Ваймыйза являются подлинными открытиями, заслуживающими самой высокой худо-

1) J.Maiste. Harju rajooni mõisate arv ja levik (eksperimentaalrajoon). Tallinn 1976. VRV P- 2676.

жественной оценки.

К сожалению, новая принятая для употребления анкета не позволяет осуществлять сбор материала в интересах более глубокого архитектурно-исторического анализа. Форма анкеты для этого слишком "свободна", основные вопросы недостаточно расчленены. Особенно это дает знать при архитектурно-историческом описании главного здания. Неотмеченными остаются многие архитектурные качества главного здания, которым в составленной в РРУ анкете "Т" было посвящено особое внимание. Из-за отсутствия инвентаризационного плана в анкете остаются слабо характеризованными плановые черты строения, различные строительные этапы, точные расположения деталей оформления интерьера в помещении итд. Но без достаточного архитектурно-исторического основания невозможно дать научно обоснованную и объективную ценностную оценку.

Более всего можно использовать собранный в 1976 году на основании анкеты материал для оперативной "первой помощи", позволяющей делать предложения по охране памятников и корректировке его современной функции. Учитывая исключительно плохое техническое состояние многих ансамблей мыз и их неверное использование (или же их неиспользование) можно заключить, что и это уже является всячески обоснованным. Ансамбли мыз в Хагуди, Кядва и др. позволяют еще провести архитектурно-историческое фиксирование (архитектурно-исторические обмеры, фотографирование), но в них уже нельзя проводить требующие долгого времени исследовательские работы. Таким образом принятие всячески обоснованных ценностных оценок для архитектуры имений отодвигается во второй, более углубленный этап работы.

Инвентаризация всех расположенных на территории Эстонской ССР имений предполагается провести за два года, т.е. за 1976-1977 гг. Первичную единицу организации инвентаризации образует район. По-районно проводилась как выдача заданий по инвентаризации, так и представление инвентаризационных отчетов за 1976 год. В 1976 году инвентаризационные работы были проведены в двенадцати из 15 районов ЭССР, причем по-

ступила информация в целом о 764 ансамблях муз. В связи с различными осложнениями при организации инвентаризационных работ на сегодняшний день инвентаризация полностью закончена лишь в двух районах (Харьбюском и Рапласком) республики.

В качестве собранного в ходе инвентаризации материала мы имеем в 1977 году сведения в виде описаний зданий (анкета), основного расположения помещений главных этажей главного здания (эскизы), ситуации застройки имения (ситуационная схема поселения мызы), сведений, собранных у местного населения и фотографий.

Весь этот собранный в ходе наблюдения на месте материал используем неравноценно из-за различного уровня содержащей в нем информации и степени его оформления.

В связи с различной профессиональной подготовкой инвентаризаторов различные операции работы представляли для них различные трудности. Так, например, у нас за исключением одного лишь случая, где инвентаризацию проводил архитектор, не имеется достоверной информации о плановом расположении помещений на различных этажах (в виде эскизов). По имеющимся составленным на месте от руки планам мы большей частью не можем получить представления о размерах помещений, а также расположении дверных проемов и пр. Среди представленного материала нет также планов подвальных этажей, которые позволили бы сделать предположения о более старых частях зданий.

Для описания всех явлений истории архитектуры и строительства и для лучшего проведения наблюдений на месте при дальнейшей инвентаризации необходимо было бы иметь инвентаризационные чертежи, по крайней мере в части более крупных имений. На эти чертежи можно было бы на месте наносить различные строительные этапы, а также и детали отделки интерьера. При настоящем положении вещей анкета и выполненный от руки эскиз остаются мало между собой связанными, информация же о распределении помещений и плановом членении объектов - недостаточной. В ходе проведения углубленной исследовательской работы одной из первых операций

должен был бы быть заказ инвентаризационных планов главных зданий ансамблей поместий. Успешнее всего возможно использование составленных инвентаризаторами ситуационных планов ансамблей имений в ходе исследовательской работы.

Если до сих пор интерес историков искусства сосредотачивался на наиболее интересных с точки зрения истории искусства зданиях имений, и наблюдения, охватывающие ансамбли поместий целиком, были недостаточны и не опирались на достаточный материал окружения, то в ходе инвентаризации 1976 г. поселениям, как ансамблям мыз в целом, обращалось достаточное внимание (от всей затраты времени на инвентаризацию мызы время на составление схемы застройки составляет около 1/4-1/3). Ценность информации, содержащейся в ситуационных схемах, повышается благодаря полученным устно от местных жителей сведениям о функции утраченных зданий и строений, входивших в ансамбль поместья. Учитывая длительность времени, прошедшего с тех пор, как перешли в государственную собственность (57 лет), надо признать, что сейчас наступило последнее время для записи сохранившихся сведений устной традиции.

Известная доля инвентаризации архитектуры мыз заключалась в фотографировании строений мызы. В документе, фиксирующем современное состояние зданий имения, фотографии служат подспорным материалом информации, содержащейся в текстовой части анкеты.

Некоторые фотографии оказались, благодаря непрофессиональной подготовке большинства инвентаризаторов, а также нередко и неблагоприятной для фотографирования погоде, недостаточно качественными в техническом отношении. В то же время на основании фиксирующих фотографий мы не получаем полного представления о всех технических и историко-архитектурных вопросах.

Учитывая, что многие из зданий мыз находятся в преддверии гибели, надо иметь в виду, что фотографии, выполненные в ходе инвентаризации, останутся единственным следом о ~~мно~~ **мно** их строениях. Встает вопрос - не является ли целесообразным провести основательное фотодокументальное фиксирование плохо сохранившихся и находящихся под угрозой гибели зданий, также

как и имеющих высокую художественную ценность деталей интерьера.

Весь поступающий в ходе инвентаризации материал сосредотачивается в архиве РРУ в особый фонд систематического исследования муз. В ходе инвентаризации 1976 г. туда поступило всего 5435 листа материалов, 764 инвентаризационные анкеты, 626 схем застройки имений и 4398 фотографии.

Наряду с материалами инвентаризации уже в этом году предполагается пополнение архива необходимым для научной работы систематическим историко-архивным, иконографическим итп. материалом.

Еще в настоящее время архитектура поместий образует заметную и большую по объему часть в общем облике нашей сельской архитектуры. Являясь нередко основным элементом в составе застройки многих наших сельских поселков, наряду с архитектурно-исторической ценностью серьезным фактором встает вопрос о их непосредственной художественной ценности, особенно же ценности, образующей окружение современных поселений. Каждый сохранившийся целиком ансамбль имения достоин продуманного отношения к нему как к культурной ценности.

Для получения представления о сохранности, техническом состоянии и современном использовании инвентаризированных ансамблей муз инвентаризаторами были составлены для каждого района отчеты инвентаризации архитектуры поместий. К отчету прилагаются фиксирующие таблицы с указанными выше показателями по трехбальной шкале. В таблице даны оценки отдельно как для ансамбля поместья, так и его основных элементов, т.е. - главного здания и парка.

Пример: Мыза Адила Раплаского района.

Наименование мызы	Сохранность									Техническое состояние									Использование								
	ансамбль			гл. здание			парк			ансамбль			гл. здание			ансамбль			гл. здание			парк					
	А	В	С	А	В	С	А	В	С	А	В	С	А	В	С	А	В	С	А	В	С	А	В	С			
Адила	+			+	+							+			+			+			+			+			

Составленные инвентаризаторами таблицы скорректированы на основании общих исходных принципов. При корректировке наряду с отражающими сохранность факторами учитывались и все моменты, полученные при визуальных наблюдениях (застройка, образование архитектурно-исторической ценности итд.).

Таким образом, наряду с решением общей композиции ансамбля, наблюдением охвачены также и элементы, образующие структуру среды ансамбля и архитектурно-историческую ценность. Среди них можно назвать природную ситуацию ансамбля, наличие выдающихся с точки зрения истории искусства подсобных строений или их деталей и местные архитектурные черты отличия. Это отражено на схеме № 2.

В случае сохранности главного здания учитывались следующие указанные на схеме факторы: архитектура экстерьера, внутренняя планировка помещений, детали интерьера; в качестве вторичных - время постройки главного здания, тип строения и местные черты отличия (см. схему № 3).

При определении сохранности парка мы учитывали лишь два показателя: читаемость парковой архитектуры и его ботанический состав.

На нынешнем этапе исследовательских работ мы брали оценку, данную сохранности архитектуры мыз, в качестве главного параметра для оценки её ценности. Хорошая или средняя сохранность архитектуры поместья является предпосылкой для поднятия вопроса по её защите или исследованию. Для этого мы образовали пять категорий сохранности ансамблей мыз:

I категория: имения, где сохранность всех его элементов, т.е. ансамбля и его главной части - главного здания - является хорошим.

II категория: имение, где сохранность ансамбля признана хорошей, сохранность же всех его остальных элементов является по крайней мере удовлетворительной.

III категория: имение, где из основных элементов ансамбля хорошо сохранилось лишь главное здание.

IV категория: имение, где из основных элементов ансамбля по крайней мере два (напр. главное здание и парк) сохранились удовлетворительно.

У. категория: имения, где из основных элементов ансамбля более чем один из элементов сохранился плохо.

В случае положительной художественной оценки при первых трех оценках встает вопрос о государственной охране. Четвертая категория создает предпосылки для включения объекта в систему местной охраны. Мызы, относящиеся к четвертой категории из-за их плохой сохранности выпадают из круга охраны памятников архитектуры. О государственной и местной защите см. схемы 4 и 5.

В связи с тем, что инвентаризационные работы к настоящему времени закончены лишь в двух районах, мы можем подводить окончательные итоги и делать предложения лишь для ограниченной территории. Принятие решений по охране памятников предполагает в первую очередь наличие основательного представления об архитектуре мыз данного района. С другой стороны необходимо и учитывание актуальных потребностей данного района. Разрешение проблем охраны и использования архитектуры помещений требует совместной работы ряда организаций и учреждений.

Первым шагом для охраны архитектуры мыз, расположенных на территории Эстонской ССР, является расширение республиканского и местных охранных списков памятников архитектуры. В настоящее время под государственную охрану взяты наиболее выдающиеся по их архитектурно-исторической ценности ансамбли мыз, ни и здесь - в недостаточной степени. Современный же уровень охраны памятников и современный характер использования зданий мыз предполагает включение в охранный список и некоторых имеющих меньшую архитектурно-историческую ценность и не столь чистых по стилю мыз, (ансамблей), которые являются типичными для какого-то определенного строительного периода.

Если в настоящее время в Харьюском районе государственной охране подлежит восемь ансамблей мыз, то на основании результатов инвентаризации я предложил бы включить в систему охраны еще пятнадцать ансамблей: Ания, Харку, Кэрну, Кивилоо, Коце-Ууэмыйза, Кодасоо, Лайтсе, Лехола, Маарду, Мурасте, Нурме, Охту, Оясоо, Вана-Пялла и Вихтерпалу. В Рапласком

районе вдобавок к пяти охраняемым имениям можно включить в охранный список еще II ансамблей: Алу, Хяргла, Инглисте, Ярлепа, Коновэрэ, Куузику, Майдла, Пурила, Сипа, Ваймыйза, Вана-Вигала.

Само собой понятно, что предложения по охране памятников, вытекающие из настоящей инвентаризационной работы, не являются абсолютными. Дальнейшая исследовательская работа может внести ряд корректив по ряду ансамблей помещений. Все же думаю, что эти коррективы будут сделаны в направлении увеличения числа имений и ансамблей, включение которых в охранный список является желательным.

Кроме предложений по охране, инвентаризационные отчеты архитектуры имений содержат информацию по обеспечению оперативной деятельности по охране. Можно назвать включенные в инвентаризационные отчеты сведения находящихся в аварийном состоянии или в руинах ансамблей мыз, но требующих немедленной историко-архитектурной фиксации (например главные здания мыз Пада и Хулья в Раквереском районе, водяная мельница Курге и главные здания имения Эйствэрэ в Пайдеском районе итд.). В инвентаризационных отчетах отдельно рассматриваются и такие ансамбли имений (или их отдельные здания), которые из-за неверного отношения к ним их владельцев приговорены к гибели в течении ближайших лет.

Центральной проблемой обработки собранного в 1976 году материала встает вопрос современного использования архитектуры мыз, так как лишь культурное использование её может обеспечить её сохранность в дальнейшем.

К сожалению, именно в этом направлении недостаточной является инициатива нынешних владельцев ансамблей мыз. Еще и теперь вызывает длившееся многие годы отрицательное отношение к архитектуре помещений у современных владельцев негативное отношение. Увеличившееся уважение ко многим другим видам архитектуры в большинстве случаев не распространилось на ансамбли мыз.

Около двадцати лет тому назад были годными для использования находящиеся сейчас в руинах главного здания мыз в Хагуди и Кэва (Раплаский район), Эйствэрэ (Пайдеский район) и другие. Достаточно было пяти или десяти лет, чтобы прежние

барские хоромы превратились в представляющие архитектурно-исторический интерес руины. Современное отношение нынешних владельцев к находящимся в их распоряжении зданиям мыз не дает основания надеждам, что через некоторое время при подведении итогов о состоянии имений мы можем сказать, что они находятся по крайней мере в столь же хорошем состоянии, как сегодня (в одних лишь Рапласком и Харьюском районах "пустыми" и неиспользованными стоят главные здания 15-20 поместий). Может случиться, что здание имения, представлявшая в ходе инвентаризации 1976 года художественный интерес, находится в предруином состоянии, позволяя лишь проведение архитектурно-исторических наблюдений, а не его восстановления.

Яркими свидетелями безразличного отношения к архитектуре поместий являются стоящие пустыми неиспользуемые здания имений. Потенциально подобные здания приговорены к гибели в течении ближайших лет. Отметим, что в Рапласком районе сейчас почти пустуют главные здания следующих имений: Атлас, Коновэрэ, Лоодна, Майдла, Соонисте, Тээнусе, Ваймыйза; в Харьюском районе в Хату, Кодасоо, Нурмэ, Оясоо, Трииги (находящееся в настоящее время под государственной охраной), Вихтерпалу. Наряду с главными зданиями мыз почти не используются ряд видов подсобных строений: водочные фабрики, мельницы итд., которые благодаря своему своеобразию могли бы представить богатые возможности для лучшего оформления наших сельских поселков.

Одной из наиболее острых проблем по использованию поместий является вопрос нового строительства, не учитывающего традиций архитектуры поместий. Ансамбли мыз в Сутлема (Раплаский район), Роозна-Аллика и Вьятса (Пайдеский район) являются в этом отношении более чем предупреждающими примерами. На основании инвентаризационных отчетов нам известно, что подобные перестройки намечены и в Лехола (Харьюский район), Сяязе (Пайдеский район) и Алу (Раплаский район).

На основании уже имеющихся данных можно утверждать, что известное количество ансамблей мыз, застройка которых в большей части не сохранилась, заложена в окружении исключи-

тельно красивой природы. В отличие от указанных выше хорошо сохранившихся ансамблей мызы подобного рода могли бы быть радикально реконструированы или восстановлены (в виде современных архитектурных ансамблей) с тем, чтобы заросшее и заброшенное поселение могло бы существовать вновь (напр. Таммику Пайдеского района, Вэнэвэра, Яйту, Пада Раквереского района, Ингисоо, Салайне, Пяри Хаапсалуского района).

Для получения представления о взаимосвязанности сохранности и использования архитектуры поместий уместно рассмотреть показания таблиц двух полностью инвентаризованных районов. Привожу здесь некоторые характеризующие использование архитектуры поместий цифры:

Категория сохранности	Число мыз	Хорошее использование			Плохое использование		
		ансамбль	гл. здание	парк	ансамбль	гл. здание	парк
I категория	15	9	6	2	-	2	7
II категория	13	3	1	1	5	4	2
III категория	64	8	25	13	15	12	9
IV категория	51	7	7	5	9	25	17

Большинство ансамблей мыз принадлежит сельскохозяйственным хозяйствам (в Харьковском районе 79%, в Рапласком районе 83%).

Несмотря на все расширяющуюся строительную деятельность последних лет, или благодаря именно этой деятельности, следует заметить, что сельскохозяйственные предприятия не могут обеспечить для большинства ансамблей мыз отвечающий требованиям опеки. Существующие ансамбли поместий или захламливаются неподходящими новостройками или же стоят заброшенными без всякой заботы о них. Остается впечатление, что многие из зданий мыз используются лишь вынужденно, т.е. из-за отсутствия "лучших", более современных строений.

Наряду с существующим в настоящее время направлением по обеспечению сохранения и регламентации перестройки встает новая проблема по подысканию подходящей функции и определению режима использования. При предложениях подобного рода нельзя поступать стихийно, без учета конкретного и основательного взвешивания вопроса. А это требует завершения инвентаризации архитектуры поместий по всей республике.

Ю. Майсте май 1977

TINGMÄRGID

- vabariigi piir
- rajooni piir
- - - - maakonna piir
- · - · kihelkonna piir
- peamõis
- o abimõis

СХЕМА 2

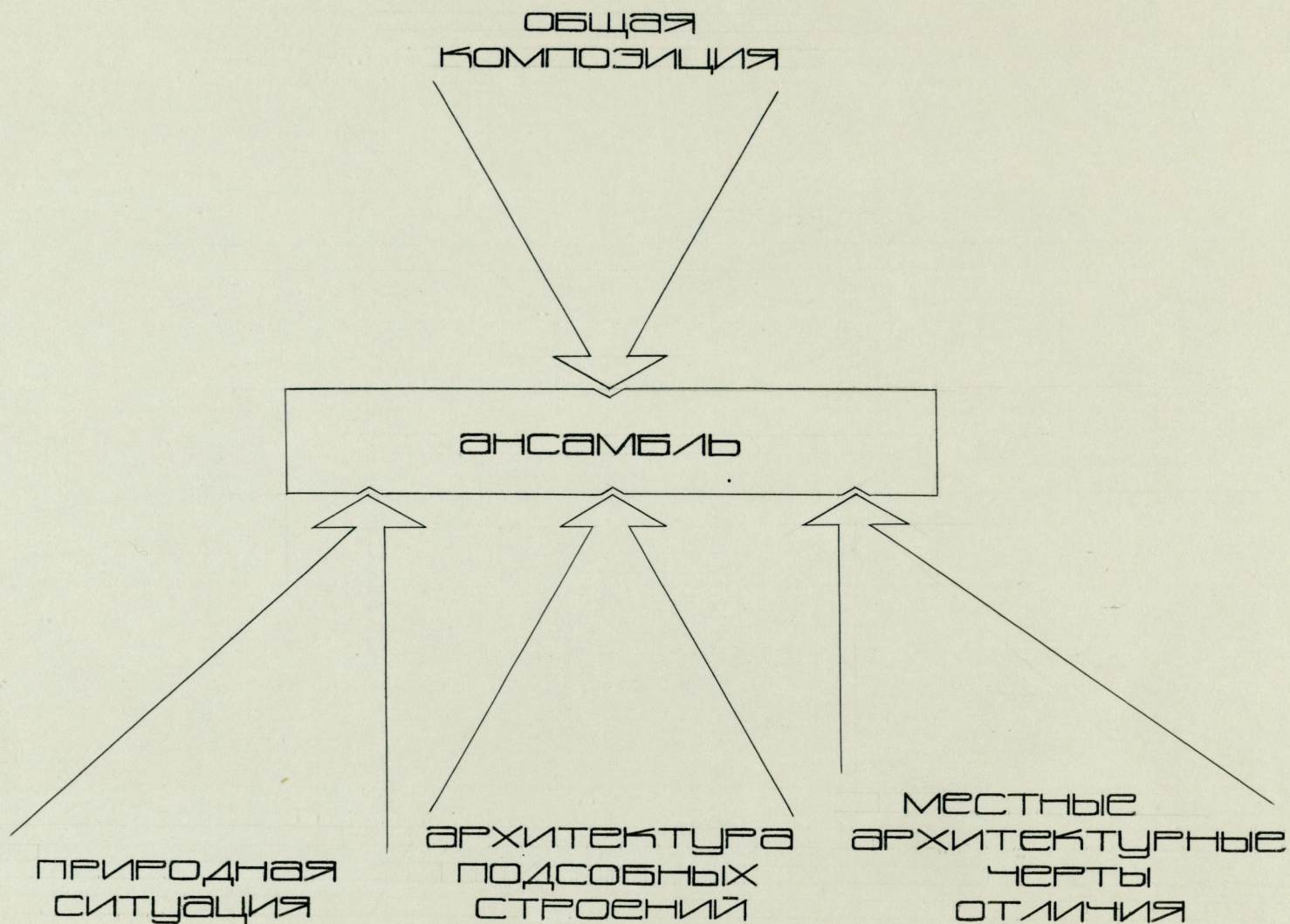
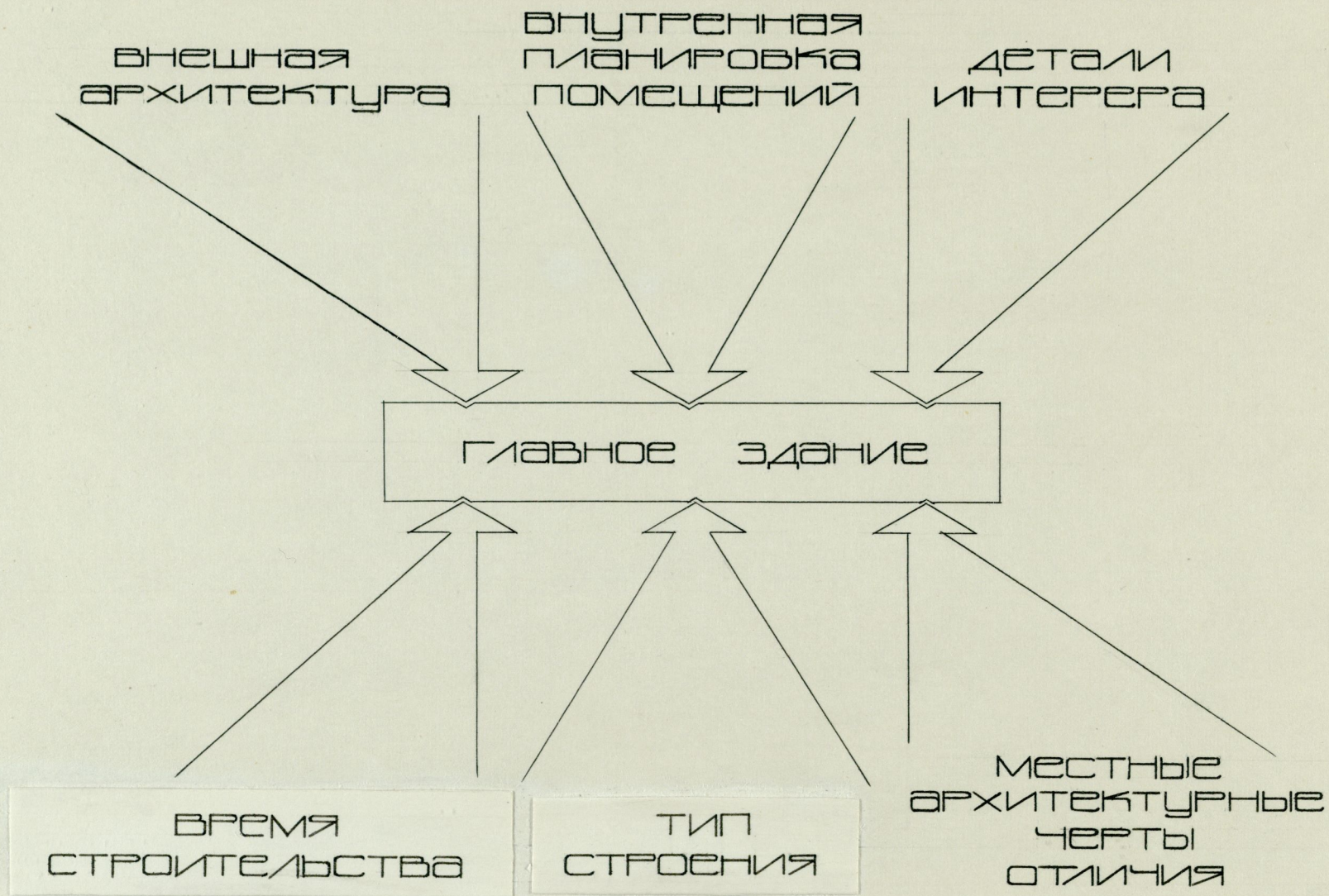
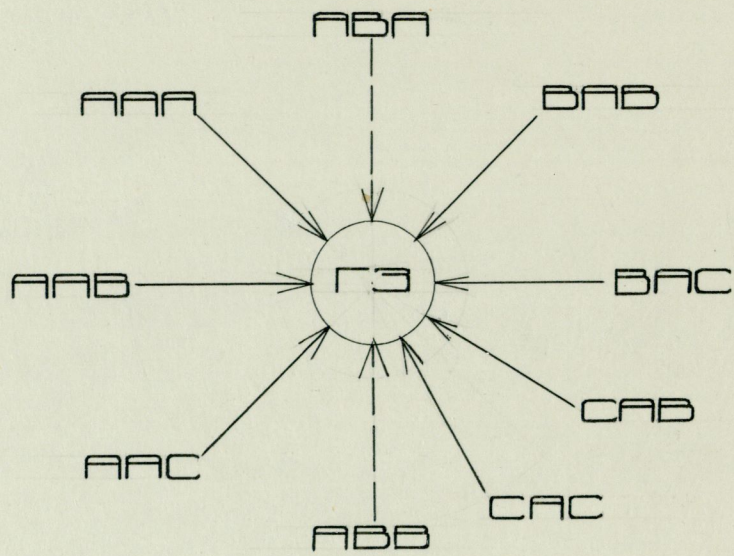

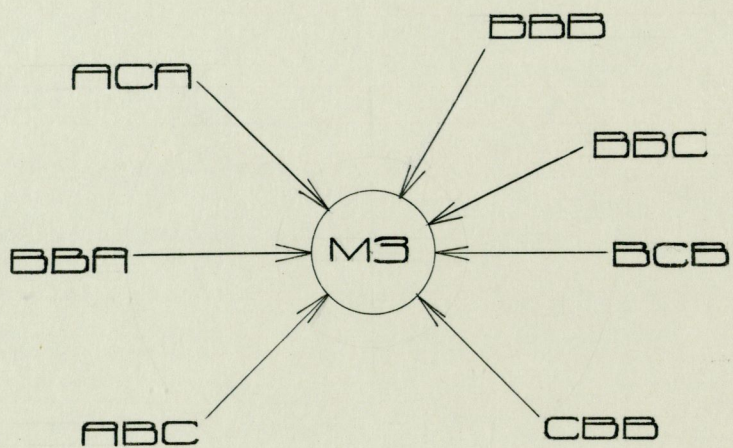
СХЕМА 3

CXEMA 4

CXEMA 5

О проблемах методики охраны памятников архитектуры в Эстонской ССР

Ф.Томпе

Начальник республиканской инспекции охраны памятников архитектуры

В Эстонской ССР в настоящее время под государственной охраной находится 597 памятников архитектуры, девять исторических городских центров, один поселок и одна деревня. Последний список взятых под охрану памятников был утвержден в 1973 году; в нем количество взятых под охрану памятников увеличилось по сравнению с предыдущим списком почти в два раза.

В настоящее время составляется список подлежащих местной охране памятников архитектуры. С введением его в действие на учет будет взято практически все наше сохранившееся и имеющее большую ценность архитектурно-исторические наследие.

В последние годы неотделимой частью работы по охране памятников архитектуры стало связывание памятников с современной жизнью, нахождение для них подходящей и общественно полезной новой функции. Мы убеждены, что лишь для тех памятников обеспечено сохранение и реставрация, которые превращены в общественно-полезные для наших дней.

Значительное увеличение числа памятников архитектуры и некоторое изменение принципов их охраны в значительной мере расширило сферу деятельности реставраторов республики — как в смысле содержания работы, так и в теоретическом отношении. В настоящее время мы решаем реставрационные задания памятников в большей части комплексно, куда входит:

1. Основательное изучение памятника и фиксация существующего состояния.
2. Консервация или реставрация памятника и обеспечение его сохранности.
3. Объемное приспособление памятника для подходящей современной цели.

4. Оформление и меблировка получившего новое назначение памятника.
5. Приведение необходимых для использования памятника санитарных условий (электричество, центральное отопление, вентиляция, водоснабжение, канализация) в соответствии с современными требованиями.
6. Общее благоустройство окружения памятника.

С учетом этих условий реставрированы и нашли полезное для современности использование многие памятники архитектуры. Среди них можно назвать следующие:

Здание в Таллине по ул. Лай 23, средневековый жилой дом - под помещение театра.

Таллинская ратуша - под городское здание торжественных приемов.

Жилой дом К.Э. фон Бэра в Тарту - под музей.

Куресаарская ратуша - под здание регистрации бракосочетаний.

Ветряная мельница в Куресааре - под кафе.

Ратуша в Хаапсалу - под музей.

Жилая оборонительная башня в Кийю - под клуб молодежи.

Корчме "Кульдльви" ("Золотой лев") возвращена её первичная функция итд.

Средневековый дом по улице Вене 29 - под республиканский дом шахмат имени Пауля Кереса.

Среди задач ближайших лет - многие реставрационные работы большого объема, в ходе которых памятникам будет возвращен их первоначальный вид, обеспечена их сохранность, а также и их активное современное использование. Среди этих работ можно назвать:

1. Приспособление церкви Нигулисте в Таллине под музей старого искусства и концертный зал.
2. Использование башен Таллинской крепостной стены "Нейтситорн" и "Таллиторн" под кафе.
3. Приспособление амбаров по ул. Айда в Таллине под музей прикладного искусства.
4. Приспособление Германовского замка в Нарве под музей.

5. Приспособление замка Куресааре под музей.
6. Приспособление замка Хаапсалу под местную открытую эстраду и под концертный зал.
7. Приспособление комплекса застройки мызы Пальмзе под центр научной работы и охраны природы национального парка Лахэмаа.
8. Приспособление центра мызы Сагади под музей лесного хозяйства и охоты.
9. Реставрация деревянных строений деревни Котува под туристские объекты.

Как можно увидеть из вышеприведенного списка, реставрационные работы, проводимые в настоящее время, исключительно разнообразны, что в свою очередь требует разносторонности и широких навыков от исполнителей работ.

Кроме перечисленных ранее реставрационных работ проводятся еще и широкие консервационные работы многих находящихся в руинах средневековых памятников. По объему работ и по их осложненности следует выделить:

1. Раскопка и консервация сохранившихся заложений монастыря Пирита, причем территория монастыря будет превращена в парк-руины, а объем внутри стен церкви будет приспособлен под открытый концертный зал, после чего руины будут входить частью в комплекс Пирита, где будет проводиться Олимпийская регата.
2. Консервация руин замка Ваквере вместе с превращением их в своеобразный музей под открытым небом.
3. Консервация немногих сохранившихся остатков крепостной стены в Тарту.
4. Раскопки вассального замка в Виртсу и консервация его руин.
5. Консервация руин Домского собора в Тарту с приспособлением их под открытый концертный зал.

Целью предпринятых нами консервационных работ является не только улучшение состояния памятника и обеспечение его сохранности, но и выявление неизвестных нам частей архитектуры из образовавшегося позднее культурного слоя. Тем самым мы в значительной степени повышаем визуальное воздействие памятника в природе, и, что еще более важно — получаем

крайне ценный натуральный материал для научной работы. Конечно, мы не забываем и в ходе консервационных работ о поиске подходящей для настоящего времени цели, хотя главной задачей все же является сохранение особо ценных памятников без особых их изменений.

Еще пять-шесть лет тому назад реставрационная деятельность ограничивалась памятниками, находившимися в тяжелом состоянии. Основным полем деятельности созданной в 1950 году научно-реставрационной мастерской был город Таллин. В настоящее время Республиканское реставрационное управление проводит ежегодно работы на 80-100 памятниках культуры, а постоянные реставрационные центры созданы в Тарту, Нарве, Раквере, Кингисепе, Пярну и Хаапсалу. Таким образом появились более-менее равномерные условия для ухода за памятниками и для комплектации кадрами высокого уровня по всей территории республики.

Улучшившиеся возможности реализации выработанных проектов реставрации заставляет все более активно думать и владельцев памятников об их обязанностях по лучшему уходу за доверенными им памятниками, и о лучших возможностях их использования. В связи с улучшением законодательства и в этом направлении положение в значительной мере улучшилось, однако и здесь, к сожалению, нередко еще проявляется элементарное непонимание.

В ближайшие годы главное внимание в области охраны памятников в республике будет уделяться Таллину. К году олимпийской регаты должны быть завершены многие сложные реставрационные работы большого объема, старый же город должен получить благоустроенный вид. Для успешного выполнения этой задачи деятельность и устремления занятых этими вопросами лиц и учреждений должны быть максимально единодушными. Это - исключительная реставрационная задача и её следует выполнить также с исключительным напряжением и стремлением.

Все растущие в последние годы задания по уходу за памятниками архитектуры уже увеличили в значительной степени

и увеличат еще более число работников в Республиканском реставрационном управлении. В связи с этим серьезной проблемой становится вопрос поднятия квалификации реставраторов. Рост знаний и развитие навыков не шагает в ногу с ростом заданий. В исследовательские работы проскальзывают проблемы, в проектах появляются ошибки, практическая работа на объектах страдает из-за недостаточных навыков.

Приспосабливаемая к памятнику архитектуры новая функция всегда в какой-то мере находится в конфликте с принципами охраны памятника. Разрешает этот конфликт автор объекта, от знаний и умений которого главным образом зависит результат решения. Архитектор-реставратор не смеет в своей работе ни на мгновение забывать о первичном — о максимальном сохранении памятника. Исходя из этого он проектирует в историческое здание новую современную деятельность и именно ту деятельность, которая должна быть в соответствии с созданной столетия тому назад архитектурой.

Новая функция, данная памятнику, не должна становиться главенствующей для памятника, она должна оставаться по отношению к памятнику вторичной и в ходе его эксплуатации. Функция должна деликатно подчеркивать ценности (архитектуру, конструкции, материал) без их дополнения или скрытия.

Некоторые авторы склоняются в своей работе излишне учитывать всевозможные пожелания пользователя памятника, ставя возможности реставрации в зависимость от новой функции. Обусловленные этим дополнения и изменения памятника являются в итоге серьезным недостатком и памятник приносится в какой-то мере в жертву новой функции. Это мы можем сказать в первую очередь о тех памятниках, в которые мы поместили какое-то предприятие общественного питания.

Первые корчмы и кафе, возникшие в памятниках архитектуры, были устроены больше с целью рекламы и это вполне сознательно. Важным было обратить внимание общественности на те возможности, которые представляют памятники архитектуры для нужд современности. Надо признать, что эта задача теперь выполнена, для многих памятников, находившихся в опасности разрушения, найдены владельцы и для реализации их заказов в Республиканском реставрационном управлении

установлена достаточно длинная очередь.

Среди более значительных работ, проводимых в настоящее время, в этом направлении следует назвать следующие: приспособление башни таллинской крепостной стены Нейтситорн под кафе, возрождение корчем Вийтна, Рынгу и Куйвасту, приспособление замка Пыльтсамаа под ресторан, приспособление башни передних укреплений Нарвского Германовского замка под кафе, приспособление замка Ярве под ресторан, приспособление порохового погреба в Тарту под кафе - клуб итд.

Для того, чтобы памятник был как здание используемым, его следует привести в соответствующее состояние. От технического состояния и степени сохранности памятника зависит объем и характер реставрационных работ. Таким образом реставрация означает дополнение сохранившегося памятника в части несохранившихся основных конструкций или архитектурных деталей.

В ходе практической реставрационной работы мы пришли к заключению, что отсутствующие детали памятника следует стремиться при восстановительных работах заменять по возможности подлинными как по форме, так и в материале. Лишь в случае скрытых конструкций мы использовали для облегчения работ и для достижения большей выносливости чуждые для первичного памятника материалы, такие как цемент, железобетон и теплоизоляционные материалы. В случае необходимости позже всегда имеется возможность установления соотношения реставрации-реконструкции памятника на основании составленной для этой цели документами.

Этот принцип позволяет восстанавливать в их физической красоте и в материале как менее так и более несохранившиеся памятники в их максимальном приближении к существовавшему когда-то оригиналу. Но для этого материалы предварительного исследования памятника и основания для реставрации должны быть исключительно основательными.

Методика ухода за памятником зависит от трех основных факторов:

1. От возраста памятника - от его уникальности.
2. От технического состояния памятника - от его степени сохранности в целом.

3. От материала памятника — от его главных конструкций.

Главным образом эти факторы и определяют выбор методики ухода за памятником: на их основании проводится консервация или реставрация памятника.

Классификация памятников архитектуры Эстонии детально еще не проводилась. Эта работа является задачей ближайших лет. До настоящего времени считалось, что все средневековые памятники архитектуры следует относить к высшей категории, остальные же памятники, находящиеся под государственной охраной, относятся ко второй категории, памятники под местной охраной — к третьей категории. Надо сразу же отметить, что у такого членения есть свои недостатки. К примеру — многие памятники 17 или 18 столетия из-за своей уникальности имеют значительно большее значение, чем повторяющиеся каменные средневековые строения.

В связи с тем, что для основательного исследования уникальных памятников архитектуры никогда не хватает в достаточной мере времени и средств и всегда трудно определить, где провести границу этой основательности, то в таких случаях мы ограничивались лишь первоначальной консервацией памятника, обеспечивая его сохранение. Изучение тех же памятников по возможности продолжается. По этому принципу проводились до сих пор консервационные работы на Таллинской крепостной стене, в замках Хаапсалу, Отепя и Вильянди, монастыре Падизе, руинах церкви Яана и Домского собора в Тарту итд.

При проведении подобных работ ограничивались лишь минимальным добавлением к существующему. Здесь можно назвать подпирание стен, находящихся в аварийном состоянии, покрытие верхних частей стен защитным слоем, перекрытие башен кровлей и их укрепление диафрагмой, пломбирование обветшавшей кладки, обмазку швов итд. Консервация подобного рода — первичный уход разрушающегося памятника — является значительно более важной, чем реставрация или требующее исключительно большого объема труда приспособление памятника к новой функции.

Методика консервации в значительной степени зависит от материала памятника. Памятники эстонской архитектуры построены большей частью из природного камня, т.е. — известняка,

булыжника и доломита. В южной Эстонии встречается немало памятников из кирпича, изготовленного из обожженной глины. Большинство сельских строений - хутора, ветряные и водяные мельницы, корчмы - построены из дерева или же в смешанной технике (дерево и камень).

Самым крупным недостатком мы должны в Эстонской ССР называть консервацию дерева. Консервация деревянных памятников архитектуры ограничивается у нас лишь устройством крыш, защищающих памятник от непогоды. Попытки консервации дерева были до сих пор довольно примитивными и не дали достойных упоминания результатов. Этой проблемой нам следует заняться значительно более серьезно, так как число деревянных памятников в республике значительно возросло.

Как известно, сохранение и охрана памятников сельской архитектуры в Эстонской ССР организовано на трех различных уровнях.

- А. Сохранение наиболее типичных примеров сельских строений в Эстонском государственном парк-музее в Таллине.
- Б. Сохранение комплексов хуторов и разного рода отдельных строений на местах в их естественном окружении (на месте).
- В. Охрана сохранивших исторический облик и архитектурно-цельных деревень и групп застроек в национальном парке Лахемаа.

В итоге это означает, что в ближайшие годы нам придется заниматься проблемами сохранения почти что тысячи деревянных памятников.

Реставрация памятника архитектуры занимает намного больше времени и затрат труда, чем консервация, но при этом создает и определенные ценности. Среди них можно назвать:

1. Результаты научного исследования и пополнение знаний по истории памятника.
 2. Визуальные ценности восстановленного памятника архитектуры.
 3. Экономические ценности от эксплуатации памятника.
- С учетом этого в Эстонской ССР в последние годы особое

внимание уделяется именно реставрации памятников архитектуры. На сегодняшний день мы можем сравнивать результаты реставрационной работы на многих имеющих большую ценность памятниках архитектуры, таких как замки Куресааре и Нарва, Кингисепская, Нарвская, Таллинская и Хаапсалуская ратуши, участки крепостной стены в Таллине и таллинские средневековые жилые дома и еще многие меньшие памятники.

Следует отметить, что реставрация давала значительно лучшие результаты там, где в результате работ добивались большей достоверности как в части материала, так и формы. Прежние попытки создания так называемых контрастов является сегодня лишь историей развития методики реставрации.

Проблемы реставрации и сохранения крупных исторических ансамблей - таких, как деревни, мызы, поселки, а также и городские центры - являются для нас достаточно новой темой. В то же время нельзя сказать, что мы ею вовсе не занимались. Таллин явился первым среди городов Советского Союза, где была утверждена (уже в 1966 году) охранная зона старого города. В вопросах регенерации старого города дальше широкой теоретической полемики до сих пор не удалось пойти.

Причин для этого немало, два же из них несомненно являются главными - административная ограниченность понимания необходимости регенерации и нереальность основанных до сих пор на эмоциях предложений.

В других исторических городах Эстонской ССР (Тарту, Раквере, Вильянди, Пайде, Пярну, Хаапсалу, Кингисепа и Выру) охранные зоны городских ядер были установлены в 1973 году. Для них большей частью уже составлены и планы детальной планировки исторической части города или же исходные положения проектирования. Начаты и работы по реставрации исторических частей городов. Первые шаги в этом направлении сделаны в Кингисепе, Раквере и Пярну и эти шаги нас обнадеживают.

Сохранение и реставрация исторических архитектурных ансамблей является ближайшим будущим в деятельности по охране памятников. Чем раньше и серьезнее мы этим станем заниматься, тем результативнее будет наша деятельность.

Кроме реставрации отдельных объектов и регенерации центров исторических городов, инспекцией охраны памятников заказаны у РРУ и ряд теоретических работ, целью которых

является выявление более полных представлений о нашем наследии и развитии истории нашей архитектуры.

Среди них следует в первую очередь большую работу по инвентаризации муз, расположенных на территории республики. Кроме чисто познавательного интереса, эта работа представляет громадное практическое значение и должна привлечь большее, чем прежде внимание на этот вид памятников, состояние которых год от года становится все более тревожным.

Кроме этого, отдельными темами изучаются и инвентаризируются малые вассальные замки, церкви Сааре - Ляянеского (Островного и Западного) епископства и оборонительные сооружения города Нарвы.

В части практических работ положено начало реставрации мебели и органов.

В ходе реставрации и консервации встают многочисленные проблемы, разрешение которых требует нашей совместной деятельности - совместных исследований и попыток. Наиболее актуальными среди них для реставраторов Эстонской ССР являются:

1. Методы консервации дерева
2. Возможности увеличения сопротивления окружающей среде и сохранности кирпичной кладки.
3. Исследование растворов кладок и методика получения устойчивых растворов.
4. Способы изоляции влажности почвы от каменной кладки.

Проблемы эти нам известны с давних пор, однако их неразрешимость становится для нас год от года все большим препятствием. Было бы крайне необходимо, чтобы мы, реставраторы Прибалтийской зоны, объединили бы знания наших специалистов и их практические навыки для общего разрешения этих проблем.

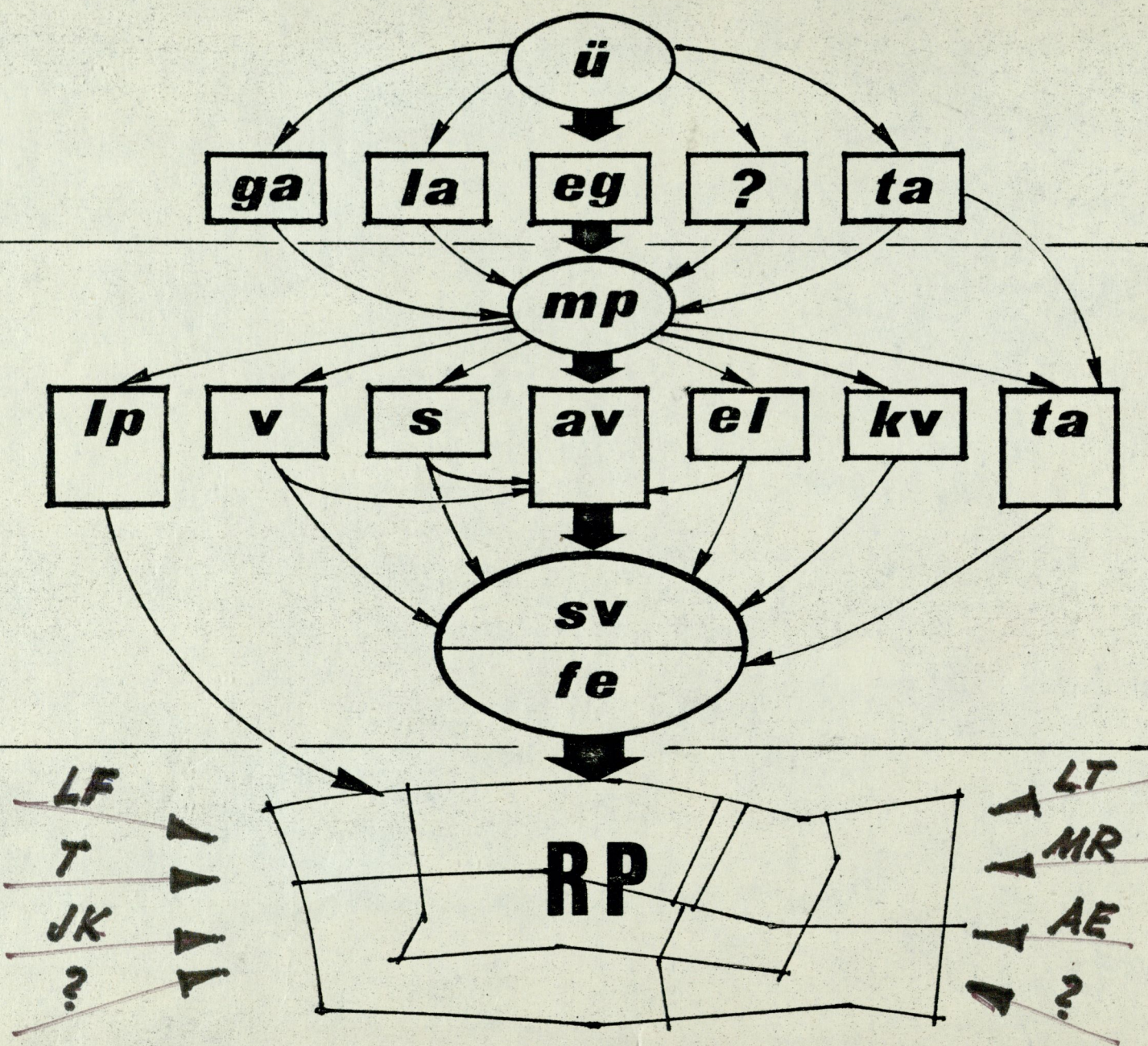
В развитии методики ухода за памятниками архитектуры большую роль до сих пор играли добрососедские отношения между союзными республиками. Тонкое искусство реставраторов Белоруссии на их древних памятниках, смелая, дающая хорошие результаты регенерация исторических памятников Литвы, пример охвата работ латышей по реставрации памятников, начиная от сельских до эпохи модерна, гигантские работы ленинградцев в Петродворце, Пушкине и Павловске, являются великолепными

примерами. Мы очень надеемся, уважаемые коллеги, что вы найдете что-то полезное и у нас.

Реферат доклада на конференции
7 июня 1977 года

О РЕГЕНЕРАЦИИ СТАРОЙ ЧАСТИ ГОРОДА ТАРТУ

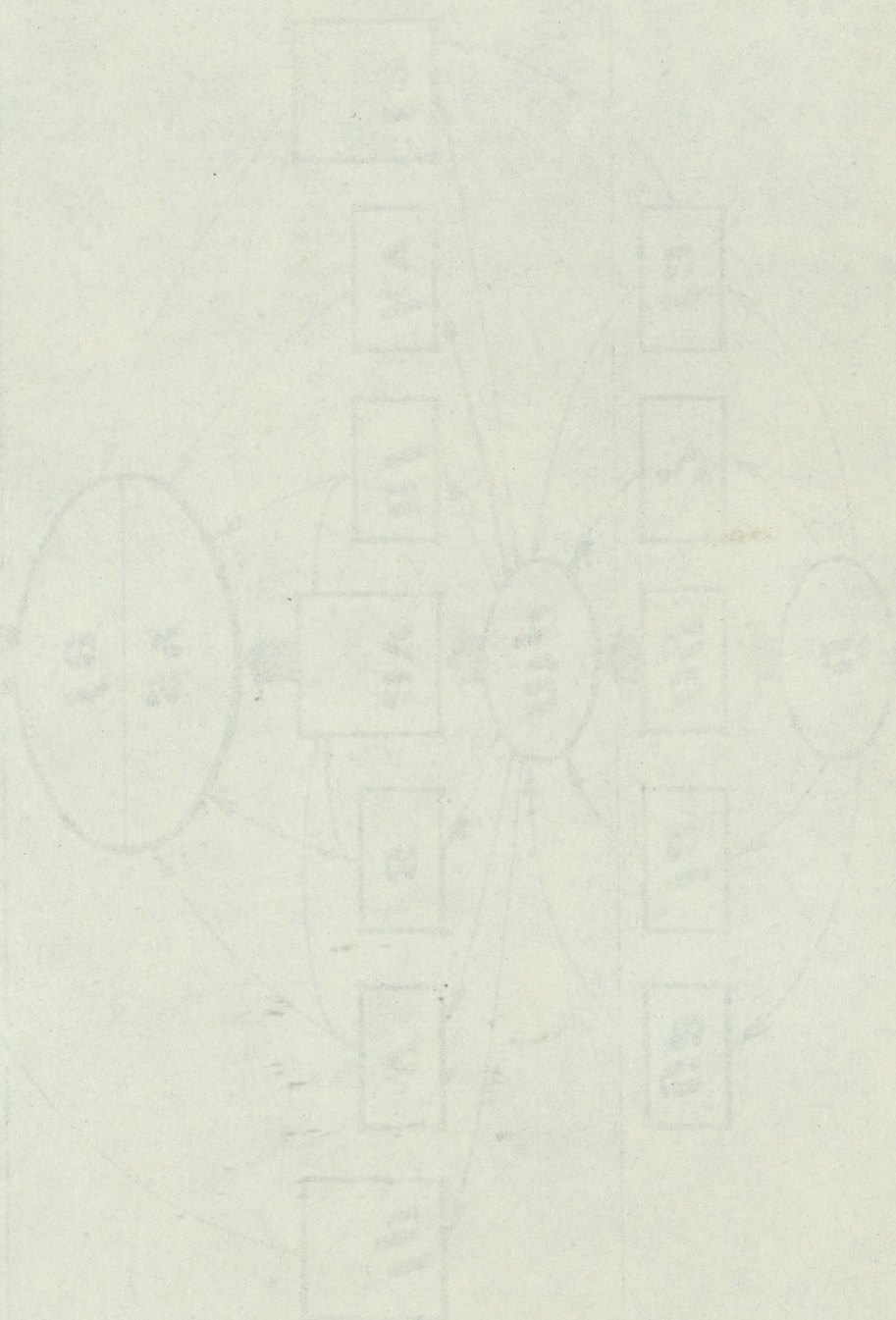
1. Введение.
2. О ценности старой части г.Тарту.
3. Состояние старого города в настоящее время.
4. Выбор идейного уровня проектного решения.
5. Общие принципы проектного решения.
6. Графическая часть работы (демонстрация диапозитивов).
7. Пути продолжения работы.
8. Схема: старая часть города Тарту.
9. Схема методики.

EELTÖÖD

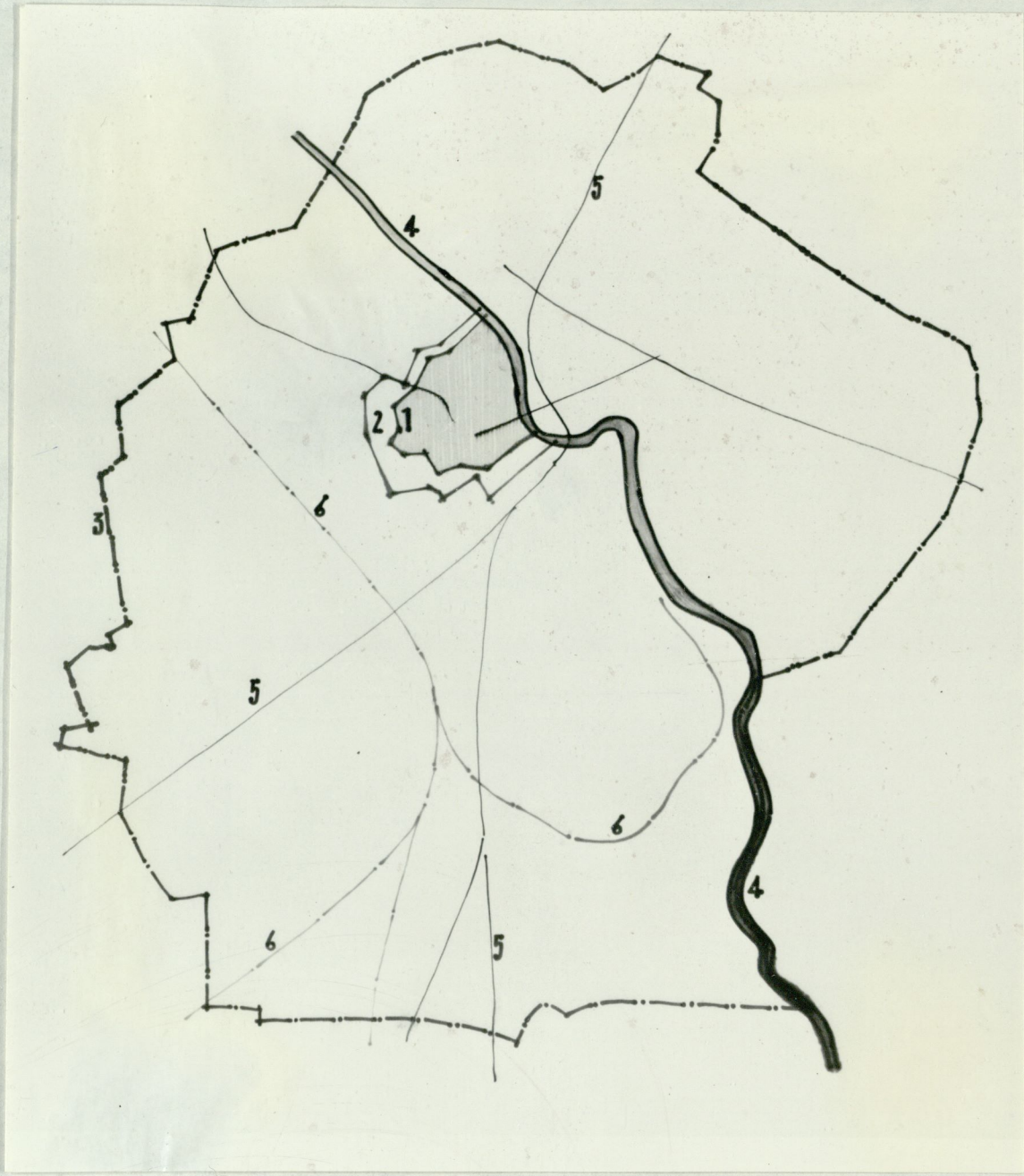
UURIMISTÖÖD
PROJEKT

Handwritten notes in the top left corner, possibly including the number '10' and some illegible characters.

Handwritten notes in the bottom left corner, including the number '10' and some illegible characters.

9. Introduction given

О РЕГЕНЕРАЦИИ СТАРОЙ ЧАСТИ города ТАРТУ

I. ВВЕДЕНИЕ

Проект регенерации охранной зоны старой части города Тарту (в объеме детального проектирования) был составлен по заказу Госстроя ЭССР на основании задания, утвержденного председателем Исполкома СДТ г.Тарту 20 сентября 1973 года. Главной задачей работы было найти принципиальные предложения для сохранения исторических ценностей старой части города Тарту в современных условиях с учетом перспектив ближайших десятилетий до начала XXI века, поиск подходящих для этого градостроительных функций и финансовых источников и выработка соответствующего решения планировки и застройки.

Проектированию предшествовало разностороннее исследование и оценка свойств и элементов старого города.

Эта работа, осуществленная в 1973-1977 годах, может рассматриваться как первый этап длительной исследовательской и проектной деятельности. Дальнейшая работа должна охватывать развитие и углубление методики и исследования и дальнейшего проектирования.

В ходе работ на первом этапе, кроме Республиканского реставрационного управления, в качестве субподрядчиков в исследовательско-проектных работах принимали участие ГПИ "Эстонпроект" (инженерные сети, вертикальная планировка) и ГПИ "Эстпромпроект" (строительно-геологический обзор, геотехнический контроль). В работе принимало участие всего 36 специалистов разного профиля.

При составлении проекта регенерации (ПР) во внимание принимались следующие составленные ранее градостроительные проекты для Тарту:

- Корректурa генплана города Тарту (Эстонпроект, 1976г., арх. Маллэ Мээлак, арх. Март Порт).
- Проект детальной планировки центральной части города Тарту ("Эстонпроект", 1970/71гг., арх. Рауль Киви).
- Схемы перспективного размещения Тартуского Государственного Университета ("Эстонпроект", 1968/69гг., арх. Рауль Киви).
- Техническо-экономические обоснования развития материальной базы ТГУ ("Гипрофюз", 1976г.)

Принципиальные идеи для перспективного развития Университета, для строительства обслуживающего город центра (активной зоны) и для создания зоны пешеходов в проекте регенерации старой части города Тарту совпадают с идеями вышеуказанных проектов; уточнения касаются лишь деталей.

Застройка и организация движения в старом городе описывается в ПР на более глубокой оценке элементов старого города и поэтому несколько отличается от решений генерального плана города.

2. О ЦЕННОСТИ СТАРОЙ ЧАСТИ ГОРОДА ТАРТУ

Постановлением Совета Министров Эстонской ССР от 27 февраля 1973 года за № 91 наряду с другими городами было утверждено и положение и границы охранной зоны исторического центра города Тарту. В ходе подготовки этого постановления искусствовед Олаф Принтс отметил следующие ценности старой части Тарту:

- большой возраст (сообщение в хронике Нестора за 1030 год).
- разнообразная физиономия (рельеф, река, градостроительная пестрота стилей).
- многоликая и своеобразная история (городище древних эстонцев; пограничная крепость Новгородской Руси;

- епископская метрополия; - богатый ганзейский город; шведская крепость; русская крепость; университетский город).
- исключительная культурно-историческая ценность (колыбель эстонской национальной собственной культуры, большое число ученых мирового значения).
- сохранность ценных объектов оборонного зодчества и архитектуры (средние века, классицизм, новые строения).
- исходящий из предыдущего крайне своеобразный колорит.

Свойства, данные этой общей оценкой, проявляются конкретно в следующем виде:

- хорошо сохранившийся план и сеть улиц средневекового города у реки.
- связанное с городом ландшафтное своеобразие (русло реки Эмайыги, Тоомеяги /Вышгород/ с зеленым поясом, бастионы).
- памятники средневековой архитектуры (руины Домского собора, руины церкви Яана, остатки крепостной стены)
- памятники архитектуры классицизма - в отдельности и в комплексах.
- более ценные новые памятники архитектуры (историцизм, модерн, функционализм).

3. СОСТОЯНИЕ СТАРОГО ГОРОДА В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

На территории охранной зоны старой части города Тарту, занимающей площадь в 79 гектаров (48.8 га охранная зона, 30,2 га регулировочная зона) время сохранило до наших дней большое количество архитектурных и культурных ценностей, дошедших до нас из разных столетий: отдельные здания, градостроительные идеи и цельные окружения.

Все это дает нам информацию о прошлом и рассказывает о том, из чего развилась современность.

Наследие же не является чистым и единым по уровню. Грехи различных времен тоже стоят перед нами. Нашей задачей является оценка, выбор и принятие решений.

Наследие пятидесятих годов нашего века – типовой жилой дом из серии I-317 по ул. Выймла 16 – является неподходящим соседом для исключительной редкости, имеющей возраст в шесть с половиной веков, – церкви Яана. Грехом того же времени является ликвидация интерьера университетской церкви (ул. В. Кингисеппа).

Северная сторона площади Ньюкогуде (бывшая Раэкоя-Ратушная) является исторически богатой, южная же сторона остается в связи со своей эклектичностью 1950-х годов чуждой для Тарту.

Прогулку от бывшей Ратуши к главному зданию Университета и оттуда дальше мы считаем очень интересной из-за визуальных впечатлений и исторических ценностей. На бывшей же когда-то главной улице, ул. 21 июня (бывшая Рюютли) т.е. Рыцарской) мы встречаем немасштабные диссонансы 1930-х годов (напр. 21 июня – 20 и Н. Пирогова 8).

В старом городе сейчас происходит расширение городской центральной библиотеки и центральной телефонной станции путем пристройки к ним крупных блоков. Оба расширения проводятся по проектам, утвержденным до введения в действие закона об охранной зоне; все же оба проекта не являются в достаточной мере деликатными по отношению к масштабу старого города. Телефонная станция на углу ул. 21 июня и Мичурина имеет монотонный фронт длиной в 42 метра и, кроме того, излишне высока. Здание библиотеки является излишне высоким и без всякой причины повторяет старые формы. Новая архитектура в старом городе необходима и возможна, но она должна подчиняться исключительно строгим требованиям масштаба пропорций и вкуса. До сих пор эти условия не уловлены.

Главные проблемы ПР не состоят в ошибках масштаба и ситуации. Главным являются функции и мощность старого города сегодня. Они и являются основными факторами, позволяющими сохранить исторические ценности. Старый город не может быть только лишь музеем. В старом городе бьет пульс нашего времени. В старом городе имеется множество предприятий, магазинов, домов обслуживания населения различного рода. В старом городе живут люди. В старом городе находится большая и славная традиция - Университет.

Интенсивность жизненной деятельности растет с каждым годом. Старый город перегружен, его мощность исчерпана. Взгляд во-внутрь кварталов говорит ясным языком: нагромождение товаров, кучи топлива, мусорные контейнеры, тара, автомобили. Чистота и благоустройство падают. Старый город пульсирует на грани инфаркта. Старый город в Тарту требует скорой помощи.

4. ВЫБОР ИДЕЙНОГО УРОВНЯ ПРОЕКТНОГО РЕШЕНИЯ

При выборе идейного ~~решения~~ уровня в учет принимались возможности реализации проекта; в стороне был оставлен т.н. научный идеальный вариант. Такой максимально восстанавливающий исторические качества старого города идеал, его решение, ведущее, так сказать, обратно во времени, может быть представлено в случае наличия следующих возможностей-условий:

- полная ликвидация автомобильного и технического сообщения на уровне старого города.
- организация современных технических коммуникаций и транспорта (подвоз) через подземный туннель, направленному, к примеру, вдоль ул.Ньукогуде/ 21 июня, в "0" цикле старого города. Это означает широкую техническую реконструкцию.
- широкая реставрация старых исторических функций и строений.

- значительное увеличение роли музеев.
- глубоко продуманное туристское обслуживание.

Представляемый настоящим проект предлагает компромисс с идеалом: ограничивает автомобильное движение, учитывает функции, необходимые для старого города на сегодняшний день, сохраняет-восстанавливает ценные элементы и качества старого города.

5. ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ ПРОЕКТНОГО РЕШЕНИЯ

5.1. Ограничение автомобильного движения и транспорта, квалификация улиц по характеру движения, создание пешеходных зон.

5.2. Организация хозяйственных подъездов внутри кварталов.

5.3. Ограждение стоянок машин сильно выраженным озеленением.

5.4. Регулировка функциональной нагрузки кварталов (уменьшение перенагрузки, застройка неиспользованных участков).

5.5. Использование принципа полифункциональности, что исключает затихание человеческой деятельности в каком-либо отрезке дня, уравнивание эксплуатации капиталовложений во времени.

5.6. Использование двух основных функций - Университета и центра города Тарту - при регенерации старого города, что обеспечит основные экономические ресурсы.

5.7. Окружение компактных кварталов старого города зеленым кольцом (кроме парка района Тоомемяэ еще и до реки Эмайыги). Создание зеленой зоны и в регулировочной зоне (здания расположенные свободно в озеленении).

5.8. Создание проектным решением предпосылок для возникновения масштабных ансамблей, основанных на взаимодействии старой и новой застройки.

6. ГРАФИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ РАБОТЫ (демонстрация диапозитивов).

Часть А: Исследование

6.1. Методика.

Направление и теоретическая основа работы. Должна обеспечивать логическое прохождение работ, непрерывность и рациональность исследовательско-проектных работ.

6.2. Развитие границ города.

Вместе с ходом развития всего градостроительства даются основные этапы складывания старого города и градостроительные черты его своеобразия.

6.3. Структура.

В качестве основы исследовательских работ была принята современная структура города (обозначение кварталов).

6.4. Наименование улиц.

Картограмма позволяет находить место и время исторических улиц.

6.5. Археологические зоны.

Необходимо обеспечить охрану археологических зон юридическим актом и при раскопках осуществлять надзор и руководство квалифицированного особого режима.

6.6. Тарту в конце XVII века.

Опираясь на сведения, полученные в ходе раскопок в старом городе и на сохраняющиеся в военном архиве Стокгольма старые планы, на современную геодезическую основу в масштабе 1:1000 нанесен план Тарту XVII века.

6.7. Строения 1918-40-х годов

6.8. Военные разрушения 1941-45 гг.

6.9. Строения 1940-75-х годов.

На современном геодезическом основании зафиксирована история строительства новейшего периода в истории архитектуры старой части города Тарту - на трех планшетах.

6.10. Здание и озеленение.

Современное состояние - каменные и деревянные здания, зеленые участки.

6.11. Ландшафт крыш.

Формы современных крыш.

6.12. Функции зданий.

Современные функции старого города вместе с показанием (в м²) общей площади учреждений-предприятий.

6.13. Распределение жителей.

Современные сведения - число жильцов в доме, квартале; жилая площадь в здании (в м²). Общее число жителей в охранной зоне 3050; в регулируемой зоне - 2070; всего 5120.

6.14. Техническое состояние зданий.

На основании визуальных наблюдений здания были разделены на четыре класса - хорошо, удовлетворительно, плохо, очень плохо. Использовались и работы ГПИ "Коммунал-проект" по исследованию тартуского жилого фонда.

6.15. Возраст зданий.

Взвешивались две различные возможности оценки: возраст доминирующей строительной массы или возраст старейших строительных частей. Была избрана вторая возможность, но с содержанием имеющей вес исторической и технической информации.

6.16. Стили фасадов.

Наряду со стильными фасадами на картограмме указаны и фасады с элементами стиля. Одновременно информация и о характере ансамблей.

6.17. Архитектурная ценность зданий.

Оценивалось современное художественно-композиционное положение, в том числе и интерьер. Мерилом служил местный уровень, выбирались лучшие представители каждого стиля без оказывания предпочтения какому-либо из них. У старейших объектов и историческая ценность была безусловным фактором при оценке архитектурной ценности (руины).

6.18. Культурно-исторические места.

Дополнительная информация о зданиях для обозначения культурно-исторических мест (монумент, памятная доска и т.д.), значение которой в ценности сохранения зданий оказалась все же относительно небольшой.

6.19. Ценность сохранения зданий.

Оценка, указывающая в конечном этапе комплексно на все аспекты исследования и возможности сохранения, которая принималась вместе с определением подходящей для наших дней функции. Это решение уже является как бы шагом в сторону проекта, где конкретное положение здания в квартале вместе со всеми данными по его исследованию и всеми качествами взвешивается на весьма сложных весах. Отражая конечные итоги исследовательских работ, здесь все же не принимаются во внимание современные градостроительные требования. Эта работа - подчинение элемента целому старому городу - делается непосредственно на этапе составления проекта (ИР.)

ЧАСТЬ Б: Проект

6.20. Ситуация.

Место старого города в современном Тарту. Главные факторы сохранения старого города: перспективный центр (активная зона) города Тарту и перспективная территория Тартуского государственного Университета.

6.21. Функции:

Перспективные (на начало XXI века) функции зданий. Главные экономические ресурсы обеспечиваются перспективой строительства центра города и университета. Применение принципа полифункциональности, исключающей затихание человеческой деятельности на каком-либо из отрезков дня и обеспечивающий равномерность во времени эксплуатации капиталовложений.

6.22. Движение. Красные линии.

Проектом предлагается создать в старом городе безавтомобильные зоны (площадь Ньукогуде, ул. 21 июня), улицы имеющие вес в системе обслуживания (допуск автомашин по особым разрешениям ГАИ) и сеть улиц общего пользования ("Малый круг" и Валликраава - К.Э.ф.Бэра - Х.Абовяна). Доминирующим будет одностороннее движение (упрощение схем движения на перекрестках, общее увалачение пропускной способности улиц).

6.23. Застройка.

Представляются сохраняемые, реставрируемые, реконструируемые и амортизированные здания и возможности для новых зданий. Реконструированные здания имеют индексы "Р" или "М", которые указывают на реконструкцию с направлением к реставрации или модернизации.

6.24. Ландшафт крыш.

Взаимоувязывание крыш старых и перспективных зданий, корректура формы имеющихся крыш.

6.25. Техносети.

Принципиальные решения магистральных линий.

7. ПУТИ ПРОДОЛЖЕНИЯ РАБОТЫ

Проект регенерации старой части города Тарту, будучи составлен в предусмотренных временных и финансовых рамках, является первоначальным общим решением для работы, которая будет продолжаться и в дальнейшем. Представляемая работа охватывает в принципе все самое существенное, учитывает основные факторы, воздействующие на судьбу старого города, представляют специальную методику исследования и проектирования, главные аспекты исследования и предложение решения в виде детального проекта. Результат является научным компромиссом качеств и требований прошлого и современности и, как правило, проблематичен. Дальнейшие исследования и проектирование крайне необходимы и неизбежны. Работа должна была бы продолжаться в следующих направлениях:

7.1. Теоретическая работа: развитие методики. Систематизация и обобщение примеров, принципов, данных и аспектов на основании литературы. Проблема сосуществования архитектуры различных эпох.

7.2. Конкретное изучение градостроительной истории Тарту. Изменение плана города сквозь эпохи. Дальнейшее моделирование старой части Тарту: уточнение сохранившихся в его структуре исторических элементов. Изменение ансамблей во времени. Работа выполняется на современном геодезическом основании.

7.3. Более конкретное и детальное изучение и проектирование кварталов и улиц-площадей, как элементов старого города Тарту. И все предложения по реставрации, сохранению или реконструкции всех отдельных объектов должны опираться на решения кварталов.

7.4. Изучение нулевого цикла старого города:

- обмеры, нивелировка;
- историческое исследование строений;
- оценка технического и геотехнического состояния;

Исследование выяснит:

- историю строительства в старейшей части старого города;
- возможность использования подвальных этажей;
- возможности решений инженерных сетей
- и т.д.

7.5. Проект озеленения, который должен опираться на уточненном геодезическом основании, оценке деревьев и инвентаризации ценного озеленения.

8. СХЕМА: СТАРАЯ ЧАСТЬ ГОРОДА ТАРТУ

Объяснение:

1. Охранная зона (48,8 га)
2. Регулировочная зона \varnothing 30,2 га)
3. Граница города
4. Река Эмайыги
5. Магистральные пути
6. Железные дороги

9. СХЕМА МЕТОДИКИ

Предварительные работы:

- задание
- геологическое основание
- исходные данные, аналогии
- смета, график
- технические данные зданий

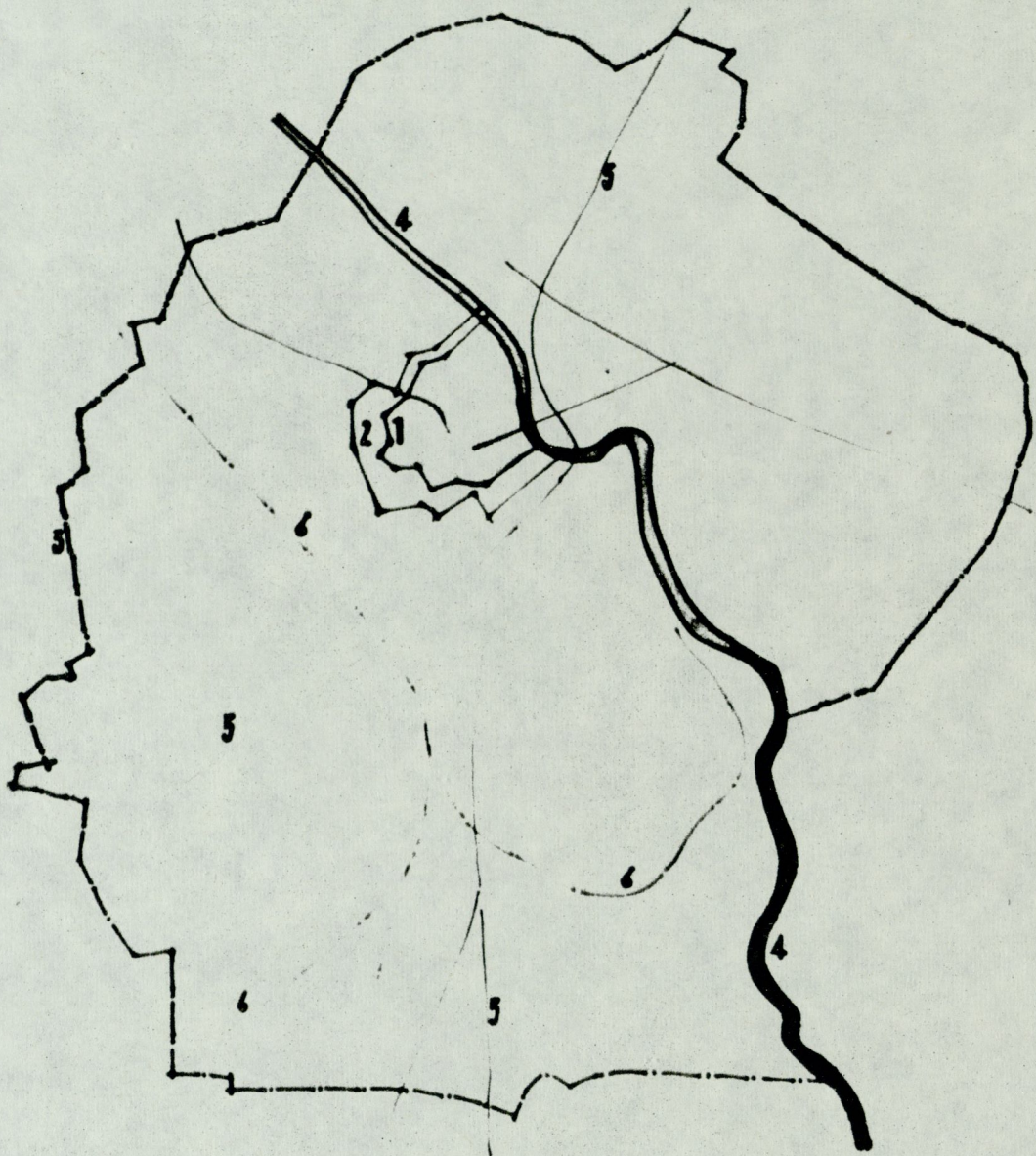
Исследовательские работы:

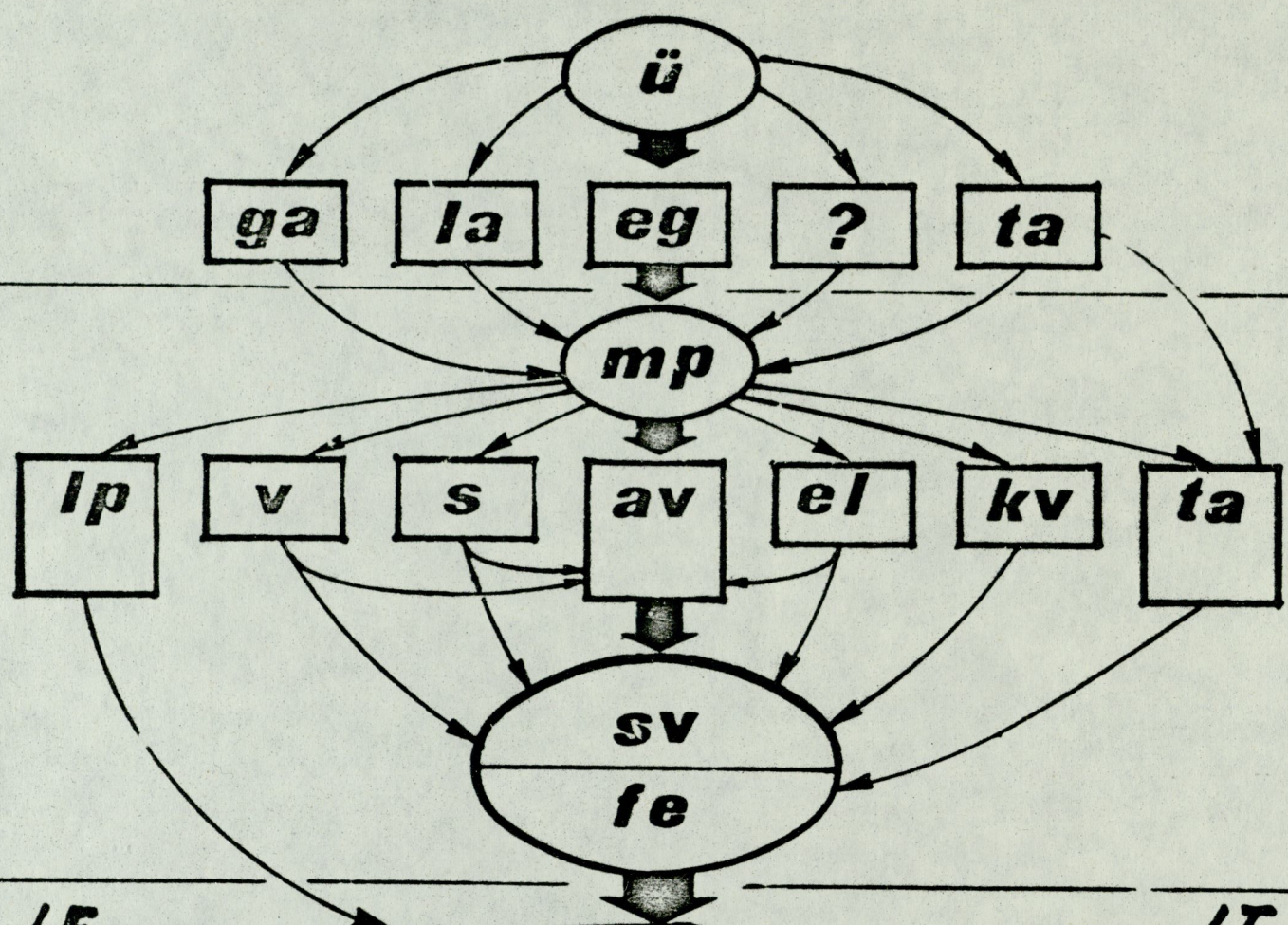
- методика, программа
- развитие городского плана
- возраст зданий
- стиль зданий
- архитектурные ценности зданий
- истории зданий
- культурные ценности зданий
- технические данные зданий
- ценности сохранения зданий
- предложения современных функций

Проект:

- проект регенерации
- функции центра города
- транспорт
- пешеходные дороги
- природные факторы
- экономические ресурсы
- эстетические установки эпохи.

Р. Киви
май

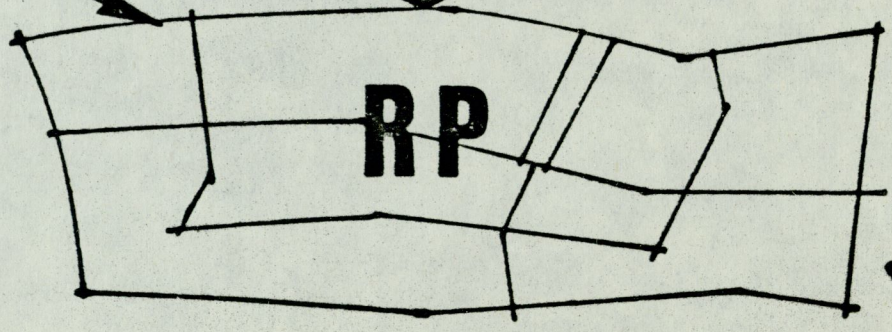

EELTÖÖD

UURIMISTÖÖD
PROJEKT

LF
T
JK
?
T
T
T
T

LT
MR
AE
?

Об истории архитектуры замка
города Курессааре

Архитектор Кальви Алуве

На южном побережье острова Сааремаа возвышается один из существовавших когда-то пяти замков Сааре-Ляйнского (острова Сааремаа и Западной Эстонии) епископа-замок Курессааре. Этот мощный и относительно хорошо сохранившийся замок представляет собой не только выдающийся пример местного оборонного зодчества, но он занимает особое место в эстонском средневековом строительном искусстве. Он является единственным представителем характерной для архитектуры 14 века в центральной Европе конклавной архитектуры в Эстонии, и поэтому его место особенно уникально. Впечатляют его центральные зальные помещения и строгая форма его тесаного декора. Дорогой строительный материал и высокое качество его обработки характерны для всего строения.

Строительная биография замка Курессааре достаточно сложна. В результате проводимых Республиканским реставрационным управлением крупных по объему исследовательских работ сложились ряд новых точек зрения. Выяснилось, что известному Нам конвентобразному строению 14 века во второй половине 13 века предшествовал каменный с обетавшей его крепостной стеной с центральной сторожевой башней. Это более старое заложение в свою очередь построено на месте существовавшего уже в II веке и сгоревшего позже деревянного комплекса, который мог входить в состав укрепленной гавани и остатки которого в виде обгоревших бревен еще сохранились в замке Курессааре. Временем сруба последних на основании углеродного метода C^{14} было в Институте Геологии АН ЭССР определена первая половина II века, что нашло частичное подтверждение при датировке дендрохронологическим методом, который дал в результате проверки шестидесятые и семидесятые годы того же столетия.

На основании датировок теми же методами точных наук удалось датировать и время строительства сторожевой башни. Датировка пала на 1262-1263 гг., т.е. на годы, последовавшие

восстанию жителей Сааремаа в 1260 году.

Старейшие замки Эстонии являются замками-кастеллами. Старейшими датированными кастеллами старой Ливонии являются Юкскюла и Холм в Латвии (1185-1186). Первый построенный датчанами каменный замок на Сааремаа (1222) был кастеллом, окруженным оборонительной стеной. Подобными же были и замки, построенные в Таллине, Нарве, Рахвере и др. Наряду с кастеллами, окруженными крепостной стеной в Дании и южной Швеции выступает еще и другой тип - кастелл с центральной башней. Последний отличается от первых тем, что посередине двора возвышается отдельно стоящая башня. Именно к подобному типу кастеллов с центральной башней следует отнести и построенный в 13 веке кастелл с окружающей его крепостной стеной. Роль центральной сторожевой башни в нем выполняла сохранившаяся до нашего времени и входящая в состав конвентного здания башня Длинный Герман. Сторожевая башня выполняла несколько функций. Прежде всего она была предназначена для несения сторожевой службы и управления боем за пределами стен кастелла, но в то же время она являлась и последним убежищем для небольшого количества защитников замка. Архитектурный облик башни очень напоминает сторожевые башни немецких горных замков (бергфрид). Именно оттуда этот тип башни был перенят строителями замков Пруссия и старой Ливонии.

Обычно сторожевая башня окружалась ограждением, которое в начале было деревянным, позже - каменным. И Курессаарскую сторожевую башню окружала стена и заполненный морской водой ров шириной в 20 метров. Оборонительная стена окружала правильную прямоугольную территорию размерами 66,8 x 86,5 м. Толщина стены была от 1,8 до 2,4 м. Еще и в настоящее время эта стена сохраняется в толще земли на глубину до 2,5 м. Частично (в северо-западной и юго-западной части) сохранился и ров за пределами стены, большая же часть его была заполнена в третьей четверти 13 века при благоустройстве земляных укреплений замка Курессааре. На планах замка, оставленных в 17 веке, стена старого кастелла еще указывается, так же как и квадратная в плане башня в западном углу кастелла. Башня имеет на плане обозначение, характерное для строений,

перекрытых крестовым сводом и даже названа — башня Вольфа.

Наиболее значительным явлением в строительном развитии замка Курессааре и его наиболее ценной с точки зрения истории искусства частью следует считать заложенное в 14 столетии главное конвентообразное здание.

Тип здания конвента сложился во второй половине 13 века в Пруссии, откуда он в начале 14 века распространился в Прибалтику и здесь занял место главного типа более крупных орденовских и епископских замков. В сложении типа конвентного здания важное место занимала внутренняя организационная структура ордена, обслуживавшая необходимость наличия ~~необходимых~~ крупных залных помещений. Залные помещения можно было легче всего группировать в сомкнутые крылья, примыкающие к замкнутой прямоугольной оборонительной стене кастелла. В результате сложился строго регулярный, напоминающий заложение монастыря замок-здание конвента. Ближайшее окружение здания конвента обводили крепостной стеной. Таким путем образовывался передний двор.

Заложение Курессаареского здания конвента приближается к квадрату: длина его наружных стен составляет от 42,76 до 43,12 м. Внутренний двор обегает двухэтажный клуатр. На основной этаж замка можно было попасть по лестнице, выходящей в проем ворот. Из клуатра можно было попасть в три жилые комнаты епископа в северо-западном крыле, в торжественный рефекторий (торжественную трапезную) и в капеллу юго-западного крыла, в трапезную и dormitorio (спальню) в юго-восточном крыле и еще в один dormitorio в северо-восточном крыле.

Клуатр перекрыт в юго-восточной и северо-восточной части крестовыми сводами, имевшими безконсольные верьеры с сильно выраженным рельефом. Своды клуатра северо-восточного и юго-восточного крыла не сохранились; их заменили в 1806 году простыми кирпичными безнервюрными сводами. Самое репрезентативное помещение замка — торжественный рефекторий — соаднивается с клуатром ступенчатым порталом без импюста, откос которого богато профилирован. Торжественный рефекторий представляет собой двухнефное залное помещение протяженностью в пять травей. Крестовые своды с ярко выраженными

нервюрами опираются на четыре восьмигранных пилона. Две северо-западных траверс отделены от остальных широкой подпружной аркой. Поддерживающий её вытянутый пилон отличается от остальных. Выказывалось мнение, что помещение первоначально предполагалось построить четырехтраверсным, ныне же, северо-западные ячейки были добавлены позже. Последний из пилонов имеет вогнутые, имеющие форму треугольной пирамиды угловые детали, заменяющие нащиты и базы.

Оформление квадратной в плане капеллы напоминает интерьер рефектория. Капелла отделялась от рефектория стеной, разобранной во второй половине 19 века. Стена была восстановлена в ходе реставрационных работ в начале этого столетия. Нервюрные своды капеллы замыкают четыре, рефектория — три крупных замковых камня. Первично и сохранившееся в капелле основание алтаря из тесаного доломита.

В северо-западном крыле располагаются перекрытия простыми безнервюрными сводами килые комнаты епископа. Своды опираются в каждом из помещений на восьмигранные пилоны. Имюсты и базы и на них заменены деталями в форме треугольной пирамиды. В двух помещениях на угловых консолях сводов покоятся имеющие вогнутый рельеф нервюры, профилировка которых близка профилировке нервюр торжественного рефектория. По каким-то неизвестным нам причинам — по всей видимости, ввиду меньшей значимости помещений — работа по перекрытию сводов была продолжена без нервюр. Более простое оформление имеют и dormitorio северо-восточного и юго-восточного крыла, а также и столовая рядом с капеллой. Первичен и расположенный в углу среднего из килых помещений епископа снабженный полатями запирающийся изнутри альков в нише.

Подвал шестиэтажной сторожевой башни Стурвольт перекрывает простой кирпичный безнервюрный свод. Остальные этажи башни имеют балочные перекрытия. Этажи соединяются между собой узкими внутрестенными каменными лестницами.

Верхние этажи башни предназначались для вооруженной охраны замка. На боевой ход наружных стен здания козваша ведут с оборонительного этажа башни сохранившиеся в оригинальном виде дверные проемы. Пол оборонительного этажа

располагается на одном уровне с полом боевого хода. В башне сохранилось четыре первоначальных камня, камень главного этажа несколько реконструирован в начале настоящего столетия.

Помещения первого этажа замка использовались главным образом как складские и хозяйственные помещения. Рядом с окружающей сторожевую башню изоляционной шахтой в юго-восточном крыле помещались кухня, рядом с ней — пекарня и подсобное помещение кухни, дальше — помещение колодца и под кухней с кокухом-трубой находилась кухня для варки шива. В юго-западном крыле, под торжественным рефекторием, помещался гипocaust — устройство для отопления теплым воздухом; второй гипocaust имелся и под ^{с н}средним из жилых комнат епископа.

Помещения верхнего этажа замка перекрыты балочными потолками.

В месте стыка сторожевой башни и стены (фундаменты здания конвента сложены на фундаменте сторожевой башни, что говорит о их более позднем происхождении. Фундаменты же башни Стурвольт монолитно связаны с фундаментами здания конвента и поэтому их следует считать одновременными. Наружные стены здания конвента отделены от стен сторожевой башни швом.

В то же время в строительном-художественном исполнении здания конвента и сторожевой башни имеются известные отличия, которые вызывают сомнение в их одновременности. Стены сторожевой башни сложены хуже, чем остальные стены здания конвента. В кладке стен башни используются блоки, поверхность которых осталась необработанной, северный наружный угол остался незакругленным, у башни отсутствует карниз, имеющийся у наружных стен конвента. Едобавок ко всему у сторожевой башни отсутствуют детали, характерные для отделки здания конвента.

Можно предположить, что первый строительный период здания конвента, в ходе которого закладывались фундаменты строения и стены сторожевой башни, прервался во время восстания Юрьевой ночи 1343 года. Высказывались мнения, что закладка здания конвента началась со вступления в должность Херманна III фон Оснабрюка в 1338 году. Таким образом, этот период продолжался пять лет. Следующий период строительства, начатый после подавления восстания Юрьевой ночи в 1345 году, охватывал уже строительство всего здания конвента. В это время, пови-

димому, строительство проходило без особых ^{на}остатков под руководством прибывшего откуда-то мастера во всем объеме и на всю высоту здания конвента.

Здание конвента в Курессааре имеет высокую художественную ценность и его архитектура интригующе своеобразна. Найдено много ^{близких} черт в архитектуре замка Курессааре и памятниках зодчества Таллина. Следует отметить, что воздействия исходят из замка Курессааре, как из архетипа.

Если сравнивать архитектуру интерьера замка Курессааре с другими памятниками средневековой архитектуры Эстонии, то бросается в глаза одно их значительное различие. У всех памятников архитектуры эстонской готики, будь то строения культа или же гражданской архитектуры, структура внутренних помещений вырастает из основной строительной массы, из её общей конструктивной системы. Здание или же его отдельные помещения распределяются по строгой системе на нефы и траверсы. Отдельные элементы помещений отделяются друг от друга всегда аркадными или подпружными арками. Они отсутствуют лишь в замке Курессааре. Здесь их заменяют обычные нервыры сводов.

Другой особенностью замка Курессааре заключается в характере отделки архитектурных деталей. Если у других памятников эстонской архитектуры в деталях отделки доминируют плоские или же выгнутые формы, то детали замка Курессааре являются в сильной степени вогнутыми. Профилировки всех нервыров, порталов, дверных обрамлений, тесаных оконных рам, капителей баз и колонн, консолей сводов, ниш капеллы и даже наружного карниза являются вогнутыми.

Уже во время завершения строительства здания конвента около 1380 года крепостная стена прежнего настелла не удовлетворяла повышенным требованиям обороны. Она была расположена слишком близко к зданию конвента и у неё ^{не}было фланкирующих башен. Новая мощная оборонительная стена длиной в 600 м, имеющая пол сотни бойниц, была построена к тридцатым годам 15 столетия. Она была снабжена небольшими фланкирующими полукруглыми и в тричетверти круга башнями. На сегодняшний день из них сохранилась лишь небольшая Восточная башня (д=5,93м). В середине 15 века эту стену надстроили

примерно на 2 метра и были построены большие полукруглые и круглые в плане башни, которые представляют юго-восточная (д=13,1 м), южная (д= около 13 м) и нижний этаж Северной башни (д=14,4 м, бойницы 35x37 см). Эти башни были низкими, без крыши, имели всего два этажа и их высота лишь на немного превосходила высоту окружающую комплекс оборонительную стену.

О третьей и последней модернизации крепостной стены в третьей четверти 15 века свидетельствуют два верхних этажа Северной башни. Они снабжены мощными оконными бойницами с каморками (75x30 см), где глубина каморы достигает 2/3 от толщины стены. Стены сложены из чисто обработанных доломитовых блоков. Стены и башни предшествующих этапов были сложены в основном из крупных булыжников с небольшим включением известняка и доломита.

О времени и форме закладки самых первых валов Курессааре не сохранилось достоверных сведений. Благоустройство у "дворца" проводилось уже в 1562 году. После смерти герцога Магнуса (1583) датский король в свою очередь дал указание укрепить обороноспособность замка Курессааре. В целом предполагается, что примерно в 1600 году старая крепостная стена была окружена земляной оборонительной системой, состоящей из валов и бастионов. На плане замка Курессааре 1641 года, составленном шведским фортификационным инженером Георгом Швенгальном, уже указаны четыре бастиона вместе с соединяющими их курттинами. Куртины, однако, к этому времени не были еще совсем готовы. В спецификации чертежа указано, что три курттины — каменные, но не заполнены землей. На плане 1641 г. все бастионы имеют отступающие фланки, на плане же 1645 г. — простыя короткие нерасчисленные фланки. Следует предполагать, что они и на самом деле были простыми, так как именно таким образом они изображаются на других, на сколько более поздних планах.

Защищенные высокими стенами главные валы характерны главным образом для итальянской школы, эффективная волная система и фланки простыя бастионов — для голландской школы. В оборонительном поясе Курессааре не следовали систематично ни одной из систем; мы имеем здесь дело со смешанной системой.

Вскоре после того, как замок перешел от датчан к шведам, последние стали намечать модернизацию укреплений. Проекты модернизации составляли Иоханн Роденбург (1650), Иоханн Вяршёлд (1652-1674), Пауль Эссен (начиная с 1676) и, наконец, Эрик Дальберг (1684-1685).

В 1676 году замок получил новый проход через центр северо-восточной куртины. Прежний вход, который вел через Северный бастион, был замурован. В 1676 и 1677 гг. перед новым входом был построен небольшой рavelин. Строительным мастером, воздвигшим этот небольшой на изменении рельефа форпост и ravelин с одноэтажными фланками, был А.Виллемсон-Боллат.

Следующий проект модернизации укреплений составил в Стокгольме зимой 1681 г. П.Эссен, дополнив его через несколько лет в Пярну. Этим проектом был, повидимому, недоволен Э.Дальберг, так как он в 1684 году составил сам новый проект, который был утвержден королем. Модернизация проводилась под руководством капитана фортификации Х.Браунгогеля, которого после его смерти в 1694 году заменил И.Аппельбом.

Ход модернизации укреплений Курессааре хорошо отображается на изготовленном в 1685 году Эриком Дальбергом плане, где приводятся данные и о работах, проходивших в том же году на юго-восточном и северо-западном валах. Детали ravelинов уточнял на своем плане 1692 года П.Эссен. Об успешной реализации работ свидетельствует не имеющий подписи план 1694 года, откуда видно, что завершено строительство всех трех ravelинов и что работы ведутся на южном и западном бастионах. В 1698 году датирован сохранившийся отчет работ Аппельбома, 1706 годом - отчетный план того же Аппельбома (сводный за 1684-1706 гг.) Из последних следует, что все укрепления, за исключением северного бастиона и юго-западного ravelина, уже более или менее модернизированы. План, составленный в 1711 году инженер-майором Г.Кронштедтом, свидетельствует, что работы по модернизации Северного бастиона так и остались незавершенными, а юго-западный ravelин и не был построен.

Во время Северной войны (1711 г.) замок Курессааре сильно пострадал, пожар уничтожил здание конвента, были

взорваны бастионы. После Северной войны замок стоял долгое время в руинах, северо-западное и юго-западное крыло были покрыты крышей в 1762 году, полностью же здание было подведено под крышу еще через сорок лет. В ходе ремонтных работ 1806 года были восстановлены своды северо-восточной и юго-восточной части клуатра и стены, обращенные ко внутреннему двору от уровня земли до карниза. В ходе восстановленных работ не придерживались первичных форм. Таким образом в стене, обращенной во внутренний двор, вместо прежних четырех окон в настоящее время имеется лишь три проема, причем и они расположены на местах прежних промежутков между окнами. В ходе работ были покрыты кровлей и обе башни. В связи с аварийным состоянием были разобраны два верхних этажа башни Стурвольт, как это известно из одного чертежа 1797 года. Башня была восстановлена на прежнюю высоту ~~вместе~~ лишь в 1906 году, когда здание конвента было приспособлено под служебные помещения Сааремааского рыцарства. Этими работами руководил рижский архитектор Х.Зеуберлих, в проекте которого учитывались уже и общие реставрационные принципы.

В 18 веке в первой половине 19 столетия здание конвента использовалось в качестве амбара для зерна, начиная с 1868 года — как богадельня. Здание конвента было вычеркнуто в 1781-1783 гг. из списка военных объектов, земляные укрепления же стали модернизировать. Толщина эскарпных стен куртин и бастионов была увеличена почти на 1,5 метра, все они, в том числе и рavelины, были облицованы чисто отесанными доломитовыми блоками. К концу 18 века относятся и расположенные на территории замка строения: здание гауптвахты (1791, в настоящее время — архив), дом комендантской службы (1792, в настоящее время — фондохранилище), здания офицеров (1792-1793, второе из них было разобрано в 1910 году), солдатские казармы (1788). За 1810-1832 гг. в замке проводились лишь ремонтные работы по поддержанию строений в порядке. Среди проектировщиков 18 века, принимавших участие в работах в первую очередь следует назвать инженер-капитанов Р.Берха и П.Фокта и инженер-поручика Х.Тунимана.

В 1836 г. оборонительные сооружения Курессааре были полностью вычеркнуты из списка военных объектов и как замок, так и укрепления были переданы во владение Сааремааского рыцарства. Уже в это время замок требовал ремонта, необходимые же суммы были собраны лишь к началу настоящего столетия. При приспособлении помещений под помещения для делопроизводства и для репрезентативных помещений (на главном этаже), для помещенных учреждений (на подвальном этаже) и под краеведческий музей (на третьем этаже), заделывали проемы и увеличивали окна, к этому же времени относятся глазурованные печи, деревянные панели, деревянные лестницы, каменная лестница во дворе замка, стена, разделяющая капаллу и рефекторий, гербы дворян на стенах клуатра, кованые светильники итд.

Для более действенной охраны епископского замка Курессааре, как выдающийся памятника искусства, несколько лет тому назад были начаты обширные реставрационно-консервационные работы ансамбля. Для направления работ в Республиканском реставрационном управлении был составлен эскизный проект реставрации и использования средневекового ядра замка и окружающих его земляных укреплений и рвов 17-19 веков. Проект предусматривает значительное улучшение технического состояния замка.

Полностью ^Токазались от всяких пристроен и прочих остающихся на виду современных добавлений. Наслоения эпох творческого сложения замка сохраняются, ввиду того, что единство стиля не является в данном случае конечной целью реставрации. И все же наслоения и детали, не имеющие ценности, подлежат удалению. К ним относится все то, что не происходит со времени формирования ансамбля. Сюда следует отнести т.н. временные крыши 18-19 века, покрывавшие здание конвента. В результате этого архитектурная композиция ансамбля представит после реставрации значительно большую ценность с исторической и эстетической точки зрения. Выбор элементов, подлежащих удалению, не является результатом решения одного лишь автора проекта (архитектор Кальви Алуве), а согласовывается реставрационным советом Республиканского реставрационного управления и Научно-методическим советом Гостроя ЭССР.

Замок Курессааре входит в число тех немногих оборонительных сооружений, которые единодушно признаны особо ценными памятниками и представлен для включения его в список памятников, имеющих всеобщее значение. Поэтому при использовании замка исходят не только из утилитарных соображений, а в первую очередь из его сохранения. Разумеется — невозможно восстановить первоначальную оборонительную функцию. Ее заменит музейная функция, которая получила в ее современном понимании традиционное начало в Курессаареском замке уже в 1865 г. В средневековом здании конвента экспонируются, как памятник архитектуры, особо ценные архитектурные части (два этажа из трех), лишь третий этаж и сторожевая башня представляют и обычную для краеведческих музеев экспозицию.

Во всем решении не включаются новые архитектурные формы, а также и приспособление таких к старым элементам, что обычно является неизбежным при восстановлении более пострадавших памятников архитектуры. Среди реставрируемых главным образом частей следует назвать сторожевую башню 13 века (Длинный Герман), добавленный в 1555 году этаж с машикулями, крыша, имеющая форму, характерную для начального этапа здания конвента, открытый боевой ход с зубцами, стрельница для защиты ворот, герса и Северная артиллерийская башня. Реставрация всех этих частей базируется на достоверных исследовательских данных. О капитальных изменениях говорит имеющийся графический материал, подтверждаемый сохранившимся в натуре следами (к примеру угол наклона первоначальной кровли определяется по сохранившемуся на стене башни Стурвольт жалобу, практически сохранилось 2/3 открытого боевого хода с зубцами итд.).

Разумеется, исследования не завершены и результаты исследования полностью не удовлетворяют реставраторов никогда. Но все зависит не только от нас. Лучших результатов не позволяют достигнуть чертежная техника и схематичность чертежей прошедших столетий. Первые изображения и проекты 17 века замка Курессааре изготовлены все же профессиональными и выдающимися фортификационными инженерами того времени и лишь на несколько десятилетий позже, чем первые гравюры

Госториса и Слеария с видами Таллина.

В современном городе связывание нового со старым является одним из наиболее сложных и трудных творческих задач. В Кингисепи это несколько легче, чем в других районах. Почему? Потому, что ядро старой части города здесь состоит главным образом из построенных в 18-19 веках капитальных каменных строений. Замок Курессааре — самое старое и ценное строение города — отделяет от города парк, заложенный в шестидесятые годы 19 века на эспланаде, окружавшей замок. Парк отделяет замок от города, но в то же время и защищает его от города. Он не является (как парк отдыха) для города чуждым элементом.

Проект реставрации замка Курессааре является итогом, обобщением всех исследований, проведенных автором и помогавшими ему исследователями на памятнике и в архивах. Это — научно-технический документ, содержащий все материалы исследования, мотивирующие избранное на основании конкретных данных решение. Проект реставрации всесторонне учитывает эмоционально-эстетические, научно-теоретические и технические установки. Таким образом проект предусматривает целый комплекс мероприятий для оптимального восстановления его архитектурного облика и технического укрепления. Учитывается специфическое своеобразие памятника архитектуры, которое обуславливается физическим характером и способом использования доломита в виде чисто обработанных поверхностей, в связи с чем в кладке стен здания конвента и опорных стенах бастионов конструктивно-техническая структура и архитектурно-художественный облик сливаются воедино, образуя одно целое.

В ходе достижения оптимальной архитектурной формы не возникает особых трудностей у восстанавливаемых каменных частей, так как здесь, как и в средние века, имеется возможность использования доломита из верхних слоев карьера Каарма, придерживаясь размеров блоков, характера кладки, обработки материала итд. в верхней части сторожевой башни, частично и у боевого хода. Несколько сложнее достигнуть этого при уменьшении отдельных увеличенных проемов (при восстановлении первичных форм), при подгонке характера кладки и цвета старого и нового. Новые блоки не должны из-за излишней пестроты

бросаться в глаза, хотя и могут (даже и) должны несколько отличаться, чтобы не создавать ложного впечатления о взаимоотношении времени их исполнения.

Ансамбль епископского замка Курессааре останется и впрямь в распоряжении Сааремааского Краеведческого музея. Реставрация-консервация имеет главным образом два назначения: привести техническое состояние замка в соответствие с требованиями времени и обеспечить возможность использования всех помещений в замке а также и в земляных укреплениях.

Особую ценность замка Курессааре в сравнении с другими замками (он складывался в течении очень долгого периода и в то же время относительно мало пострадал в результате военной деятельности) следует использовать. По окончании реставрационных работ представится возможность экспонировать военно-технические конструкции всех различных этапов истории, а также и принципов их действия в их исторически достоверной ситуации.

Из старейшего из известных строительных этапов очень хорошо сохранилась сторожевая башня. Масса сторожевой башни Длинного Германа хорошо прослаживается в корпусе конвентно-образного здания как снаружи, так и изнутри. В первоначальном виде подлежит реставрации масса башни, лишь верхний её этаж с зубцами и фризом машикули будет реставрирован в формах, характерных для позднего средневековья, т.е. для времени этапа перестройки последнего епископа.

Около половины старой оборонительной стены кастелла будет раскопана и вслед за этим консервирована и будет экспонирована вместе с её вторичной башней Вольфа и фундаментами других строений и колодцем. Будет также восстановлен заполненный водой ров в юго-восточной, юго-западной и северо-западной части окружения, стены кастелла.

Средневековому зданию конвента будет возвращено богатство его силуэта. Ему будет возвращен его первоначальный открытый боевой ход на окружавшей здание наружной стене крыльез вместе с зубчатым бруствером. Вместе с этими работами будет проводиться и покрытие всего здания первичной вальмовой кровлей черепицей, носящей название "монах-монашка". Реставрации подлежит эркер ("houard") для усиления обороноспособности

ворот, а также и герса, данскери ("гданиско"), юго-восточного и северо-западного крыла здания, а также и в изоляционной шахте работ со сторожевой башней. Реставрирована будет и внутренняя система лестниц, утраченные своды и средневековая отделка в целом.

Реставрация окружающей главной здание крепостной стены предусмотрена в её юго-восточной и частично в северо-восточной части. Будет реставрирована обращенная вовнутрь сторона оборонительной стены вместе с боевым ходом, соединительными лестницами и бойницами. Предусмотрены для тяжелых орудий артиллерийские башни в северном и южном углах передних укреплений реставрируются в первоначальном виде, за исключением внутренней части южной башни, которая в 17 веке была использована в качестве порохового погреба. Артиллерийские башни, расположенные у восточного бастиона, будут реставрированы частично. Северная артиллерийская башня уже завершена.

Земляные валы конца 16 и первой половины 17 века, построенные датчанами, будут экспонированы в северной части куртины северо-западного вала. Реставрируемый участок отличается от более поздних земляных укреплений тем, что здесь открыты и расположенные снаружи в средневековой опорной стене укрепления бойницы.

Земляные укрепления, модернизированные шведами на смене 17 и 18 столетий, возможно реставрировать в их оригинальном виде лишь частично — на участке северного бастиона и северо-восточной (примыкающей к северному бастиону) куртины. Опорные стены бастионов сложены здесь из известняка и лишь частично включают доломитовые блоки. В северном бастионе представляется возможным экспонировать тип бастиона с казематом (но с одним крылом).

Обновление, а на смене 18 и 19 веков и облицованные обработанными доломитовыми блоками эскарпы земляных укреплений, будут на бастионах и равелинах реставрированы частично, часть опорных стен куртин будут лишь консервированы. Будет приведен в порядок и расположенный перед гласисом сложенный насухо контрэскарп.

Ров, четверть которого уже очищена, будет вновь заполнен водой. Мосты через ров будут реконструированы.

Использовать здание конвента будет попрежнему Сааремааский краеведческий музей. Но не все помещения пойдут под экспозицию; часть из них будет открыта для посетителей как пример интерьера средневекового оборонного зодчества. Помещения, представляющие собой архитектурно-строительную экспонатуру, будут использоваться и для проведения общественных мероприятий (районные совещания-семинары, торжественные собрания итд.). Среди них можно назвать расположенные на главном этаже капеллу, рефекторий, dormitorio, жилые помещения епископа и клуатр, на подвальном этаже помещение кухни с трубой-кожухом, пивоварню и системы отопления. К ним следует причислить целиком и сторожевую башню.

Некоторые помещения (например - рефекторий) получают необходимую мебель для организации в них лекций.

Экспозиционная площадь музея - около 11000 м² расположена главным образом на II этаже и в сторожевой башне.

Тематические и передвижные выставки предполагается организовать в юго-западном и северо-западном крыльях подвального этажа (330 м²). Предусмотрены еще два помещения открыток фондов (на подвальном и I этаже) площадью 124 м².

Для вспомогательной цели предусмотрены: гардероб, касса, туалеты и комнаты для персонала музея.

Находящиеся во дворе замка здания 18 века предполагается использовать в будущем в качестве служебных помещений музея и для целей туризма.

В ходе реставрационных работ замок получит центральное отопление и будет подсоединен ко всем остальным инженерно-техническим сетям и установкам, что должно в будущем обеспечить нормальное использование и сохранение памятника архитектуры.

Территория заложенного в 1861 году парка всегда входила одной из частей земляных укреплений (Гласис и эспланада) в состав укреплений замка Курессааре. В противоположность Таллину, в Курессааре город и не стремился застроить старую эспланаду. Разногласия возникли лишь тогда, когда проектировалась новая граница эспланады, которая должна была быть в два раза шире прежней, согласно которой следовало бы разобрать ряд городских строений. Противоречия

вызвал и спор между городом и владельцами замка после передачи земляных укреплений из военного ведомства гражданским: кому должна принадлежать территория пражней эспланады. Наконец здесь был заложен общедоступный парк, который должен и впредь оставаться таковым. О суровых днях войны напоминает находящийся на юго-восточном равелине памятник жертвам фашизма, установленный в 1965 г. (авторы М.Варик, Р.Кульд и А.Мурдмаа). Во дворе замка находится монумент воинам, погибшим за освобождение Сааремаа (1976 г., автор М.Палым).

В итоге можно сказать, что здание конвента будет восстановлено в таком виде, какое оно имело в конце средневековья, земляные же укрепления получат облик, который они обрели до демилитаризации (т.е. на 1836 г.). Интересно отметить, что в Курессаареском замке-крепости все изменения и модернизации проводились таким образом, что почти от каждого этапа до настоящего времени сохранились части в их неизменном виде. Таким образом является возможным реставрация земляных укреплений на состояние 1836 года с включением в то же время в экспозицию всех более ранних этапов без того, чтобы нам пришлось для этого портить или изменять последующее. Разумеется — для этого все части следует благоустроить в их исторически первоначальной форме и теми же материалами итд.: оборонительную стену времен епископов в виде кладки из булыжника, опорные стены датского и шведского времени на земляных укреплениях из известняка и грубо обработанного доломита, в парское же время — из чисто обработанного доломита. В результате памятник архитектуры, который обретет цельность во всех своих основных строительных частях, станет показательной экспозицией всех этапов его фортификации.

Взаимосвязь между замком, гаванью

И ГОРОДОМ

Общепризнанной причиной возникновения поселения Куресааре считается замок. Ряд соображений говорят против этой точки зрения.

Если замок Куресааре был заложен лишь в середине 14 века, то остается непонятным, почему уже в древности дорога, соединявшая пролив с Кихальконна, и проходившая через незаселенные территории, на месте Куресааре большой дугой отклонялась к югу? Почему она не шла через Вальяла и Каарма прямо на Кихальконна? Ответ может быть лишь один — на месте Куресааре уже задолго до заложения замка должен был находиться какой-то населенный пункт или, по крайней мере, место гавани со складом товаров. В то же время было обычным, что завоеватели свои замки на месте старых городищ закладывали, гаваней или на месте узлов древних дорог. Гавани часто располагались недалеко от древних городищ. Так было и на Сааремаа. Так, например, у гавани Нагураку находилось городище Кихальконна, у гавани Маазиллина — городище Мапенсааре, у гавани Пидула древнее Пидулаское городище. У гавани Куресааре могло располагаться тоже какое-то городище. Несмотря на то, что гипотезы, высказанные прежде некоторыми исследователями о том, что на месте замка Куресааре могло быть прежде городище, не имеют подтверждения в виде древних находок, нет и опровержений этого мнения, т.к. древние находки в окружении Куресааре не были обнаружены. В то же время датировки проб дерева методом радиоактивного углерода и дендрохронологическим методом доказывают, что на месте замка Куресааре имелись деревянные строения уже в II веке: они могли принадлежать древней гавани. Если же здесь имелась гавань, то находится ответ и на вопрос, почему дорога поворачивала к Куресааре.

По-видимому епископский замок Куресааре был заложен в непосредственном соседстве с гаванью Куресааре, рядом с дорогой, ведущей к гавани. Замок контролировал как дорогу к гавани, так и саму гавань.

Замки повсюду играли большую роль в возникновении городов. Такие предположения высказываются о Пайде, Раквере,

и др.; но не у каждого замка возникал город. Для этого нужны были и экономические предпосылки. Лишь там, где у замка был и рынок, начал вырастать поселок, развивалось ремесло и наконец, по словам А. Бунина, складывалось поселение городского типа.

По-видимому и в Куресааре следует на первое место поместить гавань с рынком или местом для торговли и лишь затем учитывать стратегический фактор с исходящим из этой задачи замком. Значимость древнего населения Сааремаа заключалась в его флоте, а на последнем этапе викингов Сааремааски претендовали даже на господство в Балтийском море. Поэтому их подчинение заключалось в первую очередь в уничтожении флота и в контроле над гаванями.

Если место для торговли оказывало влияние на возникновение города, то нет сомнения в его воздействии на архитектурную планировку города. В Куресааре город с центральной площадью сложился довольно поздно; поселок получил в Куресааре городские права лишь в 1563 году.

Где в городе располагалось средневековое место торговли, нам неизвестно. Ясно лишь то, что оно было расположено ближе к замку, чем сегодня. Мы не знаем и места обмена товаров в древности. На чертежах 1641 и 1645 года показаны лишь два пирса: один за замком, другой — у западного угла. Первый по-видимому принадлежал военному, второй — торговому порту, так как все более поздние связанные с торговлей строения, как тамошня, амбары итд., связаны с последним местом.

Старейший план замка составлен в 1641 г. шведским инженером-фортификатором Георгом Швенгельном. К северу от замка на нем указаны ряд одноэтажных зданий и несколько ветряных мельниц. Мельницы расположены недалеко от угла Северного бастиона, дома поселка указаны примерно в 300 шагах от замка. Между замком и поселком не имеется никаких указаний о рынке или городской площади. О них нет никаких указаний и на составленном в 1645 году тем же автором плане замка. Дорога к замку идет прямо с северо-востока с окончания улицы Цикк на Северный (или "Кирику", т.е. "церковный") бастион, через который в то время проходил единствен-

ный вход в замок, а справа от него дорога вела к пирсам гавани. Серьезного внимания заслуживает датированный 3 августа 1681 г. план, составленный Паулем фон Эссеном. К этому времени в целом планировка города в целом уже сложилась в том виде, какой мы её видим на чертежах середины 18 века.

Уже имеются улицы Лосси (Дворца), Куберманту (Губернское), Пикк (Длинная), Толли (Таможенная), Кауба (Торговая), Кохту (Судебная), Гарнизони (Гарнизонная), Кирику (Церковная), Туру (Рыночная), Саама (Гаванная) и Кывер (Кривая).

Внутри города имеются свободные места у улицы Лосси (на месте нынешнего здания Исполкома), между улицами Туру, Кыртси и Пикк и на месте нынешнего Сырвесского рынка. На их месте указывается: "свободные места и рынок". На своем месте располагаются ратуша и площадь перед ней, но для площади не указано название.

Остается неясным, на какой из этих трех площадей велась торговля. Самой крупной и просторной была площадь рядом с улицей Лосси, на одной её стороне торцом к площади стояла Ратуша. Нынешней ратуши не указано. В то же время к ратуше примыкает небольшое строение, которое могло бы быть старой башней.

Одна из этих трех площадей, расположенная ближе всех к морю, является т.н. "Сырвеским рынком", который В. Миллер считает старейшей торговой площадью. Он приходит на основании планов конца 18 века (которые до сих пор считались древнейшими сохранившимися планами) к следующему заключению: "Все дороги сходились на место т.н. "Сырвесского рынка" нынешняя ул. Москва вела от церкви и продолжалась на дороге, соединявший город с Сааремаа, нынешняя улица Ластеайя вела на дорогу, ведущую в восточную часть Сааремаа, ул. Вайке-Саама вела к гавани, улица Суур-Пыллу соединяла площадь с деревнями Пыллу и Тори". Однако, если рассмотреть план Пауля Эссена, то можно увидеть, что в то время у Сырвесского рынка не было сообщения с дорогой, которая шла в восточную часть Сааремаа. Улицы Ластекоду или прежней Кыртси (Корчмы) в то время еще не существовало. Поэтому мнение, высказанное этим автором о Сырвесском рынке,

как о городской торговой площади, отпадает. Где же искать этот рынок?

В. Вага и Х. Арман справедливо указывают: "Город сложился у рынка, возникшего на месте скрещивания дорог, которые вели к замку". Более точного места они не указывают. Они говорят о месте скрещивания дорог, которые вели к эшпаку; в связи с тем, что направление дорог к замку и к гавани совпадают, видим, что терминологическое различие не имеет здесь значения. Средняя из площадей на плане 1681 года расположена между улицами Пикк, Пийк (Туру) и Пионерри (Прээстри). В этом треугольнике можно себе уже представить место нахождения рынка. Этот треугольник является местом, где действительно сходятся дороги, которые вели в Кихальконна, на материк, а также в гавань и замок. Особенно большое значение имел замок в епископское время; он объединял и замок и гавань, так как в руинах епископа находилась монополия на торговлю между городами и с иными государствами, особенно — вывоз зерна и квас соли и других важных продуктов потребления. Торговля и рынок в это время были самым прямым образом связаны с замком.

На плане П. Эссена 1681 г. видим, что к тому времени город рос одинаково вдоль дорог, ведущих в Кихальконна и по направлению к матерiku. Как известно, большая часть города погибла в ходе Северной войны и его восстановление после войны не развивалось по той же схеме, что и прежде. Теперь город стал расти в большей мере по направлению к матерiku. В связи с тем, что Куресаареская гавань все больше и больше теряла свое значение с отступлением моря и так как город в торговом отношении не зависел более от замка, одно из трех направлений, сходящихся на рынке (к Кихальконна, матерiku и замку) — то, которое вело к замку — потеряло свое прежнее значение в сравнении с двумя другими. Транспорту, направлявшемуся с материка в западную часть острова не было уже необходимости останавливаться в Куресааре, и магистраль Кихальконна-Куресааре-материк обрела транзитное значение. Эту магистраль в дальнейшем пытались выпрямить в пределах города и для движения через город большее значение стала принимать улица Кауба. В то же

времени и городской рынок переместился на новое место, к улице Лосси на место улицы Кауба к северо-востоку от ратуши. Это перемещение осуществилось, по-видимому, в третьей четверти 17 века (до 1681 года), что и фиксируется на Куресаареском плане П. Эссена 1681 г. Лишь к концу 17 века складывается место городской центральной площади на его нынешнем месте, куда сходятся идущая от замка улица Лосси, улица Кокту, идущая к Кихельконна и дорога к матерiku — улица Вийна (Куберманту, Таллина).

Отрицательное воздействие на плановое развитие города оказывал рентрашемант датского времени между дорогами на Кихельконна и к матерiku, что долгое время препятствовало дальнейшему выпрямлению двух важных путей сообщения и застройке участков в северо-восточном направлении между этими дорогами.

Все составленные шведами планы города не имеют целью модернизации городской планировки. Исключение составляет лишь план идеального города, составленный в 1652 г. Н. Тессингом, который, однако, остался нереализованным. План крепости и города, составленный в 1695 году тем же Эссеном, а также и вероятная копия этого плана, не отличаются от плана Эссена 1681 г. ничем, кроме модернизированной цитадели.

Рассматривая сеть улиц города, представляется, что местом, где сходились старейшие улицы, является треугольник между улицами Пикк, Туру и Прээстри. Отсюда можно было попасть прямо к берегу моря, в Кихельконна и на Муху. Возможно, что эта площадь возникла лишь в 13-14 веках, т.е. в то время, когда закладывается замок Куресааре. Как известно, единственные ворота замка до семидесятых годов 17 века располагались в северо-восточной части Северного бастиона. Эти ворота находятся на оси того отрезка улицы Пикк, который остается между описанной площадью и замком. Эта площадь располагается в сердце города, а не на его краю, как другие площади. Можно предположить, что поселок стал складываться на месте схождения дорог, оставаясь в центре будущего поселка и города. Если это так, то к чему Сырвеский рынок? Можно предположить, что Сырвеский рынок возник в связи с заложением Шульценхерской мизы. Улицу Толли, связанную тоже

с возникновением мызы, т.е. дорогу, ведущую к мызе еще в 18 веке, называют по Кирикумйза (церковная мыза^н) улицей Шульценхора в том что улица Пикк старше, чем улица Толли (Москва), говорит её лучшая связь через улицы Прээстри и Туру с дорогой, которая ведет на материк. В то же время простым и логичным является связь замка с направлениями на Кихельконна и на материк через центральную площадь между улицами Пикк, Прээстри и Туру. Условимся в дальнейшем эту площадь называть центральной площадью. И направление дорог из Сырве и Кихельконна через центральную площадь к матерiku значительно проще, чем через Сырвеский рынок, не говоря уже о том, что на городских планах шведского времени прямого сообщения между сырвеским рынком и материком вовсе не имеется.

Для утверждения о том, что центральный рынок старше Сырвеского, необходимо еще сравнить их форму, связанную конечно же, и с общей ситуацией. Главные пути из Кихельконна, материка и замка направляются к центру длинного рынка. А эти направления были самыми главными в средние века. Может возникнуть вопрос — как же быть с сообщениями с гаванью, деревнями Имлукула и Тори, которые В.Миллер считает более старыми, чем сам город. Рыбачья деревня Тори на планах 17 века еще не указывается. На плане 1681 года имеется пометка о том, что лишь летом там построены первые три дома. На этом плане пирс гавани имеется уже на восточном берегу Абая и к северо-западу от замка. Последний все же заложен в качестве военной гавани лишь между 1688 и 1698 гг. и прикрыт мулом. Самые старые планы Куресааре, составленные Швенгельном, показывают, что лодочных причалов было два и оба они имели пирсы. Один из них располагался под боком у замка, второй же — к юго-западу от бастиона Вески. Дороги к пирсам ведут вдоль северо-западного рва, до ворот замка (на бастионе Кирику) дорога совпадает с путем, который вел к замку. Часть основания для предположения, что начальная с закладки замка положение с гаванью не изменялось. Разумеется, сказанное не относится к периоду до закладки.

Из вышесказанного следует, что до конца 17 века связь между центральным рынком с одной и замком и гаванями с другой

стороны происходила одним и тем же путем — по улице Пинк.

В. Миллер предполагает, что к началу 17 века главная площадь Куресааре могла сместиться на место нынешней центральной площади. В обоснование этого утверждения он принимает факт, что после того как в 1612 году сгорела старая деревянная церковь в конце улицы Москва (Толли), для строительства новой церкви был назначен участок вблизи от современной центральной площади, в то время — в центре города. По-видимому главная площадь перемещается на место нынешней ратушной площади все же лишь после Северной войны, так как на планах шведского времени ратушная площадь не называется еще площадью. Строительству церкви на старом месте препятствовал оборонительный пояс.

Во второй половине 17 века замок уже не имел такого значения в жизни города, как прежде. Город стал развиваться в северном и северо-восточном направлении. Товары уже не проходили через замок, а транзитным пассажирам с западного Сааремаа уже не было необходимости заворачивать в замок. С ростом города в сторону материка и площадь города смещалась к матерiku. И вероятно то, что до того, как она окончательно утвердилась на современном месте, площадь могла некоторое время находиться и в конце улицы Лосси к югу от ратуши. Проследивая направления улиц, мы можем увидеть, что новая площадь была для следующих из Кихельконна в Муху более доступной, чем центральный рынок. К площади вала новая улица — улица Кауба (1 Мая). Для более легкого её определения будем называть её Кауба (Торговая).

Площадь Кауба имела связь и с новым входом в замок — через заложённый в 1676 году северо-восточный рavelин. (В том же году был ликвидирован старый ~~Наякел~~ через бастион Кирику). На площади Кауба перед южным фасадом ратуши имеется небольшое здание, по всей видимости — важная. Почему-то еще на плане 1695 года не указана новая каменная Важня, несмотря на то, что она должна была бы уже существовать (1663), ~~нет~~ и позже построенная ратуша (1654—1676) и то время как многие каменные здания и ограждения уже нанесены.

На плане города 1740 года, а также и на более поздних (1747, 1762) площадь Кауба у улицы Лосси уже полностью

застроена и центральная площадь ^{ЗАНИМАЕТ} уверенно нынешнее место.

Прослеживая направления улиц на плане города, мы можем увидеть, что возникла более прямая дорога между материком и западной частью Сааремаа, которая вела через центральную площадь — улица Кохту (современная М. Горького).

О работах в руинах монастыря Пирита

В почти что столетней практике архитектурных раскопок в Эстонии нынешние, проводимые в Пирита, вне всякого сомнения, являются наиболее богатыми по количеству находок и самыми результативными по вновь открытым первичным заложениям монастыря. Это проявляется в разнообразии архитектурных мотивов и в неожиданной новизне содержащегося в них архитектурно-исторического заряда информации. В ходе раскопок, которые к настоящему времени продолжаются уже в течение двух лет, археологически проработана уже значительная часть. В этот объем входит площадь крупнейшего сакрального строения средневекового Таллина — церкви монастыря Пирита (1344 м²), две внутренних монастырских клаузуры (клаузура — изолированная, согласно внутренним предписаниям монастыря, основная масса строений монастыря вокруг четырехугольного внутреннего двора) и две до сих пор мало известных территории передних дворов между обеими клаузурами и стеной, окружавшей весь комплекс. К олимпийскому 1980 году предполагается привести в соответствии с методикой в экспозиционное состояние расположенную к северу клаузуру монашек и церковь, которая в летние периоды будет при помощи переносного интерьера приспособляться под открытый зал для театральных и концертных мероприятий.

Начатые в Пирита в 1975 году раскопки не являются здесь первыми. Не являются первыми и проводимые здесь в строгой связи с раскопками консервационные работы. Первым начал архитектурно-историческое исследование монастыря в натуре выдающийся пионер в области истории искусства Прибалтики рижский архитектор и историк искусства Вильгельм Нейман. Это было в 1894 году. Консервационные работы западного шпика церкви были завершены в 1910 году. Второй этап в работах по исследованию истории архитектуры и консервации монастыря начались в 1930 году совместным мероприятием шведской и эстонской охраны памятников и историков искусства (под руководством Стэн Карлинга и Армина Туулзе). Вторая мировая война прервала этот так многообещающе начавшийся период работ, в ходе которого, кроме всего прочего,

впервые начали понимать строительно-художественные связи Пирита с Таллином и в общей связи с архитектурно-историческими явлениями эпохи в целом. Третий и в то же время наиболее крупный по объему этап (до начала проводящихся в настоящее время работ) пришелся на 1950-е и начало 1960-х годов. Их инициатором была (финансируя мероприятие) Инспекция охраны памятников архитектуры города Таллина, под патронажем которой проводятся работы и в настоящее время. Действительным исполнителем комплекса сложных задач является Республиканское Реставрационное Управление Госстроя ЭССР.

Консервационные принципы, направляющие работы в Пирита, выявились в какой-то мере уже в начале века и приняли более заверченный программный вид к 1930-м годам. Исходя из методических принципов так называемого анастиля, здесь максимально избегают восстановления конструкций или декорирующих деталей, в случае, если это не диктуется чисто техническими требованиями лучшей сохранности. Вскрытые в ходе раскопок верхние поверхности стен (разрушенные неравномерно) покрываются новым консервационным слоем кладки (в среднем — 2-3 слоя камня), что не только защищает старую кладку, но и увеличивает их воздействие консервированных стен и делает облик в целом более благоустроенным (а, следовательно и — более архитектурным). Швы кладки обмазываются и стены покрываются сверху водонепроницаемыми бетонными плитами. Верхняя поверхность плит блюдобразно углублена, что позволяет покрыть все стены коврообразным слоем дерна. На территории руин покрываются газонами и все площади, находившиеся вне помещений (внутренние и наружные дворы) и, в виде исключения, также территория внутри церкви. Восстановление здесь пола было бы, ввиду отсутствия более конкретных данных, самовольничаньем реставраторов и привело бы к тому, что громадная площадь пола, как сильно воздействующий новый элемент, встала бы в противоречие в господствующем в целом стилем руин. В части обеспечения устойчивости газона, отвечающего условиям Пирита, по которому будут постепенно ходить многие посети-

тели, свою помощь обещали оказать специалисты Ботанического сада АН ЭССР. Покрытые коврами газонов консервированные руины свяжутся в единое гармоническое целое, создав эстетически волнующий крупный ансамбль. Описанный выше метод консервации стал повседневным в начале века в Англии и в 1920-е годы распространился и в Швецию, откуда взяты и прямые примеры для Пирита.

В этой богатой наследием культурной зоне значительное место должен занять филиал Таллинского городского музея — музей монастыря Пирита. Для него готовы уже сегодня около 10000 находок самых различных отраслей быта и культуры. Этого музея ждут и будущие посетители, для которых парк-руины с особым режимом должен стать не только случайным местом для посещения или для прослушивания концерта, но и значительным центром, позволяющим лучше изучить и глубже понять разностороннюю культуру быта средневекового Таллина и имеющую неожиданно своеобразный путь развития архитектуры старого Таллина. Монастырь Пирита был прежде всего таллинским строением и лишь после этого способным участником и посредником идей некоторых других архитектурных регионов.

Мы не знаем точно, каким образом были связаны с Таллином эти "три таллинских купца" — Хинрих Свальбарт, Хинрих Хюксер и Герлих Крузе —, кого вместе с оставшимися неизвестными десятью купцами считают основателями монастыря Пирита. Однако нам известно, что их начинание нашло поддержку не у магистрата города, а у руководства Немецкого ордена. При поддержке последних они получили просторный участок к северу от реки Пирита (вне территории, принадлежавшей городу!), право для ломки известняка и, наконец, и разрешение на основание монастыря от папы римского. Противодействие города легко объяснимо: там боялись, что расположенное недалеко от города каменное строение может стать точкой опоры для противника, окружающего город; боялись и того, что подаяния граждан города монастырю станут слишком большими, неблагоприятно воздействуя на экономику города. Что же вызвало столь активную протекцию немецкого ордена

(как главного магистра ордена в Пруссии, так и руководства Ливонского ордена)? По видимому, эти причины могли быть как практическими, так и идеологическими. В зависимости от образа жизни феодального общества, где экономическая роль женщины была минимальной, имело место постоянная "перепро-дукция" женщин, которую пытались нередко ликвидировать при поддержке религии при помощи женских монастырей. Самым старым монастырем подобного рода (и в то же время единственным в северной Эстонии) был женский монастырь цистерцианок св. Михаила в Таллине. Его явно нехватало и монастырь в Пирита должен был помочь разрешению существовавшего положения. В то же время следует припомнить и о мистических средневековых тенденциях, которые в конце XIII века и в начале следующего столетия проявлялись в Северной Европе все более часто. Наиболее ярким примером подобного рода является zaloженный Биргиттой Гудмарссон в Вадстена (в Швеции) новый монастырский орден, который нашел сильную поддержку и у магистра немецкого ордена Конрада фон Юнгингена. Неслучайным при этом является и то обстоятельство, что во времена упомянутого магистра остров Готланд, игравший значительную роль в политике Северных стран, находился в руках немецкого ордена, чем объясняется утеснение в это время контактов со Скандинавией. В этой связи можно вспомнить и о том, что при заложении монастыря Биргитты в Гданьске магистр играл такую же патронирующую роль, как и в Таллине. Учитывая сказанное, можно предположить, что три упомянутых выше купца во главе с Хинрихом Свальбартом происходили не из нижнего города, а с Бышгорода, зависавшего от Ливонского окружения немецкого ордена, в число которых одним из главных покровителей входил и епископ северной Эстонии Хэйнрих фон Юксюль.

В 1417 году начали строительство каменной ризницы, связав ее, по всей вероятности, с построенной уже ранее деревянной церковью (которая должна была находиться внутри современных каменных стен церкви). К северу и югу от ризницы стали вырастать строения клаузур. Но и они не были первыми жилыми и хозяйственными строениями монастыря

(при раскопках к северу от церкви найдены фундаменты по крайней мере четырех зданий, которые старше, чем клаузура). К 1431 году восточная часть церкви была, по всей вероятности уже завершена, так как в этом году состоялось посвящение монашек и священников (согласно традициям, эта церемония должна была проводиться у главного алтаря). Через пять лет вся церковь была уже перекрыта сводами и окончательно завершена, что было отмечено торжественным освящением строения монастыря (1436). Учитывая тормозящие трудности, связанные с основанием монастыря и относительную медленность строительных работ в средние века, а также исключительные размеры монастыря и его композиционную скомпьюрированность, можно считать 19 лет, связанных со временем строительства, исключительно коротким сроком. Проектировщиком заложения и организатором широких строительных работ был Хинрих Свальбарт — один из заложителей монастыря, личность с исключительными организационными способностями. Он три раза посетил резиденцию папы римского (в Констанце и в Риме) в связи с разрешением ряда сложных вопросов, возникавших в связи с организацией монастыря и с выбором места для него; в связи со своими разносторонними интересами он вырос из кушца в архитектуре крупного монастыря, став значительной личностью в средневековом Таллине.

Заложение монастыря в Пирита следует довольно точно общественным предписаниям ордена, хотя и имеет некоторые отличающиеся от них решения, связанные в первую очередь с местными ландшафтными условиями и которые затрагивают в первую очередь вопрос местоположения главного алтаря. Главным отличием монастырей Виргинтинского ордена является наличие двух клаузур и расположение алтаря не как обычно в восточной части церкви, и в западной. Будучи принципиально женским монастырем (а не смешанным, как это иногда ошибочно утверждается), в состав которого входило до 60 монашек, при его проектировании обращается, естественно, главное внимание на расположенную к северу от церкви женскую клаузуру. Вторая клаузура располагалась к югу от церкви и она по своим размерам значительно меньше, будучи предназначена для священников и его помощников, в задачу которых входило

проведение ежедневных богослужений, начинавшихся ранним утром и продолжавшихся с перерывами до позднего вечера. В состав священнослужителей входило 13 священников, 4 диакона и 8 братьев — всего 25 мужчин. Согласно предписаниям ордена и они были, в связи с важностью возложенной на них задачи, строго изолированы от внешнего мира. Между обеими частями монастыря расположена объединяющая всю церковь, в которой балкон для монашек и предназначенный для них алтарь Марии должны помещаться на востоке, а хор для священников с его 13 алтарями — на западе. За хором священников располагалось особое помещение, т.е. место бесед (парлаторий). Это помещение было разделено пополам стеной, в которой имелись закрытые особым способом проемы. Через них можно было осуществлять передачу необходимых предметов из одной клаузуры в другую (в Таллине вероятно и пищу, которую готовили в женской части монастыря), а также для проведения необходимых переговоров. В большой степени в зависимости от местоположения парлатория главные носившие хозяйственный характер помещения монастыря были сосредоточены в западном крыле, что, правда, отвечает самым общим традициям и в других орденах. Ограничиваясь этими наиболее общими сведениями о чертах отличия монастырского ордена Биргитты, мы обратим особое внимание на вызывающее наш особый интерес заложения монастыря Пирита и постараемся выяснить, насколько характерно он представляет строительное искусство биргиттинцев, каковы черты его отличия и откуда происходит его несомненно оригинальный архитектурный облик.

Церковь является композиционным центром заложения монастыря, где главенствует ее ось с востока на запад, от которой зависят и пропорции обеих клаузур. При выборе места для церкви решающую роль играли природные предпосылки участка, данного для строительства комплекса. Среди них два компонента имеют главенствующее значение. Первым из них является река Пирита и ее северное ответвление, которые окружали монастырь с юга и востока. С севера участок ограничивался древней дорогой вдоль побережья таллинского залива. Другим важным фактором при заложении церкви было валобразное песочное возвышение. Напоминая нанесенный

морскими шторами плоский широкий песочный сугроб, он выдается своей восточной частью к небольшому рукаву реки, останавливаясь от него лишь на расстоянии нескольких десятков метров. Этот восточный обрыв вала и определил восточный фронт строений монастыря, создав для него высокий архитектурно воздействующий природный пьедестал. Добавим к этому, что подобная природная ситуация создавала идеальные возможности снабжения восточного фронта подвальным этажом, придав ему функции хозяйственного корпуса, требующего близости к воде. С этой идеей хорошо связывалось и положение ризницы на краю уступа, прямо за восточной стеной церкви, что можно встретить в истории сакральной архитектуры крайне редко. Такой выбор диктовала проектировщику имевшаяся в его распоряжении действительность. Без всяких надежд на осуществление вспоминал он о видениях святой Биргитты, согласно которым он должен был заложить на этот вал у долины реки главный фасад церкви с большими порталами, проложить к нему широкую дорогу для верующих (церкви монастырей ордена Биргитты были в то же время и народными церквями) и обратить хозяйственные помещения, ризницу и всю закрытую и потому имеющую малое воздействие западную стену к дороге и к открытому виду на море. И как в этом случае можно было бы расположить там кладбище и ставшими в церковные праздники столь знаменитыми народными праздниками на нем! Весь монастырь был бы окружен беспокойным движением и потерял бы в большой степени требуемую столь строго тишину монастыря. Оставалась единственная возможность, вопреки всем предписаниям: обратить главный фасад с порталом к западу, а хор священников - к востоку. Так и было сделано, создав таким образом беспрецедентное исключение во всей истории архитектуры биргинтинцев.

Уступ песочного вала определил не только место восточной границы. Аналогичные уступы имеются и в южной и в северной части территории монастыря (особенно высок уступ с северной стороны). И это проектировщик сумел учесть, расположив церковь на юго-северной оси таким образом, чтобы вся небольшая по размеру часть священников поместилась точно между церковью и южным уступом (в сторону реки Пирита),

В то время как требующая большего места женская часть с передним двором была расположена между церковью и северным из уступов. С запада уступа не имеется. Там могли беспрепятственно соединяться дороги монастыря из клаузур и церкви со старой дорогой вдоль берега моря, которая связывала монастырь с городом, а с другой стороны — с рыбацкими деревнями полуострова Виймси, где, в частности, жило большое число поселенцев шведского происхождения.

По своему плану церковь представляет прямоугольник, не имеющий самостоятельного помещения хора (в отличие от главного образца в Вадстена). Основой для пропорционирования мастеру явно служил квадрат (две наружные ширины церкви равны внутренней ее длине), длиной стороны является 50 так называемых биргинтинских локтя (55,36 см). Внутренняя длина церкви, таким образом, равняется 100 локтям, но двойной размер ширины продольной части церкви отвечает там всей длине церкви (вместе с хором и дополнительным помещением на востоке). Несомненна зависимость Пирита от главного монастыря, в то же время несомненна его самостоятельность в претворении авторитета в таллинообразное сооружение. Вытянутый прямоугольный план ввели в Таллине уже в XIII веке доминиканцы, закончив стены церкви монастыря Екатерины (которая была перекрыта сводами лишь одновременно с Пирита во второй четверти XV столетия). В меньшем формате аналогичный план распространился и по некоторым местам в Северной Эстонии (Кейла, Ихви, Люганузе).

План в деталях исключительно функционален, оптимально отвечая внутреннему распорядку ордена. Широкой подпружной аркой помещение разделяется на две самостоятельные части: западное из них образует отвечающую действительной продольной части т.н. "народную церковь", восточное же — исключительно большой хор длиной в четыре четырехтравевый хор. Первоначально, по-видимому, эти две части разделялись леттнерообразной перегородкой. В западном фасаде имеется большой репрезентативный портал (по Биргитте "ворота прощения") для посещавших церковь мирян. Имеющийся в центральной части северной стены церкви простой полуциркульный портал (по Биргитте "ворота милости и сияния чести") был

предназначен для монашек. При посвящении в монашки новопосвященную проводили от главного алтаря через эту дверь в первый раз в клаузуру. И после смерти она проходила эти двери вторично — ее проносили из клаузуры к главному алтарю к похоронной литургии. В южной стене имеется два портала и один простой дверной проем. Западный из них был предназначен для священников, которые проходили ко времени мессы к расположенному перед перегородкой алтарю, предусмотренному непосредственно для мирян. Восточным порталом пользовались священнослужители, служившие у главного алтаря и его вспомогательных алтарей (которых было 12). Простой дверной проем в самой восточной из травей проводил на винтовую лестницу, которая вела из церкви в помещения на сводах в восточном крыле клаузуры священников, а также на своды церкви. Портал в восточной стене вел в ризницу. На уровне дверных проемов в церкви имеется еще пять проемов размерами в дверь — два в восточной стене северного нефа и три в северной стене двух восточных травей того же нефа. Будучи закрытыми большими известняковыми плитами, в центре которых имелся закрытый занавесью проем, они образовывали характерный для церквей Биргиттинского ордена ряд ниш для исповедей (исповедающаяся находилась со стороны клаузуры, исповедующий же священник — со стороны церкви). Большой арочный проем в южной стене западной из травей соединял церковь с юго-западной капеллой и ее наружным порталом.

Особое значение имела в помещении хора большая зона балкона. Она характерна для каждого женского монастыря, но в биргиттинских монастырях она должна была находиться непременно в восточной части, вдоль восточной стены, под которым по предписаниям Биргитты должны были находиться порталы главного входа (а не традиционный главный алтарь, который здесь переводился к западной стене). Из-за "особого положения" Пирита, где главный портал нужно было поместить в западной стене, а местом для главного алтаря остался традиционный фронт восточной стены, здесь было нелегко найти отвечающее предписаниям место для балкона.

Проблема была разрешена крайне оригинально. Для балкона был отдан весь северный неф на протяжении всего хора (или пресбитерия). Таким образом были формально соблюдены требования ордена: монашки находились на своем балконе действительно в восточной части церкви. Они попадали на него со второго этажа южного клуатра своей клуазуры. Три больших полукруглых проема, соединявших клуатр с балконом, сохранились до наших дней. В восточной стене балкона для обязательного алтаря святой Марии оставлена большая перекрытая аркой ниша, а над ней помещено как бы символично самое высокое из окон восточной стены! Это не может быть случайным. Не без оснований в одном из средневековых источников этот балкон называют "капеллой". Южная сторона балкона на границе центрального и северного нефа опирались на восьмигранные колонки. Возможно, что балкон вдоль восточной стены доходил до южного нефа.

Непосредственно к западу от балкона монашек в северной стене церкви находится арочный портал, под которым в кладке стены можно увидеть ряд обломанных несущих консолей. Здесь находился самостоятельный небольшой балкончик для руководителя монастыря — абтиссы. С него можно было удобно наблюдать за богослужением в помещении хора, за происходившим на балконе монашек, а также и за народом в западной части церкви. Архитектурно хорошо экспонированный "трон правителя"!

Решение пространственной формы было найдено в Пирита не сразу и не легко. В толще северной стены сохранились консоли и следы пяти сводов, которые расположены значительно ниже действовавших и оставшихся неиспользованными. Это говорит о том, что согласно первоначальным намерениям, боковой неф должен был быть на четыре метра ниже того, каким его построили на самом деле. Следовательно — церковь сначала задумывалась как базилика! Отказ от столь торжественного решения и переход к более "демократической" системе зальной церкви, что явно в достаточно категорической форме требовал главный монастырь (в соответствии с предписаниями Биргитты), должно было подействовать на Хинриха Свальбарта как на архитектора, тяжелым ударом. Уже наполовину завер-

шенная восточная стена и восточный участок северной стены потребовали капитальной реконструкции непосредственно в ходе строительных работ. При более внимательном рассмотрении этих участков мы достаточно ясно видим следы этого. Особенно интересно это отметить в части окон северной стены. Нижние части окон, заложенных на этапе базилики (за исключением одного, самого восточного) не заложили, несмотря на значительное повышение окон (как можно было бы ожидать), а превратили в описанные выше проемы, соединяющие клуатр с балконом монашек в северном нефе церкви. Это было действительно остроумно найденным выходом в ходе выполнения komplицированной строительной программы, осуществляющейся в сложных условиях реконструкции! Таким образом балкон монашек с алтарем святой Марии остался в восточной части, несмотря на то, что там находился и главный алтарь.

Расположение балкона монашек в восточной части церкви обусловлено, вне всякого сомнения предписаниями ордена святой Биргитты, в то же время конкретное решение является совершенно оригинальным, став одним из своеобразнейших явлений в культовой архитектуре таллинской поздней готики. Это решение не осталось единичным, а было повторено в то же время или несколько позже в построенной (вернее — в это время реконструированной) церкви женского монастыря цистерцианок святого Михаила и, по всей вероятности также и в хоре Олевисте. Оба строения были завершены именно в это время, когда строительство церкви в Пирита уже велось. Ниже мы сможем увидеть, что в обеих упомянутых церквях можно встретить и другие архитектурные мотивы, которые являются общими с Пирита.

Таким образом церковь Пирита была завершена к 1436 году высокой трехнефной зальной церковью, в которой центральный неф значительно (около 3 метров) шире, чем боковые, что, вероятнее всего, объясняется первичным заложением в виде базилики (или псевдобазилики).

[Сводчатое перекрытие опиралось на семь пар пилонов, которые разделяли каждый из нефов на восемь травей. Начатые летом 1976 года раскопки в церкви показали, что пилоны были двух видов — четырехгранные и восьмигранные. Оба типа

пилонов являются характерными для архитектуры Таллина. Таллинским является и то, что они выступают вместе в одном и том же помещении, в чем можно убедиться хотя бы в церквях Олевисте или Нигулисте, которые были окончательно завершены в основном во второй четверти того же столетия, т.е. в непосредственном временном соседстве с Пирита.

Соотношение распространения обеих типов церквей, рассмотренное как во временном так и в территориальном аспекте, являются одной из наиболее сложных проблем в истории архитектуры Эстонии. Представляется, что к середине 1420-х годов зальная церковь в Таллине завоевывает в лице хора Олевисте и церкви Екатерины в последний раз главствующее положение, так как примерно в то же время намечается реконструкция Нигулисте в базилику и базиликой же намечают строить церковь в Пирита. Приглашенный в 1427 году в Раквере мастер Андреас воздвиг и там базилику (псевдобазилику). Вероятно тот же мастер Андреас реконструирует начиная с 1436 года в базилику продольную часть церкви Олевисте, несмотря на то, что там лишь около десяти лет перед тем было построено помещение хора зального типа. Похоже, что базилика, более репрезентативная и имевшая более долгие традиции, в большей мере отвечала образу мыслей таллинских патрициев, чем зальная церковь, которая территориально в Эстонии стала большей частью все же сельской церковью а также идеальным типом монастырских орденов, выражая у последних, таким образом, принципы образа жизни, подчиненной отказу. Яркими примерами такого рода является Пирита и перекрытая примерно одновременно с нею церковь Екатерины в монастыре доминиканцев.

Репертуар пространственной формы интерьера церкви, особенно та ее часть, которая затрагивает опорную систему сводов (пилоны, консоли, подпружные арки), непосредственно связаны с классическими формами Таллинской поздней готики. Семь пар пилонов, разделявших три нефа зал^А церкви на восемь тра^евей, чередуются в четырехгранной и в восьмигранной форме. Обе разновидности пилонов к тому времени уже были в достаточной мере таллинскими. Восьмигранные впервые встретились в построенной в 1403/4 г. ратуше, имея уже в то время помещенный на импосте т.н. венец консолей, на которые непосредственно

опираются подпружные арки. Венец консолей, исходя из мотивов архитектуры цистерцианцев XIII века, в период готики характерен лишь для круга мастеров, связанных с Таллином. Лишь для Таллина характерны и стройные подвесные консоли и профили подпружных арок церкви Пирита. Их путь развития начинается у форм домского собора XIII века. В связи со сказанным Таллинская поздняя готика местами воздействует неожиданно архаично.

К мотивам Таллинской школы мастеров начала XV века ярким примером можно отнести и главный портал западного фасада церкви. Профиль откоса портала состоит из связок тяг, состоящих из двух круглых тяг и грушеобразной тяги между ними. Архивольт повторяет профилировку откоса. Прямой пояс импоста — тоже результат местного развития, начавшегося с большого южного портала домского собора конца XIII века, продолжавшегося в начале XIV века в главном портале монастыря Екатерины (где пояс импоста обогатился символическими растительными и животными мотивами) и во второй четверти XV века достигшего Пирита, но уже с редуцированной позднеготической плоской растительной орнаментацией.

Непосредственно примеру доминиканского монастыря следует уже упоминавшаяся винтовая лестница в северо-восточном углу церкви. В Пирита она имеет особое значение. Для этого имеется даже две причины. Во первых она соединяла церковь и клаузуру священников с помещениями на сводах церкви, которое по примеру других больших таллинских церквей было превращено в многоэтажный склад. В этом отражались уходящие в далекий XII век традиции купеческих церквей (*ecclesia mercatorum*). Товарные ^{лю}межи в высоком западном шпильце Пирита рассказывают еще и сегодня об этом. Вторая функция лестницы имела сакральный характер. По ней священники поднимались на церковь, чтобы оттуда попасть на наружную кафедру, которая большим эркером выдавалась в верхней части западного фасада (в настоящее время можно увидеть лишь заложенный проем между двумя южными окнами). Аналогичные наружные кафедры имелись до Пирита в Таллине, к примеру, у домского собора и церкви Пюхавайму (святого духа). Таким образом и этот мотив сложился как таллинское явление.

Из мотивов Пирита для бывшей в то время еще молодой поздней готики, как элементы ее развития и обогатившие ее, можно указать прежде всего на окна. Необычно вытянутыми и широкими прорезают они плоскости стен, делая помещение позднеготически освещенным, а стену прозрачно легкой (особенно с южной стороны, где для беспрепятственного "вытягивания" окон было больше возможностей). Правда, примерно в это же время или даже несколько ранее также ^и ~~же~~ окна появились и в церквях Екатерины и Нигулисте но, будучи связанными со старыми заложениями, они не смогли там достичь такой же степени воздействия. В Пирита окна были задуманы даже для западного фасада (три окна), где они раньше в условия Таллина не встречались. Не был ли в этом случае источником вдохновения главный монастырь ордена в Вадстена? Или же следует для обеих искать общий источник в кирпичной готике Северной Германии, на что непосредственно указывают простые трехчастные массивы западной и южной стены Пирита?

Новыми для архитектурных мотивов Таллина того времени были малые закругленные порталы, весь проход которых через всю толщу стены облицован чистыми известняковыми квадратами. Их косвенными предшественниками можно было считать внутренние порталы ратуши, хотя там и отсутствует облицовка квадратами. Более широкое чем обычно использование кладки чисто обработанными квадратами (например, в некоторых участках клаузуры) может указывать на некоторые контакты с младшим поколением мастеров епископского замка Куресааре (в Кингисеппе), следы деятельности которых в строениях первых десятилетий XV века в Таллине можно встретить не раз (клаузуры Пирита, ратуша).

Исключительным является для таллинской поздней готики и сводчатое перекрытие церкви Пирита. Более детальное изучение этой погибшей гигантской конструкции началось во время раскопок 1976 года и продолжится еще и этим летом. За исключением известняковых подпружных арок весь свод выкладывался из кирпича. Открытые до сих пор кирпичи свода сложены в характерной для крестовых сводов системе, причем отдельные технические приемы (например систематическое употребление всех половинчатых или уменьшенного формата кирпичей

в месте схода поверхности свода) ^{си} обозначно указывают на пример главного монастыря, откуда взяты, по видимому в качестве примера и использование мотива нервюр и грушеобразная в сечении форма нервюр. Последнее для Таллина исключительно. В соответствии со сводчатым потолком главного монастыря и с предписаниями ордена кирпичные своды покрывались слоем штукатурки, а нервюры покрывались серо-синей краской, последняя же в свою очередь декоративными швами.

В итоге: интерьер церкви по своему воздействию был глубоко таллинским, что было обусловлено главным образом пилонами с венками консолями, подружными арками и консолями. Благодаря консолям плоскости стен в противоположность классическим примерам готики оставались нерасчлененными и архитектурно неартикулированными. Для Таллина это исключительно характерно и имеет более чем полутаростолетние традиции, которые во времени начинаются со строительства продольной части домского собора в середине XIII века и уходит истоками в строительные традиции ордена цистерцианцев, а также во многом следовавших их доминиканцев. Характерно, что воспитанницей цистерцианцев является и сама Биргитта.

В экстерьере церкви важным фактором является опять-таки плотный ряд высоких окон, едва оставляющих место для контрфорсов. Контрфорсы являются вторым существенным мотивом оформления церкви, в значительно большей мере, чем это было когда-либо ранее в Таллине; они окружают церковь ^в плотном и сильном ритме. Двухступенчатые контрфорсы достигают почти что карниза; верхняя ступень завершается квадрированный уклонной поверхностью, нижняя же сильно выступает, позволяя клуатр построить таким образом, чтобы он, проходя через контрфорсы, мог непосредственно примыкать к церкви (с южной стороны — в один этаж, с северной — в два ^{этажа}). Такое связывание контрфорсов с клуатром является для Северной Европы исключительным явлением: В Таллине же мотив встречается у двух церквей (частично можно принимать во внимание и большие начинающиеся с уровня земли арбутаны церкви Екатерины; от них сохранились лишь следы. Строительство арбутанов было начато в качестве вторичной вспомогательной конструкции в 1425 году). Из них, по-видимому,

Пирита была первой во времени, дав, между прочим, пример и для строителей церкви святого Михаила. И этот монастырь был женским. Для монашек в северной части церкви был балкон, куда можно было попасть со второго этажа клуатра, проходящего через контрфорсы. Точно как в Пирита. И также как в Пирита, план церкви здесь складывается в прямоугольник из двух квадров^{ат} (без самостоятельного хора). Окна здесь пиритаобразно вытянутые и просторные и двухступенчатые контрфорсы мощны, как и в Пирита. И пилоны тоже полигональны, но импост редуцирован в простерно ступенчатую плиту. Откуда взял Хинрих Свальбарт этот редкий мотив клуатра? Возможно, что он увидел такое экономич^{уо}ское решение во время своих поездок в Констанцу и Рим? Его путь вел туда через бывший Кенигсберг, откуда дорога вела дальше в Богемию и на земли Мейссенского епископа. Описанное решение клуатра в тех краях более распространено, чем в других местах Европы. Явно откуда же происходит мотив аркбутанов церкви Екатерины (церковь Варфоломея в Колине в Чехословакии).

Особенно замечателен западный шпигель Пирита — один из наиболее известных архитектурных символов старого Таллина. Его монументальный треугольник членится узкими вертикальными ложными нишами. Во время строительства Пирита ложные ниши встречаются и в других таллинских строениях (шпигель большой гильдии и шпигель церкви Екатерины), но их задний план плосок и они не имеют второй ниши со стрельчатом завершением, ступенчатого углубленной в первой. (Средняя из них особенно высока и имеет острое стрельчатое завершение, в средней же части вздута, в то время как боковые арки сравнительно коротки и закругленно низки, словно плечи с двух сторон головы). Описанные декоративные ниши столь же характерны для шпигца Пирита (не повторяясь более в Таллине), как большие ниши-розетки в углах шпигца, сложенные как бы из четырех лепестков и круглые ложные ниши с боков и в центре его. Складываясь в совершенно своеобразную композицию, отдельные элементы которой исходят частично из кирпичной готики Северной Германии, частично же, по всей вероятности, из восточной части центральной Европы, он оказал несомненно большое влияние на развитие таллинских шпигцов.

Развиваясь, словно тема с вариациями (например Нигулисте I и Пикк 7I или шипец капеллы Антония церкви Нигулисте), ее вдохновляющее влияние достигло даже церквей южной Финляндии (например церковь Пюхтяя.). В Таллине в конце периода поздней готики из мотивов, получивших начало на шице Пирита, сложился своеобразный декор шица в его позднем развитии, где боковые ниши вертикально делятся наполовину, в то время как остающаяся целой средняя ниша приобретает или гротескно раздутую или же уподобную форму (например Пикк 43 и Кинга IO). На некоторых же нишах можно найти лишь круглые ложные ниши.

По две стороны монументальной церкви разветвляются клаузуры - словно два вытянутых крыла гигантской птицы. Мужская половина в южной части была частично раскопана в начале 1960-х годов, женская же половина начала конкретно вырисовываться начиная с 1975 года, в связи с продолжающимися сейчас раскопками. К сожалению от этих интересных строительных комплексов до наших дней сохранилась лишь низкая зона стен, та часть кладки, которые те, кто начали вывозить строительный материал после военной катастрофы 1575 года, не затруднялись выкапывать из толстого слоя строительного мусора. Местами этот строительный мусор достигает толщины до двух метров. Строения были высокими - главным образом двухэтажными. Местами встречается подвальный этаж, не играющий в целом (в противоположность распространенному обычаю) особо значительной роли.

В первые годы после заложения монастыря были воздвигнуты здания различного назначения (среди них, вне сомнения, и церковь), которые все же частично сохранились. Часть их фундаментов открылась в ходе раскопок: одно здание найдено во внутреннем дворе монашек и три менее претензиозных строения с наружной части западного клуатра. Они в какой-то мере образовывали западное крыло, оставаясь несомкнутыми между собой (как и с клуатром) в компактное целое. Насколько неподходящими оказались для них малые порталы клуатра в своем требовательном исполнении в тесаном материале! Они ведь были задуманы для регулярных новостроек, оставшихся непостроенными. Почему? К поставленному вопросу примыкают и другие, которые указывают на оставшиеся нереализованными

в ходе строительства идеи и их замену значительно более скромными решениями. Свой первоначальный проект Хинрих Свальбарт был вынужден корректировать не только в части церкви (о чем у нас уже шла речь впереди). Подобная же была судьба и у клуазур, вызвав, по-видимому, одну из наиболее крупных творческих трагедий, которые знает ранняя история архитектуры Эстонии.

Хинрих Свальбарт задумал обе клуазуры возможно более симметричными (сколько это позволяли в какой-то мере различавшиеся назначения). Согласно давним традициям он предусмотрел, среди прочего, и полные объемы западных крыльев обеих клуазур. При строительстве западной стены церкви это требование учитывалось. Частично было даже начато строительство, как это видно из сохранившихся до наших дней остатков стен и деталей оформления. Задумано было гигантское заложение с грандиозным идеальным планом, в котором клуазура монашек предполагалась в восточно-западном направлении столь же длинной, как и церковь вместе с ризницей (около 67 метров; размер, между прочим почти точно отвечает общей длине главного монастыря!), а клуазура священников такой длины, как церковь без ризницы. Аналогично были получены и ширины клуазур (в северо-южном направлении), которые несколько уступали длине. Как мы уже упомянули, этот идеальный план был реализован лишь частично, в редуцированном виде.

В северной клуазуре упомянутое сокращение проведено за счет западного крыла и таким образом, что клуатр здесь был в значительной мере смещен к востоку, на северо-южную ось между V и VI пилонами церкви. Место было неудачным, так как на пути частично оставалось достаточно капитальное более старое здание, которое было жаль разбирать, хотя это и заставило построить клуатр с некоторым изгибом. Думается, что нет сомнения в том, что причиной всех сокращений были экономические трудности, встретившиеся в последний период строительства дорогостоящего монастыря.

В южной части клуазуры вместо задуманного несколько-этажного западного крыла была построена небольшая капелла,

которая, будучи соединенной с церковью, служила дополнительным входом и выходом. Мало того — был ликвидирован и обращенный ко двору клуатр восточного крыла и построен новый клуатр в восточной части крыла. Такие изменения означали редуцирование до минимума функционального значения традиционного внутреннего двора и сосредоточение бытовых функций в восточном крыле и в его обращенной к реке части. Так возник путь сообщения с парламентарием (т.е. с конвентом монашек), через который, по всей вероятности, осуществлялась и передача пищи мужчинам (ее проносили отсюда через клуатр в мужской рефекторий), так как до сих пор еще не найдено кухни в мужской части монастыря.

Раскопанные стены клаузуры монашек (еще недостает части восточного крыла) дают, к сожалению, ^{ничего} информации лишь о первом этаже. От второго этажа не осталось, кроме остатков трех лестниц, второго этажа южного клуатра у церкви и так же некоторых следов стыка стен. На основании аналогий главного монастыря и некоторых других монастырей этого же ордена можно считать, что на втором этаже северного крыла располагалась бывшая спальня (или связанные со вторым этажом клуатра отдельные кельи для 60 монашек). Возможно, что в восточном крыле лишь клуатр имел два этажа.

И на нижнем этаже наиболее важная группа помещений была сосредоточена в северном крыле (сравни с тем же явлением в главном монастыре). Их было четыре: в каждом конце два двухнефных зала и между ними два помещения меньших размеров. Симптоматично, настолько во всем заложении господствует основное деление на два помещения (одно поменьше, другое — больше). Это явилось основанием и для постройки "дома во дворе" в восточной части западного клуатра. Северное крыло на самом деле является регулярной комбинацией такой основной единицы. Северный зал, который мы условно называли красным залом, так как там было найдено много окрашенных в красный цвет обломков штукатурки, был особенно представительным. Он, по-видимому, был торжественным рефекторием (трапезной), так как в нем можно было принимать и посторонних, важных для монастыря гостей. На это указывает и портал в наружной стене, что в обычных помещениях клаузур, как правило, запрещено. В южной стене здесь имеется проем

для подачи пищи; через него блюда подавались из клуатра в рефекторий. Низкие восьмигранные пилоны поддерживали нервюрные крестовые своды (выложенные, как и в церкви, из кирпича). Отдельные своды связывали сильно выступающие подпружные арки. Портал в клуатр с узкой круглой тягой и углублением тонко профилирован (единственная профилировка портала во всей клуазуре!). Описанный "красный зал" является характерным, но в то же время и своеобразным представлением господствующих в Эстонской готике двухнефных помещений. Своеобразие заключается в некоторой тяжеловесности, проявляющейся в сравнительно низких восьмигранных пилонах и в общем облике помещения с низкими сводами. Это можно сравнить в большей мере с залами епископского замка Куресааре, чем с просторными высокими двухнефными залами Таллинской ратуши или зданий гильдий. Между прочим — прямо на замок Куресааре указывают полукруглые ступени лестницы наружного портала зала — столь часто повторяющиеся в Пирита, но не встречающиеся более нигде в Эстонии. Это не может быть случайным совпадением.

"Синий зал", место находки фрагментов штукатурки синей окраски в западной части северного крыла, во многом напоминает точно что описанный восточный зал. И здесь имеются восьмигранные пилоны, нервюрные кирпичные своды и двухнефность. Прибавились консоли для подпружных арок (следовательно и здесь плоскость стены остается архитектурно не артикулированной как и во всем, без всяких исключений, монастыря; ярко таллинское явление!). Профиль подпружной арки неожиданно консервативен, будучи заключен в сильные круглые тяги (тот же профиль встречается частью и в красном восточном зале и в западном клуатре). В торцовые стены вмурованы широкие ниши для сидения со скамейками, которые с двух сторон охватываются короткими широкими пилястрами; это один из характерных мотивов капитульного зала в архитектуре монастыря в целом. Особого внимания заслуживает большой гипокауст с булыжниками в юго-западном углу зала. Из найденных до сих пор в Пирита десяти гипокаустов рассматриваемый — самый большой (у плиты, покрывавшей его, имеется двенадцать отверстий для

пропускания горячего воздуха). Он отапливался из подвала за западной стеной.

Два меньших помещения в середине северного крыла явно являются зимними рефекториями, так как под ними расположен отгревавший оба помещения большой гипocaust и общий большой лаваторий (piscina) в разделявшей помещение стене (находился в основании просторного проема люка через стену). Вытесанный из известняка лаваторий напоминает плоское восьмигранное блюдо, в центре которого имеется отверстие для стока воды. Для направления стока воды к центру на дне его имеются восемь бороздок, образующих секторы. Дно блюда окружает рельефный венец полукруглый (т.н. гордонация). Описанный лаваторий по своей форме является увеличенной копией открытого в епископском замке Куресааре несколько меньшего лаватория. Аналогичных лаваториев (только без гордонации) в Пирита найдено три. Происхождение этого типа уходит в романику Франции и доходит в замок Куресааре, по всей вероятности, через посредство Нижнего Рейна. Он быстро распространился в Таллине, найдя дорогу и в кухни жилых домов и даже в башню Кик ин де Кёк, где он, имея водослив, выполнял функцию водостока. Позже подобный лаваторий вылился в экзаменационное задание цеха каменотесов и как продукт экспорта шел в Финляндию (до сих пор сохранились, например, в Турусском домском соборе и в монастырской церкви принадлежавшего ордену Биргитты монастыря Наантали).

Клуатры были перекрыты цилиндрическими сводами, имея в более широкой западной части и подпругные арки. На местах дверей и окон цилиндрический свод имеет повышенные ниши. Все связанные с клуатром порталы, судя по сохранившимся фрагментам, были закругленными и имели тесаные порталы. Полы были покрыты прямоугольными плитами сравнительно небольшого размера. Местами встречался и кирпич, а также и имевшие случайную форму ломаные плиты. В начальный период местами использовалось даже покрытие битым кирпичем (например в южном клуатре). В качестве любопытной детали, заслуживающей внимание с точки зрения истории архитектуры, можно упомянуть при рассмотрении клуатров их места поворотов (на внутренней стороне схода клуатров разных направлений).

Они или тщательно закруглены и украшены в нижней части выступающим позднеготическим "носиком" или же просто фазированы. Это вновь мотив, исходящий из Куресааре и в таком же виде встречается в Таллине лишь в исключительных случаях (например в отделке наружных углов ратуши). И, наконец, подчеркнем в типологическом развитии и то, что клуатры Пирита не образуют самостоятельной пристройки по отношению к основному корпусу крыльа, а являются лишь неотделимой частью основного корпуса и расположены с ним под одной крышей. Известным исключением является лишь западный клуатр, который первоначально был построен отдельностоящим, но строители, не имея возможности построить там позднее необходимых строений, примирились со старыми случайными строениями, связавших с клуатром. Их было всего три, но южный из них был разобран (сохранилось лишь два ряда кладки фундамента). Из двух сохранившихся зданий самое северное (непосредственно рядом с главным входом в монастырь) использовалось, возможно, для размещения дальних гостей монастыря. В соседнем доме находились, по всей вероятности, какие-то рабочие помещения. Однако, это все слабо доказанные предположения.

Из раскопанных стен клуазуры монашек нами не рассмотрены еще два исключительно важных для жизни монастыря помещения. Одно из них находится у северо-западного угла церкви и ранее было известно как "северо-западная капелла". При его строительстве использовались предусмотренные при первичном заложении предназначенные для западного крыла большие ниши в стене церкви, а также и старая стена ограды, которая в настоящее время совпадает с северной оградой кладбища. При помощи этих строительных фрагментов к стене церкви было пристроено здание из двух помещений с разделявшей эти помещения стеной. В западное из них можно было попасть через выходящие на современное кладбище ворота, в восточное же через дверь, которую проложили через торцовую стену клуатра у VII контрфорса. Последнее из упомянутых помещений входило в границы клуазуры, западное же находилось вне территории клуазуры. В разделявший помещения стене, по предположениям имелись закрытые занавесками проемы люков (как и в упомянутых выше проемах для исповеди). Такое двойное

помещение необходимо было в монастырях ордена Биргитты для разговоров между монашками и их родственниками (по соответствующему разрешению абтиссы). В таком двойном помещении было возможно выполнять все требования внутреннего распорядка: посторонние не попадали в клаузуру, монашки не покидали клаузуру и посетитель не видел посещающего. И все же была возможность говорить и слушать.

Другое существенное помещение в действительности еще не раскопано. Это — латрина (то есть — уборная). Учитывая аналогии главного монастыря и анализируя неожиданное продолжение клуатра северного крыла в направлении реки (т.е. к востоку), сделано заключение (еще до окончания раскопок в восточной части клаузуры), что клуатр продолжается до реки и заканчивается там построенным над рекой объемным строением уборной. В монастырях, расположенных у протекавшей рядом реки такое решение сравнительно обычно.

Менее всего получено информации об использовании монашками внутреннего двора клаузуры. Часто внутренние дворы в монастырях превращались в романтические садики. При раскопке же в Пирита найдены лишь следы отдельных строений и спрятанные в песке своеобразные отсосные колодцы, куда ведут для отвода стекавшей с крыши воды длинные желоба, ведущие от стен. Нет более конкретного представления и о передних дворах, так как в этой части раскопки еще далеко не закончены. Сложность проблем увеличивается в свою очередь наслоениями культурных слоев более поздних времен (доходящих во времени в XX век) и более новыми строениями.

Во время раскопок мужской клаузуры в начале 1960-х годов была вскрыта часть восточного крыла, расположенного у церкви. По содержанию восточное крыло отвечает северному крылу женской части монастыря, так как все наиболее существенные помещения сосредоточены здесь. Все крыло является трехэтажным (его крыша доходила до карниза церкви). На нижнем этаже части, расположенной у церкви, находился двухнефный рефекторий, перекрытый нервюрными крестовыми сводами из кирпича. Пилоны и здесь были восьмигранными (какое постоянство стиля в использовании основных архитектурных форм!). Тесанный портал, соединявший рефекторий с

клуатром, профилирован аналогично portalу торжественного рефектория северной клаузуры. В южной стене имеется проем для подачи пищи и рядом с ним большая ниша лаватория для ритуального омования рук. По всей форме и этот лаваторий является плоским восьмигранным ^{дно}бассейном, дно которого геометрически делится на сектора и имеет в центре отверстие для стока воды. Из последнего вода вытекает в водосток, который ведет к находящемуся к югу меньшему помещению где под водосток в сводах подвала имеется правильное отверстие, допускавшее сток воды в песок на полу подвала. Так требовали правила ритуала.

Подвал имелся лишь у упомянутого промежуточного помещения. В нем располагались отверстия двух гипocaustов. Один из них обогревал рефекторий, а второй — более крупный зал в южной части (по-видимому, капитульный зал), который археологически еще не вскрыт. Для подноса дров для отопления в полу промежуточного помещения имеется четырехугольное помещение. В подвал ведет просторная внутристенная лестница, сохранившаяся полностью.

На втором этаже рядом с церковью находилась спальня (дормиторий). Внутристенная лестница соединяла ее с рефекторием, позволяя самым прямым путем попасть в церковь на службу к алтарю. Между dormиторием и церковью остается небольшое помещение, служившее для больных или же предназначенное для приора. Из него по внутристенной лестнице можно было попасть и на третий этаж, а оттуда — же на внутристенную лестницу в юго-восточном углу церкви. Назначение помещений третьего этажа остается ближе невыясненным.

На северной стороне раскопана и крупная капелла у юго-западного угла церкви, у которой должно было быть начало (по первоначальным намерениям) трехэтажное западное крыло. Капелла имеет своеобразную трехгранную восточную стену, в центральной части которой, непосредственно за алтарем имеется соединяющийся с клуатром портал священника. Любопытен главный портал в южной стене капеллы, имеющий характерный для Пирита профиль, скомбинированный из имеющих сильно выраженную форму круглой тяги и желоба.

В конце краткого обзора следует еще упомянуть не-

большую капеллу перед церковью и окружающее ее кладбище. Имеющую шестиугольный план маленькую капеллу использовали, по-видимому, для каких-то процессий, так как она имела два дверных проема (южный из них изящно обрамлен и украшен тройным листом). Сохранилось каменное основание алтаря. Капелла была раскопана краеведами завода "Ээсти Каабель".

Современное кладбище перед западным фасадом уходит во времени по крайней мере в XVII столетие. Подавляющее большинство известняковых крестов архаизированного типа изготовлено в XIX веке, когда кладбище использовалось главным образом населением прибрежных сел окружения реки. Кресты являются делом их рук, благодаря чему кладбище Пирита (теперь уже давно закрытое для захоронений) является одним из наиболее красивых и своеобразных кладбищ нового времени. Интерес с точки зрения языка и культуры представляют и многочисленные надписи, которые вытесаны промышленными руками на каменных крестах.

Экспликация плана - схемы.

1. Церковь; 2. ризница; 3. помещение для разговоров, разделенные стеной; 4. вспомогательные помещения, подвалы; 5. восточный клуатр южной клаузуры; 6. рефекторий (трапезная) южной клаузуры; 7. промежуточное помещение с подвалом отопленного; 8. предполагаемый капитульный зал; 9. колодец и предполагаемая баня; 10. незаконченный клуатр в западной части восточного крыла; 11. северный клуатр южной клаузуры; 12. западный клуатр; 13. юго-западная капелла; 14/15. подвалы восточного крыла северной клаузуры; 16. восточный клуатр северной клаузуры; 17. южный клуатр северной клаузуры; 18. западный клуатр южной клаузуры; 19. северный клуатр северной клаузуры; 20. главный вход северной клаузуры; 21. предполагаемый карцер; 22. подвал отопленного; 23. капитульный зал для северной клаузуры; 24/25. рефекторий (трапезная) с подвалом гипocausta под ним; 26. торжественный рефекторий; 27. подвалы дома во дворе с гипocaustом; 28. предполагаемый ледник;

29. предполагаемое помещение для разговоров монашек и гостей (на место предполагавшегося первоначально западного клуатра); 30. подсобные помещения; 31. стены ограды передних дворов; 32. фундаменты старого деревянного здания; 33. фундаменты старого здания с двумя гипocaustами; 34. фундаменты старого здания с гипocaustом; 35. внутренний двор северной клаузуры; 36. внутренний двор южной клаузуры; 37. фундаменты шестигольной капеллы; 38. северный рукав реки Пирита.

Об абсолютной датировке памятников {Сааре-Ляянеской
(островов и западной части Эстонии) архитектуры дендрохро-
нологическим методом.

Общее.

Одной из наиболее сложных проблем в истории архитектуры является датировка памятников архитектуры. Особенно сложна абсолютная датировка, где серьезные трудности начинаются в связи со средневековыми зданиями, для которых отсутствуют или недостаточны графические материалы и источники.

Археологи в последнее время обратились за помощью к точным наукам. И они добились в этом направлении ряда успехов. Их примеру последовали и исследователи памятников зодчества.

В настоящее время в Советском Союзе и во многих странах за рубежом из целого ряда предложений внедряются три наиболее перспективных метода определения абсолютного возраста. Они опираются на физику и биологию. Этими методами являются метод радиоактивного распада углерода C^{14} , дендрохронологический метод и археомагнитный метод.

Наиболее точным из них является дендрохронологический метод, где ошибка колеблется в пределах одного года. Наибольшая точность радиоактивного углерода и археомагнитного метода — ± 50 лет.

Метод радиоактивного углерода позволяет датировать органические находки и археологическую древесину, дендрохронологический метод лишь — дерево, а метод остаточного магнетизма — керамику, в том числе и кирпич.

Возраст древесины и прочих органических веществ можно в Эстонской ССР определять по методу радиоактивного углерода в Институте Геологии Академии Наук ЭССР в Таллине и в Институте Зоологии и Ботаники Академии Наук ЭССР в Тарту.

Около десятка проб по методу C^{14} в Республиканском реставрационном управлении выполнено для одного только памятника — Замка Курессааре. Выполнена эта работа через сектор археологии Института Истории АН ЭССР. Эти пробы C^{14} использовались в то

же время и для контроля дендрохронологических проб. Пробы выполнял инженер М. Пуннинг.

Недостатком метода C^{14} следует признать недостаточную для датировки памятника архитектуры точность, колеблющуюся сегодня в пределах от ± 50 до ± 120 лет. Этого достаточно в некоторых случаях, но большей частью это может приниматься во внимание лишь в качестве приблизительных контрольных оценок. Дендрохронологическим методом можно определить относительную или абсолютную датировку рубки дерева лишь в том случае, если дерево хорошо сохранилось, годовые кольца отчетливо прослеживаются и, кроме того, дерево должно быть в обязательном порядке - с неповрежденным поверхностным слоем. Если эти условия не соблюдены, то древесину можно подвергать датировке лишь методом C^{14} .

В Советском Союзе дендрохронологией успешно занимались в основанной в 1959 году дендрохронологической лаборатории Института Археологии АН СССР. За дюжину лет в ней было собрано более 7500 проб, из которых более 5000 были взяты с археологических объектов Новгорода.

Первый этап дендрохронологических исследований лаборатории завершился составлением абсолютной дендрохронологической шкалы для Новгородской климатической зоны на период 884-1960 гг.

В Советском Союзе дендрохронологические исследования остались в основном на службе археологических датировок. Было датировано более 600 средневековых археологических объектов в Новгороде, Смоленске, Полоцке, Торопце, Мстиславле, Белозере и в других городах. Основные результаты опубликованы в трудах Б.А. Колчина и Н.Б. Черных. В то же время в ФРГ и ГДР дендрохронологическим методом датировано более 130 памятника архитектуры. В историческом же плане следует выдвинуть прежде всего работу дендрохронологической лаборатории Аризонского Университета в США. В настоящее время подобные исследования проводятся уже во многих странах - Англии, Скандинавских странах итд.

В 1970 году, когда автор настоящего сообщения вступил в контакт с дендрохронологами Археологического Института в Москве, выяснилось, что полученные ими результаты исследова-

ния не распространяются на климатическую зону Эстонской ССР и что в случае необходимости следует самим выработать дендрохронологическую шкалу, т.к. у них отсутствуют возможности для этого.

Кажущая простота метода и большая точность результата, а также поддержка и любезная консультация профессора Б.А.Колчина воодушевила начать в Республиканском реставрационном управлении исследования. В феврале - марте 1971 года младший научный сотрудник РРУ И.Пярт ездил в дендрохронологическую лабораторию Института Археологии АН СССР с целью приобретения практических навыков в подготовке образцов дерева, в чтении годовых колец и в составлении графиков. В том же году был приобретен и необходимый для этой работы электростереоскопический микроскоп МБС-2. Дендрохронологические исследования в РРУ начались в 1973 году, как плановое исследование инспекции охраны памятников архитектуры Госстроя ЭССР. Проводили работу архитектор К.Алуве и мл. научный сотрудник И.Пярт.

К настоящему времени составлена абсолютная дендрохронологическая шкала для дерева памятников архитектуры Западной Эстонии на период 954 - 1970 гг. По сложившемуся мнению одна климатическая зона образуется на территории диаметром в 400-500 км и, таким образом можно было бы думать, что для Эстонской ССР действительна одна шкала. Однако в связи с тем, что в Западной Эстонии и на островах климат значительно более морской, чем в восточной или же в северо-восточной Эстонии, выработка общей шкалы возможна лишь в двух этапах.

Условия и основы метода.

Основой дендрохронологического метода, как известно, являются свойства дерева в условиях умеренного и холодного климата изменять прирост годового кольца в зависимости от различных причин. У деревьев, которые растут в умеренной и холодной части земного шара, где наблюдается более или менее четкая смена времен года - весны, лета, осени,

зимы — прирост древесины происходит в вегетационный период
слоем по всему дереву. Светлую древесину, возникающую вес-
ной и в первой половине лета, называют ранней, темную же,
нарастающую во второй половине лета и осенью называют позд-
ней. В одном и том же годовом кольце переход от ранней дре-
весины к поздней постепенен, переход же от поздней к ранней —
резок. Этот резкий переход и образует у границу, которая
отделяет одно годовое кольцо от другого.

Годовые кольца четко различимы лишь у хвойных пород.
Особенно хорошо читаются годовые кольца у сосны, хуже — у
ели. У лиственных деревьев, таких как дуб, ясень годовые
кольца различаются плохо, у березы, осины, клена и других —
почти вовсе не различимы. Таким образом семейство хвойных
деревьев больше всего подходит для дендрохронологических
определений. Для деревьев этой группы, наряду с четкостью
годовых колец, характерна и большая устойчивость от гниения.
На памятниках архитектуры, к счастью, основным строительным
материалом являлась как-раз ель и сосна, что делает этот ме-
тод особенно перспективным. На средневековых памятниках мож-
но встретить в меньшей мере и дуб, процесс измерения колец
которого значительно более труден, но все же не полностью
невозможен. Остальные виды дерева при современных возможнос-
тях измерять невозможно и их поэтому нельзя принимать во
внимание.

Климатические отличия того или иного года, сильные
дожди или продолжительная засуха, крепкие морозы или зима
без осадков, низкие или высокие температуры летом — все это
все же не местное явление, а характерно для достаточно боль-
ших территорий. Как известно, климат и погода непосредственно
связаны с солнечной активностью и с циркуляцией в атмосфере,
а поэтому общие условия основных метеорологических факторов
расширяются на большие территории земного шара. Их воздей-
ствие охватывает и широкие лесные массивы и их возможно фик-
сировать в тех или иных структурах древесины. И, в итоге, у
дерева, независимо от его возраста, в каждом году в резуль-
тате в первую очередь климатических условий нарастает уз-
кое, среднее или широкое годовое кольцо. Это понятие стано-

вится видимым, если мы сравним годовое кольцо одного дерева с шириной предыдущего или последующего годового кольца того же дерева.

В связи с тем, что неблагоприятные условия распространяются на большую территорию, у различных деревьев, за время одного и того же периода, наблюдаются одинаковые изменения в ширине годовых колец.

Годовые колебания прироста древесины лучше всего изображать при помощи графиков. Узкое кольцо - прирост меньше, а их комбинации повторяются с известными интервалами и образуют различный ритм - этого дерева, группы деревьев и, наконец, целых лесных массивов на широкой территории. Надо тут же отметить, что хронологически, т.е. по времени, циклы колебаний колец прироста не повторяются в виде одинаковых ритмов. Всегда у одного или другого цикла имеются свои варианты - микроциклы, не идентичные с другими и не повторяющимися ни через 100, ни через 1000 лет.

Сравнивая визуально график прироста двух и более деревьев, мы можем определить, росли ли они известное время вместе и если да, то насколько одно дерево спилено раньше или позже другого. Так мы можем определить относительную датировку двух или более деревьев. Если же нет график связан с абсолютным календарным годом, т.е. с абсолютной дендрохронологической шкалой, то мы можем определить и календарный год спила исследуемого дерева, т.е. абсолютную датировку.

Ширину годовых колец спила измеряют при помощи стереоскопического микроскопа с 20-кратным увеличением, в двух радиусах с точностью до 0,05 мм. Для сравнения берется сумма двух измерений одного и того же кольца. Во многих зарубежных лабораториях это измерение автоматизировано.

При этом методе среднего графика не составляют. Способов и принципов составления графиков имеется много. Так же как и у профессора Б.А.Колчина, наш график основывается на графике, предложенном в 1942 году немецким ботаником Б.Хубером. Это полулогарифмический график и его удобно использовать. Очень важно здесь то, что узкие кольца неблагоприятных годов выделяются энергично, широкие же кольца сжимаются. Полулогариф-

мический график более сжат в колебаниях чем график, составленный по абсолютным цифрам.

Спектр выбран по В.Глоку. Его именуют скелетным графиком и применяют в основном для контроля. Б.Колчин преобразил его в средний график. На спектре отмечается масштаб столбиков по двум значениям: во-первых по повторяемости и во-вторых по относительной величине. Если встречается особенно неблагоприятное место, встречающееся на всех графиках, столбик отмечается полной высотой, в случае же уменьшения этих значений - соответственно 3/4, 1/2, 1/4 и 1/8 высоты.

Абсолютная датировка некоторых памятников
Сааре-Ляянской архитектуры при помощи дендрохронологической шкалы.

Далее рассмотрим Сааре-Ляянескую дендрохронологическую шкалу уже с чисто практической точки зрения, т.е. - сколько памятников архитектуры нам удалось датировать при помощи составленной шкалы, а также насколько датировки, полученные при помощи этого метода, отличаются от существовавших ранее общепризнанных датировок и насколько велики эти отличия?

Одним из первых памятников, который удалось датировать, была корчма "Кулдлыви" ("Золотой лев") в Аудру. Самый поздний год спила дерева был здесь 1824 (А-8). Проба была взята с одной из главных балок конюшни, расположенной в сторону Пярну. Проба другой несущей балки (А-7) дала годом спила - 1819. Ряд проб был взят из балок из-под подошвы фундамента. Временем их рубки были 1821 (А-1) и 1822 (А-2, А-4 и А-5) гг. Можно сказать, что дерево для корчмы заготавливали в 1819-1824 гг. В то же время проводилось и строительство, завершённое по видимому в 1825 или 1826 году.

Две пробы относились, правда, к значительно более раннему времени: одна из несущих балок (А-6) была срублена в 1802 году и одна из балок плота под подошвой фундамента (А-3) - в 1803 году. Здесь мы, по всей вероятности, имеем дело с деревом, бывшем уже ранее в употреблении. Этот случай является лишним доказательством того, что крайне важным

является множество проб. Отдельную несущую балку или балку плота нельзя брать за основание для датировки здания; она может относиться ко времени позднейшего ремонта или же взята из использованного ранее строительного материала. Год завершения строительства корчмы Аудру - 1825 или 1826 - можно определить в результате по самой последней пробе (А-8, 1824 г.).

Для предотвращения прогиба потолочных балок помещений корчмы Аудру использованы дополнительные балки. Но все поперечные балки прикреплены старыми болтами. Две пробы этих более поздних балок дали годами рубки 1858 (А-9) и 1886 (А-10), что одновременно является и временем проводившихся здесь ремонтов.

Одним из памятников, датировка которого оказалась убедительной, была корчма Куйвасту. Проба взята из несущей балки крестьянской конюшни (Куй-4), показала, что дерево срублено в 1840 году. И все другие пробы, взятые из этой корчмы совпадают с этим или несколькими предыдущими годами. Известно, что проект корчмы Куйвасту был составлен Куресаареским городским архитектором Н. Лоренцоном в том же 1840 году. Таким образом, составление проекта и заготовка стройматериалов осуществлялись одновременно. Строительство корчмы могло быть завершено в 1841 или 1842 году.

Балки стен дома Пярнуского музыканта срублены большей частью (Р-1, Р-5 и др.) в 1754 г. Э.Парек отодвигает завершение этого здания (ул. Вийду 24) в несколько более раннее время. По ее предположениям строительство жилого дома должно было быть завершено до 1750 года. В 1754 г. здание продается. Трудно в этом случае сказать что-то определенное, но, по-видимому, после продажи имевшегося ранее здания проводилась сразу же и капитальная перестройка.

Жилой дом в Пярну по ул. Барбарусе 8, принадлежавший Ф.С.Стейнеру (ратман в 1691 г., а в 1702-1704 - бургомистр), построен согласно Э.Парек в конце 17 века. Пробы балок перекрытия, с которыми были соединены балки стропил над обращенной к улице мансардой дали датировку 1717 г. Проба Пс-2 хорошо подошла под шкалу, Пс-1 - нет, т.к. имела ярко инди-

видуальный характер. Не было сомнения в том, что как Пс-1, так и Пс-2 были срублены в одно и то же время.

Примерно такие же результаты были получены с пробами церкви Аудру (АК-1 и АК-2), которые имели относительно большие расхождения друг с другом. В то же время были хорошо совместимы между собой АК-1 и Пс-2, а также проба По-1, взята из конструкции крыши здания I Пярнуской почтовой станции.

АК-1 (из конструкции крыши, целая и одновременная) датировалась 1683 годом. Годом закладки церкви Аудру считается 1677 год. По-видимому 1677 год действительно является годом закладки церкви, завершено же строительство, если основываться на результатах дендрохронологического исследования, после 1683 года. Все упомянутые пробы были целыми, т.е. последний (расположенный непосредственно под корой) слой был в сохранности, в связи с чем можно предположить, что использование материала в качестве конструкции по всей вероятности было осуществлено в тот же или на следующий год.

Следующими памятниками, откуда были взяты пробы, были замок Вильянди и церковь Пярну-Ягуци. Из верхней части западной стены замка Вильянди была взята проба Ви-1, которая, к сожалению, не была целой. Последнее сохранившееся кольцо этой пробы датировалось 1566 годом. Конец балки вероятнее всего помещен в стену во время ~~бывшего~~ ремонта, проводившегося там поляками. Церковь Пярну-Ягуци по имеющимся данным построена в 1531-34 гг. Церковь сгорела в 1885 году, вместе с ней и вся конструкция кровли. При ~~взятке~~ проб выяснилось, что из периода до пожара сохранились лишь два конца балок из северо-западного угла продольной части церкви. Одна из ~~этих~~ проб (Пя-1) не была целой, вторая же (Пя-2) была в хорошей сохранности, т.е. с последним кольцом под корой. Пя-2 хорошо совмещалась с Ви-1 и датировалась 1553 годом. На основании данных этой пробы можно сказать, что по крайней мере часть ~~из~~ церкви Пярну-Ягуци была построена в 1553-1554 гг. Окончание балок были помещены в кладку с раствором и это место в стене карниза продольной части осталось нетронутой в ходе строительства новой кровли после пожара. В остальной части верхняя часть стены продольной части церкви обновлена. Из-за

малого числа проб больших выводов здесь получить нельзя.

Следующим объектом была башня Кик ин де Кэк в Таллине. При помощи пробы, взятой из замка Вильянди (Ви-1) оказалось возможным уточнить абсолютно и время рубки древесины для Кик ин де Кэк. Этим годом был 1475 год. Графики проб балок, взятых из пола четвертого этажа башни (Тл-1 и Тл-2) относительно хорошо совмещаются как между собой, так и с графиком балок из замка Вильянди (Ви-1).

По данным Р.Цобеля в 1475 Кик ин де Кэк была построена на высоту четырех этажей. Позднейшая достройка башни была произведена позже - около 1500 года. Таким образом данные, полученные дендрохронологическим методом находятся в соответствии с другими сведениями о башне Кик ин де Кэк.

Из церкви Пэиде было взято 3 пробы (Пэ-1, Пэ-2, Пэ-3), последняя из них - дуб. Пэ-1 и Пэ-3 взяты из северной стены церкви Пэиде I. Конец балки, который находился в стене церкви под слоем штукатурки, был срублен топором. Проба не является целой и при датировке не может приниматься во внимание. Проба конца башни Пэ-3, взятая рядом с предыдущей пробой, датировалась 1273 годом. Ясно, что Пэ-3 принадлежит церкви Пэиде I, однако на основании одной лишь пробы нельзя датировать целого этажа строительства церкви.

Пэ-2 (дуб), взятая с балки колокольного эркера восточного щипца хора церкви датировалась 1312 годом, но она не была целой и потому ее нельзя брать за основу датировки строительного этапа.

Пробы концов балок боевого хода церкви Вальяла (Ва-1 и Ва-2 - дуб) датировались 1228 (Ва-2) и 1240 (Ва-1) годом. О Ва-2 можно с уверенностью сказать, что у этой пробы часть годовых колец отсутствует и ее нельзя принимать во внимание при датировке церкви. Обе пробы росли в одинаковых условиях и поэтому их графики удивительно близки друг к другу. Несмотря на то, что слой под корой пробы Ва-1 источен временем, последнее кольцо у ^{нее} ~~не~~ же имеется. Заготовка материала для боевого хода уже в 1240 году опровергает существовавшую до сих пор гипотезу, что церковь Вальяла начали перестраивать в оборонительную церковь лишь после восстания островитян в 1260 году.

Если же дерево для боевого хода заготавливали сразу же после восстания 1240 года, то можно думать, что его использовали в строительстве в течение нескольких лет после 1240 года.

Много уточнений и новых положений дали исследования методами точных наук в историю строительства замка Курессааре. Здесь же были получены и абсолютно старейшие пробы, рубка которых произведена в давние времена, в II веке. И вообще с этого объекта имеется более всего датировок описываемыми способами: кроме 23 дендрохронологических проб отсюда взято II проб C¹⁴.

Ранее уже говорилось о найденных здесь древних срубках дерева. Для разъяснения - несколько слов о том, как это открытие было сделано. На первых инвентаризационных чертежах, выполненных в 1740 году, после Северной войны и фиксированных состоянии памятника на то время, наружная стена находящегося в руинах здания конвента в западном углу и на северо-западной стороне существует на всю высоту. Таким образом эта построена не после Северной войны, а когда-то раньше. Эта верхняя, высотой примерно в 5 метров, часть стены не первична, а была повреждена и сложена когда-то уже до Северной войны. Толщина ее всего 70 см, Таким образом примерно в три раза меньше, чем в остальной части. Балки старой конструкции кровли сторели. Как известно, пожар был здесь в 1711 году.

У автора появилась уверенность, что эти старые концы балок, которые были одновременны имеющейся тонкой стене, могут принадлежать строительному периоду, последовавшему русско-ливонской войне. Уверенность была подтверждена в ходе археологических раскопок на территории старого кастелла. Под культурным слоем времени Северной войны открылся слой, равный последнему (около 70 см), успевший уже покрыться дерном. Под слоем строительного мусора на большом участке имелся слой угля, возникшего от сгоревших деревянных строений; толщина этого слоя достигала 15 см. Можно было предполагать, что этот слой одновременно разрушению верхней части наружной северо-западной стены. Автор взял из обновленной части пробы обгоревших концов балок К-2, К-3, К-14 и К-19. Несколько из концов балок не удалось до сих пор еще достать без большей

разборки. Для К-3 в институте геологии АН ЭССР была выполнена проба методом радиоактивного углерода C^{14} (Тлн-45). Результат поразительно отличался от ожидаемого. Вместо нормального конца 16 века выяснилось, что рубка произведена в 1045 году с ошибкой в ± 90 лет, т.е. в период 955-1135 г. Дендрохронологическое уточнение рубки К-3 дало 1062 г. Проба К-2 датировалась 1071 годом, а К-4 - 1075 годом дендрохронологической шкалы. В противоположность этому временем рубки проб К-14 и К-19 по дендрохронологической проверке оказался 1604 год. Последний результат был подтвержден и контрольной проверкой К-19 методом C^{14} (карточка пробы Тлн-118), которая дала в результате 350 ± 120 лет, т.е. период 1490-1720 гг.

Самой же древней пробой дерева оказался брус, взятый из стены лестницы между четвертым и пятым этажом башни Стурвольт (РРУ, проба К-23). Возраст этой пробы был в Институте Геологии определен как 960 ± 60 лет, т.е. срублен в период 930-1050 гг. Это до настоящего времени старейшая находка на территории замка Курессааре.

Так как пробы C^{14} горелого слоя строений на территории замка (Тлн-5 и Тлн-38) дали временем рубки бывшего в постройках дерева периоды 1540-1640 и 1410-1510, можно предположить, что они сгорели во время военных действий во второй половине 16 века.

Происхождение проб дерева из 11 века указывает на существование уже в древности строений на месте Курессааре. Не исключено, что это были укрепления гавани или остатки предполагавшегося Эд. Кэрбером древнего городища Адиаборга. Так как концы балок, уже в это время сохранившиеся более 500 лет, были в относительно хорошем состоянии и в то же время с сохранившейся поверхностью под корой, можно утверждать, что они находились в каком-то строении под крышей. И, несмотря на их неоднократное использование, их состояние должно было быть настолько хорошим, что их стали вновь использовать для конструкции крыши. Вызывает, конечно, удивление, каким образом древнее дерево островитян сохранилось во время борьбы островитян за независимость и во время позднейших восстаний в 13 и 14 веках? По-видимому они прошли ряд пожаров. В том, что

древнее дерево прежде использовалось в каком-то строении, доказала проба К-4. На сохранившемся от пожара внутривстенном конце имелось место соединения балок (половина на половину). Место соединения в свою очередь тоже было обгоревшим. Это говорит о том, что брус пережил уже в своем первичном (или промежуточном) строении какой-то пожар. Пожар времени Северной войны уничтожил брусы до поверхности стены, во внутреннюю часть кладки горение не распространилось. Однако все предыдущие горения и катастрофы должны были быть частичным, так как и после них отдельные части длиной в несколько метров (какой точно длины — нам не известно) сохранились в годном для использования состоянии.

Один пример повторного использования дерева дала еще и проба К-20 из наружной стены между окнами рефектория. Временем рубки имевшегося там бруса каркаса по методу C^{14} (Тлн-117) было получено 1250 ± 120 , которое было уточнено дендрохронологическим методом как 1274 год. В это время здание конвента (как строение периода высокой готики) еще не существовало, что доказывается данными и других исследований, но в то же время эта проба говорит о том, что на месте замка 14 века уже во второй половине 13 века имелись уже какие-то более ранние строения.

Этим более ранним строением оказался скрытый под землей окруженный стеной кастелл, который включал в себя отдельно стоящую сторожевую башню — современный длинный Герман. Проба единственной первоначальной сохранившейся балки К-1 из перекрытия четвертого этажа дала временем рубки (по дендрохронологическому методу) 1261 г. Контроль методом радиоактивного углерода C^{14} (карточка Тлн-37) дала возрастом 655 ± 50 лет или же период 1245–1345. Исследования в натуре на месте доказали, что балка уложена в стену сторожевой башни во время кладки стены. В позднейшие времена перекрытия горели и обновлялись. Единственным сохранившимся исключением является указанный конец балки внутри кладки стены. И здесь может возникнуть обоснованный вопрос о повторном использовании дерева. Следует указать, что исследования замка Курессааре были разносторонними и все другие методы исследования, такие как изучение

фундаментов в натуре, типология башни, анализ проб раствора, сравнение отделки строительных материалов итд. подтверждают принадлежность башни периоду до строительства здания конвента. В лице сторожевой башни Курессааре мы имеем дело с башней-замком, характерным именно для 13 века. На это указывает и время строительства башни-замка Пэйде как аналогии орденского времени строительства (по А.Туулзе построена в период 1255-1290).

Сторожевая башня Курессааре была завершена вероятно в 1262-1263 гг. сразу после подавления восстания островитян — то-есть уже во времена епископа Сааремаа Германа I (1262-1285), как автор и предполагал уже в составленной в 1970 г. историко-архитектурной реконструкции замка Курессааре.

Возраст пробы дерева К-22 из опалубки арки изоляционной шахты данскера был определен в Институте Геологии АН ЭССР в 1976 году как 690 ± 60 лет (карточка Тлн-214) или же период 1200 . . . 1320 гг. И хотя здесь мы имеем вновь дело с повторным использованием дерева, все же это указывает на какие-то строения 13 века первого этажа строительства замка.

В пробе К-1 из лаг пола западной башни кастелла по методу C^{14} (карточка пробы Тлн-218) был получен с ошибкой в ± 50 лет 1220 год или же период 1270 . . . 1370. Можно предположить, что полы уложили вскоре после завершения строительства башни, так как материал, используемый ~~на~~ лаг пола не просушивался специально на протяжении длительного времени. Однако следует учитывать, что башня является вторичной относительно стены кастелла и заложена несколько позже. Таким образом закладка стены должна приходиться на время до 1320 года, по всей вероятности в одно время со сторожевой башней, в шестидесятые годы 13 века.

Временем одного из ремонтов или перестроек одного из памятников архитектуры Саарема-гавани Маазилинн, можно на основании проб М-21 и М-22 считать 1545 год.

Пробы дерева, полученные из Таллинских ворот в Пярну ПТВ-2 (1701 г.) и ПТВ-1 (1702 г.) доказывают дендрохронологически, что строительство ворот производилось лишь в начале 18 века, несмотря на то, что Э.Дальберг составил проект уже

в 1696 г.

Что касается датировки многих проб материковой части ЭССР на основании дендрохронологической Сааре-Ляянской шкалы, то некоторые из них уже уверенно определены, большая часть же еще не датирована. Часть проб как нетипичные должны быть забракованы, часть же должна быть включена в состав общей шкалы после выяснения ее общей характеристики. Так уже сейчас можно с уверенностью сказать, что здание мызы Арукола было построено вскоре после 1820 года, так как часть материала конструкции кровли была спижена в 1815 году (проба Ко-2), часть же в 1820 г. (проба Ко-1), однако установлены они в одно время.

В целом же составление дендрохронологической шкалы для памятников архитектуры материковой части Эстонской ССР следует еще провести. И все же можно быть уверенным, что приобретенные при составлении Сааре-Ляянской шкалы навыки и выработанная методика позволяет эту работу выполнить в ближайшие годы. Конечно, в то же время должно продолжаться и уточнение Сааре-Ляянской дендрохронологической шкалы, которая должна все-таки опираться на пробы, особенно же на массовость долголетних проб.